

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

Северо-Кавказский регион

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2022**

1

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Прижленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 28.03.2022. Выход в свет 31.03.2022.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 12,78. Уч.-изд. л. 11,73. Тираж 250 экз. Заказ № 8465

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfded.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfded.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berebikov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print March 28, 2022. Publication March 31, 2022.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 12.78. Publ. sign. 11.73. Edition 250 copies. Order number 8465

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bldg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of 104, phone (863) 247-80-51

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2022-1

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 1 (213) 2022 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 1 (213) 2022*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Аванесов А.Р. Миф и религиозность современного человека в феноменологии религии Мирчи Элиаде	4
Паршина А.А., Королев В.К., Евграфова О.В. Цифровизация как цивилизационный фактор культуры информационного общества	9
Семенова В.Г., Петриченко Е.А. Информация: история понятия, его настоящее и будущее	16
Хоконов М.А., Шоранова З.В., Урусов Р.Х. Роль и значение музыкально-песенных компонентов в мифопоэтической картине мира (на материале черкесского нартского эпоса)	27

Avanesov A.R. Myth and Religiosity of Modern Man in the Phenomenology of Religion by Mircea Eliade	4
Parshina A.A., Korolev V.K., Evgrafova O.V. Digitalization as a Civilizational Factor in the Culture of the Information Society	9
Semenova V.G., Petrichenko E.A. Information: The History of Notion, Its Present and Future	16
Hokonov M.A., Shoranova Z.V., Urusov R.H. The Role and Significance of Music and Song Components in the Mythoeptic Picture of the World (On the Material of the Circassian Nart Epic)	27

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Агафонов А.И. Донской военный портрет: атрибуция, содержание, интерпретация	33
Белюсова М.А., Подольников В.П. Проблемы российско-японских политических отношений 1991–2020 годов	45
Горбик К.А. Кредитные учреждения Области войска Донского в пореформенный период	58
Захарина Е.А. Память о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону в конце 1940-х – начале 1950-х годов	65
Федорова Н.В., Мекушкин А.А., Авдеев А.В. Церковно-приходские школы в 60–80-е годы XIX века: динамика численности в связи с изменениями политики в сфере начального народного образования (на примере Донской и Новочеркасской епархии)	72

Agafonov A.I. Don Military Portrait: Attribution, Content, Interpretation	33
Belousova M.A., Podolnikov V.P. Problems of Russian-Japanese Political Relations 1991–2020	45
Gorbik K.A. Credit Institutions of the Don Cossack Army Region in the Post-Reform Period	58
Zakharina E.A. The Memory of the Great Patriotic War in the Memorial Space of Rostov-on-Don in the Late 1940s and Early 1950s	65
Fedorova N.V., Mekushkin A.A., Avdeev A.V. Parish Schools in the 1860–1880s: The Dynamics of the Number in Connection with Changes in Policy in the Field of Primary Public Education (On the Example of the Don and Novochoerkassk Diocese)	72

Царина М.А. Мемориальная память в лицах: герои-фронтовики Большой Ялты	82
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Морозова П.А. Перспективы сотрудничества российских компаний с китайскими аутсорсинговыми партнерами в текстильной промышленности	89
Фомина И.Б., Табаков А.Н. Парадигма устойчивого развития в условиях перехода к циркулярной экономике	97

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Геннадий Владимирович Драч (к 80-летию ученого)	103
---	-----

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Дзидзоев В. Д. Актуальное научное исследование и его объективная оценка (Какагасанов Г.И. Массовые политические репрессии 20–40-х и нач. 50-х гг. XX в. в Дагестане и их последствия. Историко-документальное исследование. Махачкала: Алеф, 2020. 234 с.)	105
--	-----

Рекомендации по оформлению транслитерации (References).....	110
---	-----

Tsarina M. A. Memory Studies in Faces: Heroes-Veterans of Big Yalta	82
---	----

ECONOMIC SCIENCES

Morozova P. A. Prospects for Cooperation of Russian Companies with Chinese Outsourcing Partners in the Textile Industry	89
Fomina I.B., Tabakov A.N. The Paradigm of Sustainable Development in the Context of the Transition to a Circular Economy	97

OUR PERSONS

Gennady Vladimirovich Drach (to the 80th Anniversary of the Scientist)	103
--	-----

BOOK REVIEWS

Dzidzoev V. D. Current Scientific Research and Its Objective Assessment (Kakagasanov G.I. Mass political repressions of the 20–40s and early 50s of the 20th century in Dagestan and their consequences. Historical and documentary research. Makhachkala: Aleph Publ.; 2020. 234 p.)	105
---	-----

Recommendations for the Design of Transliteration (References).....	110
---	-----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 141

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-4-8

МИФ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ РЕЛИГИИ МИРЧИ ЭЛИАДЕ

Арайк Рубенович Аванесов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, sextpompey@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются философско-религиоведческие взгляды М. Элиаде, анализируются вопросы: о наличии религиозности в мышлении современного человека через основные понятия феноменологии религии учёного, о скрытом присутствии мифологического и сакрального, обсуждается связь между понятиями «сакральное» и «миф». Сравнивается подход М. Элиаде в вопросе функциональности мифа с подходами Дж. Фрезера и Э. Тайлора. Поднимается вопрос о междисциплинарности концепций М. Элиаде в контексте изучения мифа и кросс-культурного анализа, о месте мифа в современности через репрезентацию феноменов культуры, философских концептов и социальных практик, а также возможные формы инициации в повседневной практике современного человека. Актуализируется проблема возможной онтологической предпосылки М. Элиаде в вопросе различия традиционных культур и современной культуры. Рассматривается вопрос замещения мифологической картины мира на научную в контексте теории мифа М. Элиаде.

Ключевые слова: миф, религиозность, сакральность, профанность, инициация, иерофания, история, мышление

Для цитирования: Аванесов А.Р. Миф и религиозность современного человека в феноменологии религии Мирчи Элиаде // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 4–8.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MYTH AND RELIGIOSITY OF MODERN MAN IN THE PHENOMENOLOGY OF RELIGION BY MIRCEA ELIADE

Araik R. Avanesov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, sextpompey@gmail.com

Abstract. The philosophical and religious views of M. Eliade are considered, the following questions are analyzed: about the presence of religiosity in the thinking of modern man through the basic concepts of the phenomenology of the scientist's religion, about the hidden presence of the mythological and sacred, the connection between the concepts of "sacred" and "myth" is discussed. The approach of M. Eliade in the question of the functionality of the myth is compared with the ap-

proaches of J. Fraser and E. Tylor. The question is raised about the interdisciplinarity of M. Eliade's concepts in the context of the study of myth and cross-cultural analysis, about the place of myth in modernity through the representation of cultural phenomena, philosophical concepts and social practices, as well as possible forms of initiation in the daily practice of modern man. The problem of the possible ontological premise of M. Eliade in the issue of the difference between traditional cultures and modern culture is actualized. The issue of replacing the mythological picture of the world with a scientific one in the context of M. Eliade's theory of myth is considered.

Keywords: myth, religiosity, sacredness, profanity, initiation, hierophany, history, conscience

For citation: Avanesov A.R. Myth and Religiosity of Modern Man in the Phenomenology of Religion by Mircea Eliade. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(1):4-8. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Вопрос о статусе религиозных убеждений является актуальным и важным для многих религиоведческих дисциплин. Прежде всего для психологии религии, социологии религии и антропологии. К примеру, П. Буайе ставит под сомнение уникальность религиозных убеждений и религиозного опыта [1, с. 410], что актуализирует исследование подхода М. Элиаде к вопросу о «природной» религиозности человека. Цель нашей статьи – сравнить взгляды этого ученого и других классиков религиоведения, обосновать междисциплинарность подхода М. Элиаде. Ранее подмечалось, что концепт «*homo religiosus*» распространяется на всех людей, в том числе и на секуляризированных, а не только на мистиков, как утверждали Ф. Шлейермахер, М. Шелер и др. [2, с. 92]. М. Элиаде отстаивает фундаментальную незаменимость мифологической на научную картину мира в контексте секуляризации и интеллектуализации [3]. Не менее важно, что подход М. Элиаде обусловлен не только и не столько исследованиями в области истории религий, а скорее онтологическими предпосылками в понимании реальности как священной и вневременной [4].

Во введении к трехтомной истории религии М. Элиаде пишет: «Быть, а вернее, стать человеком – означает быть религиозным» [5, с. 5]. Для него религиозность – это определяющее свойство человека. Религия – это то, как наш опыт реальности очерчивается и описывается, и то, как мы взаимодействуем с этой реальностью [6]. Но если для человека традиционной религиозность присутствует в мифах, ритуалах и ценностях, то в какой области существует религиозность человека современного, который секуляризировал почти все области своей жизнедеятельности?

Когда мы говорим о дихотомии сакральное/профанное в феноменологии религии М. Элиаде, то стоит учитывать, что данные понятия напрямую связаны с понятием времени. Священное являет перед нами полноту реальности. Она трансцендентна «историческому» преходящему времени, но это далеко не значит, что священное не являет себя во времени. Для описания данного процесса М. Элиаде вводит термин «иерофания». Священное проявляет себя в различных модусах: в пространстве, времени, месте, в любом объекте повседневного, исторического существования. За каждым предметом или явлением, которые одновременно являются символом, открывается потусторонняя реальность, вечность, полнота бытия. Таким образом, для традиционного человека весь космос – это возможность открытия трансцендентного, и нет ничего мирского, что не могло бы стать священным, представляющим собой антиисторию, или внеисторию. Все священные акты или события, будь то космогонические творения, победы героя над чудовищем или рассказы о предках, находятся вне времени. Вневременность, сакральность оппонирует истории, мирскому.

По мысли М. Элиаде, то, как история понимается современным человеком, – сравнительно недавнее изобретение. Прежде всего, это нововведение историков XIX в. Историзм – это не просто некоторый научный метод, позволяющий нам наиболее правдоподобно реконструировать события прошлого, а «так же как и марксизм, и некоторые экзистен-

циалистские школы, являются философией, которая в том или ином смысле приписывает фундаментальное значение истории и историческому моменту» [7, с. 239]. Конечно, античные и средневековые историки писали историю, однако она имела совершенно отличную функцию – поучительную и подражательную. М. Элиаде предлагает кросс-культурный анализ истории и утверждает, что в глазах других традиций увлеченность «современного» человека историей выглядит как подготовка к смерти, так как во многих религиозных верованиях и фольклоре перед смертью человек вспоминает все события своего прошлого [7, с. 240]. Методологической предпосылкой для такого рода сравнений является дихотомия «традиционного» и «современного» модуса бытия человека. Это не означает, что любой житель нынешней Европы существует в «современном» модусе [4]. Данное разделение является не эмпирическим различием культур, а парадигматическими модусами существования человека как такового. Современный человек совершил как бы второе «падение», и поэтому сакральное с центрального места в его мышлении и практике перешло на задворки бессознательного. Вторым «падением» является, по причине того, что в «традиционных» обществах совершается первое отпадение от первозданного блаженного состояния [8, с. 131–132]. В вопросе встречи со смертью современный человек не сильно отличается от человека традиционного. Различается отношение к смерти: если для человека традиционного встреча со смертью – это необходимая часть инициации, преодолев которую он вступает в иной модус существования, то для современного человека – это экзистенциальный надрыв, приводящий к бессмысленности бытия [7, с. 243].

Современный человек, освободившись от последних оков религиозности, не видит священного, а вместе с тем и метафизического смысла жизни, космоса и, соответственно, самого себя. Более того, в освобождении от священного человек видит свою цель, так как само сакральное представляет препятствие на пути к свободе. Нетрудно заметить, что эта борьба современного человека против традиционного прошлого зависима намеренной или ненамеренной полемикой с сакральным [8, с. 127]. Таким образом современный человек – обмирщенный «*homo religiosus*». Однако даже для «современного» человека остается возможность некоторой связи с сакральным, но оно – а это сущность религии – уже не так тотально и не пронизывает все сферы жизнедеятельности человека. Так как иерофания одновременно и являет священное и скрывает его, то М. Элиаде делает вывод, что современная культура камуфлирует сакральное. Поэтому чистый рациональный субъект, лишенный каких-либо аспектов религиозного поведения, представляет собой фикцию и не существует в повседневной практике [8, с. 130].

Наиболее очевидной областью репрезентации священного для современного человека остается миф. Миф – это образ, пример, которому подражают, он описывает происхождение космоса, при этом оставаясь трансцендентным историческому времени [9, с. 31]. Конечно, для современного человека миф не играет ключевой роли, так как он проявляется только в бессознательном. Необходимо учитывать, что М. Элиаде вовсе не считает бессознательное причиной мифологического мышления. Напротив, мифологическое первично и автономно по отношению к бессознательному [8, с. 130].

Большая часть жизни «современного» человека десакрализована. Даже обряды, когда-то будучи священными, секуляризуются, хотя и сохраняют внешнюю часть ритуала. К примеру, Новый Год, который имеет черты обновления мира, присущие традиционным аграрным циклам [8, с. 127].

Для современного мышления различные аспекты мифа, которые для традиционного способа мысли едины, проявляются разрозненно в различных сферах жизнедеятельности. Так, образование и воспитание предоставляют нам примеры для подражания. Образы и примеры также существуют в других сферах, например в научных сообществах [7, с. 29–30]. Функция отвлечения от исторического времени – и обращение к вневременности или побег из этой самой временности – вытеснена в сферу досуга. Если для традиционного человека любая деятельность знаменовала собой выход из времени, будь то рождение ребенка, война, продвижение по социальной иерархии, то для современного человека все эти

сферы находятся уже в исторической плоскости [7, с. 34]. Остается сфера развлечения, а именно: литература, кино, публичные зрелища [7, с. 31–32]. Именно в этих областях высвечивается уход от исторического времени.

Таким образом миф, через который наличествует священное, оттесняется на периферию повседневной практики. Данное явление М. Вебер в своем докладе для студентов Мюнхенского университета описывал как процесс интеллектуализации и рационализации [10, с. 713–714]. Для объяснения окружающего мира вещей больше не требуется прибегать к вечному прообразу, достаточно некоторых технических навыков и некоторого уровня научных знаний. Однако для М. Элиаде это вовсе не значит, что миф исчезает под давлением научного описания мира. Этот тезис отстаивали эволюционисты в лице Дж. Фрезера и Э. Тайлора. Данное расхождение М. Элиаде с классиками религиоведения заключается в фундаментальном различии понимания функций мифа [3]. Если для Дж. Фрезера и Э. Тайлора функциональность мифа ограничивается описанием физических явлений как аналога научного описания мира, то для М. Элиаде миф объясняет не только естественные законы природы, но также и происхождение социальных институтов, таких как брак, государство и др. [3].

Конечно, наличие мифа не ограничивается социальными практиками современного человека. Также, черты мифа присутствуют в историко-философской мысли. Элиаде приводит пример естественного, благородного дикаря Ж.-Ж. Руссо, отсылающего к структуре мифа о Золотом веке [7, с. 38]. Мысль К. Маркса о страданиях пролетариата не обошлась без мифологичности – М. Элиаде подмечает, что искупительно-спасительная роль пролетариата схожа с ближневосточной идеей мессианизма и общей средиземноморской идеей героя-искупителя [9, с. 171].

Еще одним важным элементом религиозности является инициация. В традиционных обществах она играет ключевую роль духовной зрелости индивида. Ключевое в инициации – столкновение и преодоление трудностей: будь то победа над сильнейшим врагом, духовные и физические страдания и пр. В секулярном обществе нет такого рода инициаций, а если и есть, такие как военные, то они лишены сакральности. Однако М. Элиаде приводит психоанализ, как хрестоматийную практику, выражающую инициацию. Так пациент должен вернуться к бессознательному (сойти в ад) и переоткрыть для себя этот внутренний мир, который непременно встречает его неприятными образами и воспоминаниями, вследствие чего происходит избавление от психологических отклонений. Помимо практики, психоаналитические теоретики, такие как З. Фрейд и К. Юнг, апеллируют к понятию детства как изначального периода, в котором решается вся последующая жизнь индивида, что сравнивается М. Элиаде с мифом о золотом веке, присутствующем во многих архаических культурах [7, с. 52]. А примером истории философии является феноменология Э. Гуссерля, суть которой в том, что необходимо отказаться от естественной установки, т. е. от профанного, и как мыслящий субъект открыть реальное, т. е. сакральное [11, с. 158].

Из рассмотренных понятий философии религии М. Элиаде следует, что предложенный им подход к изучению мифа сильно отличается от подхода эволюционистов, а также других религиоведов. Если для Дж. Фрезера и Э. Тайлора мифологическое описание заменяется научным, то для М. Элиаде миф не заменяется, а продолжает существовать в камуфлированном модусе. Следовательно, взгляд М. Элиаде отличается от двух доминирующих тенденций в исследовании мифа XIX – XX вв.: либо миф буквально описывает природные феномены, либо содержание мифа только символично. Подход М. Элиаде сочетает оба подхода и не редуцирует миф до одной функции. Можно утверждать, что определение человека, как «*homo religiosus*» обосновывается М. Элиаде не только исследованиями в истории религий, но также философскими предпосылками. Однако из этого вовсе не следует, что М. Элиаде не апеллирует к социальным фактам для обоснования «природной» религиозности человека как такового. Он приводит множество примеров из популярной культуры, литературы, а также из истории философии. Поэтому позиция М. Элиаде выходит за

рамки философско-религиоведческих исследований и обращается к философской антропологии, кросс-культурному анализу, а также психологии.

Список источников

1. Буайе П. Объясняя религию. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 496 с.
2. Cave D. *Mircea Eliade's Vision for a New Humanism*. Oxford: Oxford University Press, 1993. 218 p.
3. Babuts N. *Mircea Eliade*. 1st ed. Taylor and Francis, 2017. URL: <https://www.perlego.com/book/1579809/mircea-eliade-pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
4. Allen D. *Myth and Religion in Mircea Eliade*. 1st ed. Taylor and Francis, 1998. URL: <https://www.perlego.com/book/1598755/myth-and-religion-in-mircea-eliade-pdf> (дата обращения: 25.09.2021).
5. Элиаде М. История веры и религиозных идей. М.: Критерий, 2001. Т. 1. 464 с.
6. Rennie B. *Mircea Eliade: 'Secular mysticism' and the history of religions*. 2008. URL: https://www.researchgate.net/publication/223284720_Mircea_Eliade_'Secular_mysticism'_and_the_history_of_religions (дата обращения: 25.09.2021).
7. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. М.: Академический проект, 2019. 252 с.
8. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 143 с.
9. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2017. 235 с.
10. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
11. Элиаде М. Ностальгия по истокам. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2006. 216 с.

References

1. Boyer P. *Explaining religion*. Moscow: Alpina Non-fiction Publ.; 2020. 496 p. (In Russ.).
2. Cave D. *Mircea Eliade's Vision for a New Humanism*. Oxford: Oxford University Press; 1993. 218 p.
3. Babuts N. *Mircea Eliade*. 1st ed. Taylor and Francis, 2017. Available from: <https://www.perlego.com/book/1579809/mircea-eliade-pdf> [Accessed 25th September 2021].
4. Allen D. *Myth and Religion in Mircea Eliade*. 1st ed. Taylor and Francis, 1998. Available from: <https://www.perlego.com/book/1598755/myth-and-religion-in-mircea-eliade-pdf>. [Accessed 25th September 2021].
5. Eliade M. *The History of faith and religious ideas*. Moscow: Kriterium Publ.; 2001. Vol. 1. 464 p. (In Russ.).
6. Rennie B. *Mircea Eliade: 'Secular mysticism' and the history of religions*. 2008. Available from: https://www.researchgate.net/publication/223284720_Mircea_Eliade_'Secular_mysticism'_and_the_history_of_religions [Accessed 25th September 2021].
7. Eliade M. *Myths, dreams, mysteries*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2019. 252 p. (In Russ.).
8. Eliade M. *Sacred and secular*. Moscow: Moscow University Press; 1994. 143 p. (In Russ.).
9. Eliade M. *Aspects of myth*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.; 2017. 235 p. (In Russ.).
10. Weber M. *Selected works*. Moscow: Progress Publ.; 1990. 808 p. (In Russ.).
11. Eliade M. *Nostalgia for the origins*. Moscow: Institute of General Humanitarian Research Press; 2006. 216 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Р. Аванесов – аспирант кафедры философии религии и религиоведения.

Information about the author

A.R. Avanesov – Postgraduate of Department of Philosophy Religion and Religious Studies.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 11.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 304.2

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-9-15

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФАКТОР КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Анна Александровна Паршина¹, Владимир Константинович Королев²✉,
Ольга Владимировна Евграфова³

^{1,2} Ростовский институт защиты предпринимателя, Ростов-на-Дону, Россия

³ Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Россия

¹ rectorat@rizp.ru

² vkorolev@sfedu.ru ✉

³ dia7@bk.ru

Аннотация. Рассматривается междисциплинарный статус феномена цифровизации. Обосновывается необходимость осмысления цифровизации не только как декларируемого соответствующей государственной программой экономического фактора, но и как тренда современной социокультурной модернизации, что ставит задачу выяснения соотношения концептов «культура» и «цивилизация» в плане их адекватности практике цифровизации. Осуществлен краткий анализ цифровизации (как тотальной компьютеризации), даны некоторые соображения о культуре и цивилизации. В соответствии с представлениями о культуре как технологии человеческой деятельности и взглядами О. Шпенглера, Н.А. Бердяева и Й. Хейзинги на соотношение («духовности») культуры и («материальности») цивилизации предполагается, что цифровизация воплощает формальную, организующую, упорядочивающую, «технически-машинную» сторону современных социогуманитарных процессов, тогда как сущность культуры состоит в акцентировании целеполагания, в творческом развитии их содержания. Следовательно, цифровизация знаменует цивилизационное качество, этап развития, фактор экранно-компьютерной культуры современного информационного общества и не претендует на видовой культурно-типологический статус, что не отменяет важности междисциплинарного мониторинга цифровизации.

Ключевые слова: цифровизация, информатизация, культура, цивилизация, общество, человек, деятельность, междисциплинарность

Для цитирования: Паршина А.А., Королев В.К., Евграфова О.В. Цифровизация как цивилизационный фактор культуры информационного общества // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 9–15.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

DIGITALIZATION AS A CIVILIZATIONAL FACTOR IN THE CULTURE OF THE INFORMATION SOCIETY

Anna A. Parshina¹, Vladimir K. Korolev²✉, Olga V. Evgrafova³

^{1,2} Rostov Institute of Businessman Protection, Rostov-on-Don, Russia

³ Rostov Branch, Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russia

© Паршина А.А., Королев В.К., Евграфова О.В., 2022

¹ rectorat@rizp.ru

² vkorolev@sfedu.ru

³ dia7@bk.ru

Abstract. The subject of the article is the actual phenomenon of digitalization - an interdisciplinary consideration of its status. The goal of the authors is to substantiate the need to understand digitalization not only as an economic factor declared by the relevant state program, but also as a trend of modern socio-cultural modernization, which poses the task of clarifying the relationship between the concepts of "culture" and "civilization" in terms of their adequacy to the practice of digitalization. As a propaedeutic of this work, a brief analysis of digitalization (as total computerization) is carried out, some considerations about culture and civilization are given. In general, sharing the idea of culture as a technology of human activity and the views of O. Spengler, N.A. Berdyaev and J. Huizinga on the ratio of ("spirituality") culture and ("materiality") civilization, the authors believe that digitalization embodies the formal, organizing, ordering, "technically - machine" side of modern socio-humanitarian processes, while the essence of culture exists in emphasizing goal-setting, in the creative development of their content. On this basis, it was concluded that digitalization marks a civilizational quality, a stage of development, factor of the screen-computer culture of the modern information society, and does not claim to a specific cultural-typological status, which does not negate the importance of interdisciplinary monitoring of digitalization.

Keywords: digitalization, informatization, culture, civilization, society, personality, activity, interdisciplinarity

For citation: Parshina A.A., Korolev V.K., Evgrafova O.V. Digitalization as a Civilizational Factor in the Culture of the Information Society. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(1):9-15. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В последние пять лет одним из главных трендов мирового (экономического) развития выступает так называемая цифровизация. На Западе, как следует из деклараций посвященных ей саммитов G20 2017 и 2019 гг., она рассматривается в качестве фактора роста эффективности экономики за счет компьютерного ускорения и точности обработки экономических данных (Big Data), что позволяет лучше понимать и организовывать экономические процессы. В России же принятая в 2017 г. государственная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» имеет более широкое и глубокое значение: в ней цифровизация выступает не только как экономическая инновация, но и как основа нового уклада жизни, как фактор «переформатирования» социума [1]. (Здесь знаменательна тема форума «Цифровая перезагрузка как рывок в новую реальность» (Алма-Ата, 2021).

Если о конкретных собственно цифровых достижениях экономики мало что слышно, кроме не вполне понятных цифр, характеристик и планов (в частности, до 2030 г. правительство России намерено реализовать четыре масштабных проекта в сфере цифровизации, цифровую трансформацию промышленности, в результате которой будет выпускаться не менее 70 % высокотехнологичной продукции), то цифровизация жизни общества и человека «широко шагает» по стране в ипостаси «формализации-компьютеризации», перевода всего, что можно, в электронный формат. Создается единая цифровая платформа, направленная на оказание поддержки россиянам в социальной сфере. К 2023 г. все социальные государственные и муниципальные услуги станут электронными. В 2024 г. почти 80 % населения смогут получать федеральную помощь без бумажных документов.

Это подкрепляет предположение, что цифровизация экономики является своего рода введением в тотальную цифровизацию бытия, в котором формализуются *цифрой* не только экономика, но и все общественные отношения, сам человек [2].

Цифровизацию начали рассматривать как феномен информационного общества Е. Мачлуп, М. Мэлуэн, М. Кастельс и др. [3]. Кроме того, полагаем, она может презентовать «цивилизационную волну» О. Тоффлера. В этом плане на Западе все громче звучат голоса о перспективности более широкого понимания роли цифровизации экономики. В частности, «давосский папа» ВЭФ К. Шваб пишет (в соавторстве с Т. Маллере) о великой перезагрузке-перестройке («COVID-19: The Great Reset»), считает, что нужно не просто восстанавливать «доковидный» капитализм, а формировать некий посткапитализм – общество нового типа, в котором его граждан ждет тотальная цифровизация и «фискализация» всех сторон жизни, призванная способствовать решению глобальных проблем (ковидной пандемии). Тем самым цифровизация знаменует новое интегрирование мира глобальных процессов на основе *цифры* как их единой техногенно-информационной социокультурной матрицы. Очевиден рост необходимости осмысления цифровизации не только как экономического, но и глобального социально-гуманитарного феномена, прояснения ее мировоззренческого статуса [4]. Неизбежно и противоречивое отношение к цифровизации [5].

В свете вышесказанного назрела необходимость углубления ее междисциплинарного рассмотрения (эта методология является трендом современного социогуманитарного (по)знания [6]), способного прояснить проблему: можно ли говорить о становлении новой (цифровой) культуры или же достаточно обсуждать цифровой цивилизационный «сдвиг» как этап культурного развития современного информационного общества, трактовать цифровизацию как ипостась современной цивилизации?

Решение этой проблемы требует предварительных замечаний. Во-первых, понятие «культура» – весьма многозначно, контекстуально, ее видовые характеристики производны от того или иного концептуального понимания. Во-вторых, важны критерии типизации культуры, их разнообразие обусловлено многозначностью понимания культуры. Наконец, нужно определиться с соотношением понятий «культура» и «цивилизация», для чего необходимо иметь рабочую трактовку этих концептов.

Начнем с культуры. Цель статьи, а также обилие публикаций по ее проблематике избавляет нас от теоретически-дефинитивного рассмотрения этого концепта. Скажем только, что мы опираемся на так называемую деятельностную концепцию культуры в ее технологическом варианте, развиваемую ростовской культурологической школой (В.Е. Давидович, Ю.А. Жданов, Г.В. Драч), согласно которой сущность культуры усматривается не просто в способах общественных преобразований, а в «...рамках осмысления ее как всеобщей технологии человеческой деятельности» [7, с. 6]. Это позволяет человеку как субъекту культуры не только содержательно изменять мир «под себя», но и антропоцентрично меняться вместе с ним, формировать особый образ жизни в обществе, реализуемый во всех его проявлениях.

Такое понимание культуры можно назвать широким. Но есть и понимание узкое – она рассматривается как духовная, творческая, ценностная, возвышающая, развивающая человека, целеполагающая, содержательная деятельность. Эту трактовку ярко выразил Й. Хейзинга: «...для понятия культуры лишь там есть место, где определяющий ее направленность идеал выходит за пределы и поднимается выше интересов сообщества, которое этот идеал провозглашает. Культура должна быть метафизически ориентированной, либо ее вообще нет» [8, с. 264]. Вместе с тем, по его мнению, культура воплощает равновесие духовного и материального, которое «...создает предпосылки для развития такого состояния общества, которое оценивается всеми как нечто большее и высшее, чем простое удовлетворение голой нужды и откровенного властолюбия...» [8, с. 258–259].

При всех достоинствах такого подхода к культуре он с необходимостью ставит проблему статуса ее материальной, формальной, упорядочивающей, организационной, репродуктивной, орудийной деятельности: эту сторону культуры берет на себя концепт «цивилизация». Отметим, что классическое понимание цивилизации, возникшее в середине XVIII в., знаменует ее как характеристику западной культуры с присущем ей обществом государственности, городской жизни, разумности, общественного блага, закона. При этих вводных

понятно, что если культуру в ее широком понимании можно рассматривать саму по себе, то цивилизацию – только как производную культуры [9, с. 10–30]. В плане соотношения данных понятий, этапов их исторического различения и отождествления проясняется содержательно-формальная конкретизация этого единства: цивилизация не антагонистична культуре, а является ее гранью, ипостасью [10].

В отечественной философии истории эту проблему рассматривали славянофилы: они акцентировали духовность русской культуры и бездуховность цивилизации как западноевропейского феномена (А.С. Хомяков, Ф.М. Достоевский, К.Н. Леонтьев, и др.). Можно сказать (очевидно, по причине доминантного одухотворения культуры в немецкой классической философии), что в XIX в. образовался тренд трактовки цивилизации как материально-организационной формы (социальной) культуры, противостоящей духовно-ценностной содержательной сущности культуры, вплоть до ее антигуманного вырождения.

Эта проблематика резко актуализировалась век назад. В западной теории культуры такое противопоставление ярко презентовал О. Шпенглер. По его мнению, цивилизация знаменует состояние (европейской) культуры XX в. в социально обезличенной, отчужденной, «бездушной», деперсонализированной форме, что обусловлено бурным развитием индустриализма (империализма), который «...есть цивилизация в чистом виде» [11, с. 49]. Это объективно приводит к кризису всей западной культуры – начинается «закат Европы» с присущей ему цивилизационной рассудочностью, научностью, развитием практического рационализма и утилитаризма, преклонением перед деньгами, безрелигиозностью и др.

Говоря о волновом развитии и локальности культуры, немецкий мыслитель отмечает, что она «...умирает, когда ее душа осуществит всю совокупность своих возможностей...» [11, с. 138]. Если их цели достигнуты, то культура «костенеет», «силы ее надламываются – она становится *цивилизацией*» [11, с. 138]. И тогда она рассматривается «...как логическое следствие, как завершение и исход всякой культуры» [11, с. 41]. При этом Шпенглер отмечает, что «...всякая культура имеет свою *собственную цивилизацию*» [11, с. 41]. Он выделяет и критерии цивилизационного завершения культуры: «цивилизация есть *совокупность крайне внешних и крайне искусственных состояний*, к которым способны люди...» [11, с. 42], особо отмечает ужесточение «языка ее форм» [11, с. 139]. (Полагаем, что одной из таких форм и является цифровизация, ибо цивилизация знаменует, по его мнению, переход от числа как величины к числу как отношению [11, с. 119]). Итак, резкий вывод Шпенглера – «современность есть фаза цивилизации, а не культуры» [11, с. 53]. Для сегодняшнего кризисного мира это своего рода «реквием по Западу» [12].

Почти одновременно с ним Н.А. Бердяев (1922 г.) аналогично писал о цивилизации как «смерти духа культуры», которая внутренним движением своих организационных форм неотвратимо влечется к выходу за собственные пределы, к жизни, к практике: «Культура не может оставаться на высоте, она неизбежно должна спускаться вниз, должна падать. Она бессильна удержать свою высшую качественность. Начало количественное должно ее одолеть» [13, с. 164]. Этот формализм убивает органичность культуры, она «обездушивается» и переходит в цивилизацию, «...которая есть подмена целей жизни средствами жизни, орудиями жизни. Сознание людей цивилизации направлено исключительно на средства жизни, технику жизни» [13, с. 169].

Бердяев полагает, если главное в культуре – душа, то для цивилизации главными являются методы и орудия. Иначе говоря, «цивилизация есть переход от культуры, от созерцания, от творчества ценностей к самой “жизни”, искание “жизни”, отдавание себя ее стремительному потоку, организация “жизни”, упоение силой жизни» [13, с. 167]. Конкретизируя бездушность цивилизации, Бердяев отмечает, что если культура оценивается как сфера высших духовных человеческих действий, то «в цивилизации иссякает духовная энергия, угашается дух-источник культуры. Тогда начинается господство... магического царства машинности и механистичности, подменяющей подлинное бытие» [13, с. 172]. И хотя они порождены умственным движением культуры, эти ее плоды подрывают органические основы культуры, налагают печать своего образа на человека: «...в цивилизации само мыш-

ление становится техническим, всякое творчество... приобретает все более и более технический характер» [13, с. 168].

Имеются и другие трактовки цивилизации, но, полагаем, все эти идеи выступают перспективной основой для ее современного осмысления во взаимоотношении с культурой, их различения и отождествления, ибо мы в XXI в., очевидно, вступили в период неких бифуркационных, глобальных кризисных, перестроенных процессов бытия человека в мире. А это созвучно столетней давности выводу Шпенглера и Бердяева о цивилизационном упадке европейской культуры.

В свете сказанного можно так презентовать критерий отличия культуры от цивилизации: если первая знаменует *развитие* гуманитарного *содержания* духа человека, то цивилизация акцентирует *форму* его материальной, экономически-технической «упаковки», *присвоение* культурных ценностей, упорядочение их социального функционирования.

Как же выглядит в свете этих соображений о культуре-цивилизации наша цифровизация? Ответ на вопрос о ее культурном статусе вполне очевиден – она выступает цивилизационным продуктом, современным трендом культуры информационного общества. В самом деле цифровизация демонстрирует все основные цивилизационные признаки: орудийную компьютерную машинность (первые компьютеры назывались ЭВМ – электронно-вычислительными машинами), техницизм освоения информации, доминирование ее формальной программной «упаковки», ее искусственность, количественность, вторичность потребностей содержания, его гуманитарной составляющей, культ рационального формализма, упорядоченности, приоритет средств при недостаточном внимании целям. Все это формирует некое бытие, параллельное духовной жизни человека, с деформацией его культурной субъектности, компьютерной девальвацией ее качества.

Знаменует ли все это переход к полноценно новой (цифровой) культуре? Видимо, ответ должен быть отрицательным: этот концепт является скорее модной фигурой речи, технологическим иносказанием презентации информационно-электронной знаковости с доминированием цифры как носителя информации. Полагаем, обсуждать цифровизацию культуры современного информационного общества следует как ее новый (цивилизационный) этос. Иначе говоря, так называемая цифровая культура может рассматриваться как цивилизационный этап культуры этого общества, характеризующийся трендом растущей компьютеризации социальной жизни в целях ее тотального фискально-бюрократического контроля за человеком (это назначение цифровизации резко актуализировано в связи с COVID-19).

Но цифровизация, будучи цивилизационным феноменом, ипостасью (экранной) культуры информационного общества, имеет в силу органической связи культуры и цивилизации свой культурологический статус. В развитие технологической трактовки деятельностной концепции культуры мы полагаем, что *цифра* все более очевидно презентует себя как доминирующая технология информационной деятельности, ибо в любой деятельности главное – орудия и технологии (их единство и выражает компьютер). В семиотической концепции культуры как знаковой системы *цифра* выступает технологическим фундаментом современной информационной деятельности (наряду с буквами, символами, формулами и т.п.). В ней происходит технологическая модернизация роли знака – переход от буквенно-бумажной к электронно-цифровой форме носителя культурного кода, его компьютерная экранизация [14]. Для аксиологической концепции культуры определяющим являются доминирующие ценности интенций и результатов человеческой деятельности в цепочке предметность – товарность – информационность.

В рассмотрении возможности цифрового статуса современной культуры допустимы следующие критерии: а) по субъекту – драйверу ее развития: атлет – аскет – буржуа – потребитель – программист; б) по главной ценности реализации деятельностных способностей субъекта культуры: предмет – вещь – товар – информация; в) по материальному носителю информации: предмет – образ – знак (символ, буква, цифра); г) по виду информационной знаковости: культура дописменная (пиктографическая) – письменная (буквенно-текстовая) – экранная (образно-символическая) – цифровая. Эти критериальные подходы

утверждают цивилизационный статус цифровизации, позволяют ставить вопрос о ней как «протоцивилизации» (грядущего?) социума компьютерной жизни человека.

Итак, современный мир вступил в этап резкого обострения противоречия между содержательной духовностью культуры и растущими претензиями *цифры* как ее универсальной, тотальной формы на самостоятельную (цивилизационную) жизнь, в этап актуализации потенциала *цифры* подчинить себе все человеческое бытие. Каковы пределы этой актуализации, состоится ли такая цивилизационная деформация культуры, зависит от человека как ее субъекта.

Претендуя лишь на постановку проблемы уточнения культурологического статуса цифровизации, сделаем краткие выводы:

1. Цифра является современной электронной основой – носителем знаковой информации на экранах телевизоров, дисплеях компьютеров, различных гаджетов. Цифровизация представляет собой современную технологию деятельности по образованию, передаче и усвоению информации, воплощенную формализмом ее компьютерного «кодирования».

2. Если «примерять» цифровизацию на тип культуры, то в «узком» смысле цифровизация представляет собой цивилизационный этап развития культуры современного информационного общества, обусловленный сменой доминирующего носителя информации; в широком «культурологическом» смысле цифровизацию можно рассматривать как фактор формирования нового цивилизационного уклада жизни человека в этом обществе, в основе которого лежит его тотальная компьютеризация.

3. Это еще не дает достаточных оснований для конституирования новой (цифровой) культуры как самостоятельного типа. Сама по себе ее *цифра* – просто технологически современный носитель информации. В этой цивилизационной модернизации информационной культуры происходит трансформация субъектности человека, но она не отменяется (хотя и несколько девальвируется): цифрой управляют люди.

4. Цифровизация знаменует собой цивилизационную составляющую культуры современного информационного общества. Это обусловлено тем, что цифровизация *формальна* по своей сути, а формализм (в реализуемом нами подходе) является важнейшим атрибутом цивилизации как таковой, в отличие от *содержательности* культуры, обеспечивающей социально-гуманитарное целеполагание, для которого цифровизация является цивилизационным средством – фактором развития культуры этого общества.

Список источников

1. Королев В.К., Евграфова О.В. Цифровая экономика и «численный мир» (пифагорейцев): актуализация философии хозяйства // Философия хозяйства. 2019. № 5. С. 20–35.
2. Королев В.К., Евграфова О.В. Философия цифровизации как диалектика формы и содержания // Философия хозяйства. 2021. № 2. С. 19–31.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Осипов Ю.М. Сама себе цифра // Философия хозяйства. 2019. № 2. С. 11–16.
5. Пивень П.В. Цифровое рабство или электронный рай? // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2018. № 4 (28). С. 107–113.
6. Клейнер Г.Б. Междисциплинарность в социально-гуманитарных исследованиях: новые парадигмы // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании: сб. науч. тр. Ч. 1: Пленарные доклады. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2016. С. 14–25.
7. Давидович В.Е., Жданов Ю.А. Сущность культуры. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1979. 262 с.
8. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня // Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. С. 241–366.
9. Штомпель О.М. Понятие цивилизации // История мировых цивилизаций: учебник / отв. ред. Г.В. Драч. 5-е изд. М.: Кнорус, 2020. С. 10–31.
10. Оруджев З.М., Кузнецова Т.Ф. Культура и цивилизация // Вестн. Московского ун-та. Серия 7: Философия. 2007. № 4. С. 50–67.

11. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Искусство, 1993. 302 с.
12. Драч Г.В., Малишевская Н.А. «Реквием по Западу?» (К 100-летию книги Шпенглера «Закат Европы») // Научная мысль Кавказа. 2017. № 4. С. 14–21.
13. Бердяев Н.А. Воля к жизни и воля к культуре // Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. М.: Мысль, 1990. С. 162–173.
14. Королев В.К. Экранная культура и (де)рационализация сознания россиян: к постановке проблемы // Научная мысль Кавказа. 2020. № 3. С. 36–42.

References

1. Korolev V.K., Evgrafova O.V. Digital economy and numerical world of Pythagoreans: updating of the philosophy of economy. *Filosofiya khozyaistva=Philosophy of Economy*. 2019;(5):20-35. (In Russ.).
2. Korolev V.K., Evgrafova O.V. The philosophy of digitalization as dialectics of the shape and content. *Filosofiya khozyaistva=Philosophy of Economy*. 2021;(2):19-31. (In Russ.).
3. Castells M. *The information age: economy, society and culture*. Moscow: Higher School of Economics Press; 2000. 608 p. (In Russ.).
4. Osipov Yu.M. The figure itself. *Filosofiya khozyaistva=Philosophy of Economy*. 2019;(2):11-16. (In Russ.).
5. Piven P.V. The digital slavery or paradise? *Vek globalizatsii. Issledovaniya sovremennykh global'nykh protsessov=The Age of Globalization. The Researches of Modern Processes*. 2018;(4):107-113. (In Russ.).
6. Kleiner G. B. Interdisciplinarity in social and humanitarian research: new paradigms. *Interdisciplinarity in modern social and humanitarian knowledge*. Collection of Proceedings. Part 1. Plenary reports. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2016:14-25. (In Russ.).
7. Davidovich V.E., Zhdanov Yu.A. *The essence of culture*. Rostov-on-Don: Rostov State University Press; 1979. 262 p. (In Russ.).
8. Huizinga J. In the shadow of tomorrow. *Homo Ludens. In the shadow of tomorrow* Moscow: Progress Publ.; 1992:241-366. (In Russ.).
9. Shtompel O.M. The concept of civilization. *The history of the World civilization*. Textbook. Ed. G.V. Drach. Moscow: Knorus Publ.; 2020:10-31. (In Russ.).
10. Orudzhev Z.M., Kuznetsova T.F. Culture and civilization. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Filosofiya=Bulletin of Moscow University. Philosophy*. 2007;(4):50-67. (In Russ.).
11. Spengler O. *The decline of Europe*. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1993. 302 p. (In Russ.).
12. Drach G.V., Malishevskaya N.A. "Requiem for the West?" (To the 100th anniversary of Spengler's book "The Decline of Europe"). *Nauchnaya mysl' Kavkaza=Scientific Thought of Caucasus*. 2017;(4):14-21. (In Russ.).
13. Berdyaev N.A. The will to live and the will to culture. *The meaning of the history. The experience of human fate*. Moscow: Mysl' Publ.; 1990:162-173. (In Russ.).
14. Korolev V.K. Screen culture and (de)rationization of the Russians conscience: to problem statement. *Nauchnaya mysl' Kavkaza=Scientific Thought of Caucasus*. 2020;(3):36-42. (In Russ.).

Информация об авторах

А.А. Паришина – кандидат юридических наук, доцент, ректор.
В.К. Королев – доктор философских наук, профессор.
О.В. Евграфова – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

A.A. Parshina – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Rector.
V.K. Korolev – Doctor of Science (Philosophy), Professor.
O.V. Evgrafova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 27.12.2021; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 161.114

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-16-26

ИНФОРМАЦИЯ: ИСТОРИЯ ПОНЯТИЯ, ЕГО НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Вероника Георгиевна Семенова^{1✉}, Евгений Анатольевич Петриченко²

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),

Ростов-на-Дону, Россия

² ООО «Системы безопасности», Москва, Россия

¹ veronikasemenova@mail.ru✉

² evgeniy-ksb@mail.ru

Аннотация. Раскрывается генезис понятия информации, которое менялось и трансформировалось в зависимости от эпохи; рассмотрены такие переходные этапы в изменении сущностной характеристики информации, как появление письменности, первых библиотек, систематизация и выделение наук, возникновение первой энциклопедии, семафора и телеграфа, развитие автоматизации и рождение кибернетики, микропроцессора, развитие компьютерных технологий, сети Интернет и т.д. Каждый последующий этап изменения в понимании информации является синтезом всех предыдущих технологий. В данной статье отражён процесс поиска собственного философского определения информации, предпринята попытка посмотреть на эту проблему с точки зрения использования принципа историзма и диалектического метода, что и обуславливает актуальность исследования. Под информацией предлагается понимать форму передачи человеческого опыта. Изменение этой формы ведёт к децентрализации знаний, их всеобщей доступности, что в конечном счёте предшествует масштабным изменениям в человеческом обществе. В связи с этим философское исследование концептуальных предпосылок понимания данного феномена является весьма перспективным.

Ключевые слова: информация, генезис, философское определение, знания, опыт, ретроспективный анализ, децентрализация, диалектика, общественный прогресс

Для цитирования: Семенова В.Г., Петриченко Е.А. Информация: история понятия, его настоящее и будущее // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 16–26.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

INFORMATION: THE HISTORY OF NOTION, ITS PRESENT AND FUTURE

Veronika G. Semenova^{1✉}, Evgeniy A. Petrichenko²

¹ Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

² LLC "Security systems", Moscow, Russia

¹ veronikasemenova@mail.ru✉

² evgeniy-ksb@mail.ru

© Семенова В.Г., Петриченко Е.А., 2022

Abstract. The genesis of the concept of information, which changed and transformed depending on the epoch, is revealed; such transitional stages in changing the essential characteristics of information as the emergence of writing, the first libraries, systematization and allocation of sciences, the emergence of the first encyclopedia, semaphore and telegraph, the development of automation and the birth of cybernetics, microprocessor, the development of computer technology, the Internet, etc. are considered. Each subsequent stage of change in the understanding of information is a synthesis of all previous technologies. This article reflects the process of searching for one's own philosophical definition of information, an attempt is made to look at this problem from the point of view of using the principle of historicism and dialectical method, which determines the relevance of the research. Information is proposed to be understood as a form of transmission of human experience. Changing this form leads to the decentralization of knowledge, its universal accessibility, which ultimately precedes large-scale changes in human society. In this regard, the philosophical study of the conceptual prerequisites for understanding this phenomenon is very promising.

Keywords: information, genesis, philosophical definition, knowledge, experience, retrospective analysis, decentralization, dialectics, social progress

For citation: Semenova V.G., Petrichenko E.A. Information: The History of Notion, Its Present and Future. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(1):16-26. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

В настоящее время существует множество определений информации, многие из которых ограничивают объем этого понятия, являются поверхностными и некорректными. Если мысленно охватить все научные трактовки сущности информации, то перед нами возникнет достаточно объемная и очень пёстрая картина, состоящая из субъективных представлений, слабо соответствующих научному принципу историзма. В основном все сводится к бессистемному оперированию различными дефинициями. Информацией называют материю, сведения, сигналы, сообщения, новости, данные и многое другое [1, с. 154].

По сути философское осмысление понятия информации в России находится почти в том же состоянии, которое отражено в материалах круглого стола, в котором участвовали известные российские ученые. В своем отношении к данной проблематике они разделились на представителей атрибутивной и функциональной концепций информации. Для первых информация – это свойство материи. Для вторых – информация присуща самоорганизующимся системам или человеческому обществу. Мы не будем подробно останавливаться на этих концепциях, отметим лишь, что представители обеих концепций хоть и не раскрыли сущность информации, но поставили ряд философских вопросов и в рамках дискуссии выявили различные недостатки данных концепций. Также прозвучал очень важный вопрос о том, какую методологию использовать для изучения информации, но из-за различия во взглядах участников круглого стола однозначного ответа не последовало [2].

Подобная неопределенность относительно понятия информации существует не только в России. По сути это общемировая философская проблема. Например, президент Международного общества изучения информации (IS4IS) Марцин Дж. Шредер в своей работе пишет: «Разнообразие способов определения или понимания информации приводит к большому разнообразию последствий при ее описании и изучении. Более того, обсуждение онтологического статуса информации не всегда проводится с использованием четко и правильно определенных понятий. Таким образом, очевидно, что большое разнообразие определений информации должно приводить к различиям во взглядах на способы ее существования» [3, р. 4].

В результате мы убедились, что большинство существующих представлений об информации нельзя назвать объективными, поскольку человеческий мозг так устроен, что понятие информации (как и другие сложные понятия) «схватывается» им в каком-то определенном моменте развития и наполняется субъективными образами каждой личности в области исключительно ее интересов: «Для одних ученых – это свойство жизни, генетический код, основа зарождения жизни, научная методология, для других – связующее звено между различными науками, некая всеобъемлющая “информосома” и т.д.» [4, с. 5].

Главной проблемой подобных представлений об информации можно назвать недостаточное изучение момента зарождения и развития этого понятия. Поэтому решение нашего вопроса целесообразно с позиции философского осмысления понятия информации, т.е. необходимо найти наиболее общие и основные его характерные черты. Правильность нашего подхода косвенно подтверждается следующими словами известного исследователя в области информации К. Колина: «Нам представляется, что общего определения информации пока не выработано потому, что нет достаточно общей точки зрения на ее природу. Несмотря на то, что информация стала общенаучной категорией, ее значимость для развития человека и общества быстро возрастает. Именно это делает данную проблему одной из наиболее актуальных в современной науке» [5, с. 16].

Нами проведен ретроспективный анализ понятия информации и предпринята попытка найти закономерность в трансформации его семантического аспекта с течением времени. Это необходимо для того, чтобы с опорой на принцип историзма выработать универсальное определение, характерное для всех этапов его развития.

История развития понятия информации

Впервые понятие информации (на латинском *informatio*) в письменных источниках было зафиксировано в XIV в. и обозначало вложение души в тело – *in form*, т.е. «в форму» [6, с. 8]. Именно такая трактовка является наиболее логичной для схоластического периода западной философской мысли. Вполне вероятно, что это понятие встречалось и ранее, но рукописей предшествующих периодов Средневековья сохранилось ничтожное количество. Сама идея вложения души в тело или форму при теоцентрическом характере взглядов того времени, по нашему мнению, трансформировалась из идеи эманации, которую выразил античный философ, основатель неоплатонизма Плотин: «Как источник наполняет реки, сам ничего не теряя, как солнце освещает темную атмосферу, нисколько не потемняясь само, как цветок испускает свой аромат, не становясь от этого без запаха – так Единое изливает себя, не теряя своей полноты, неизменно пребывая в себе» [7, с. 6]. Душа и процесс эманации пока еще трансцендентны, но возросший интерес к философии Платона подготовил более узкие рамки для этого явления.

По нашей гипотезе, предпосылки для того, чтобы информация представлялась не просто как вложение души в тело, а как вложение знаний, были заложены Платоном в его теории форм (идей), согласно которой каждый объект или качество в действительности имеют предшествующую идеальную форму: собаки, люди, горы, цвета, мужество, любовь, добро и др. Так, например, в форму человека в процессе эманации и вкладывалась душа. Сами формы или идеи были вечными, и человеческая душа их созерцала еще до рождения своего смертного тела. Когда человек рождался, то душа начинала их «припоминать».

Концепция знания как припоминания раскрыта Платоном в диалогах «Менон» и «Федон» и была названа термином *анамнесис* [8, р. 167]. Таким образом, душа и знание были изначально тесно переплетены в философии платонизма. Дальнейшее развитие этих идей в Средневековье привело к тому, что сущностная характеристика понятия «информация» прошла путь от эманации как вложения души в тело с помощью Божественной силы к *анамнесису* – вложению (припоминанию) знаний (идей) или от трансцендентного (Божественного) к трансцендентальному (априорному знанию). Можно предположить, что понятие «информация» появилось после развития Платоном своих философских идей, т.е.

после II – III в. н. э., и изменялось под влиянием перехода от теоцентризма Средневековья к антропологизму Возрождения.

Может показаться необычным предположение, что сущностная характеристика информации прошла путь от эманации к анамнесису, ибо понятие эманации, насколько нам известно, возникло позже. Но все встает на свои места при более детальном изучении исторических событий того времени. Дело в том, что эпоха Возрождения шла под лозунгом возобновления интереса к классической древности. Достоверно известно, что в Европе в середине XV в. возникли как минимум три платоновские философские школы – в Риме, Неаполе и Кареджи [9, с. 226] и это обусловило возросший интерес к философии Платона, идеям анамнесиса и форм.

Сам процесс получения знаний был не до конца понятен древним философам, т. е. непонятно, откуда взялись идеи красоты, справедливости и пр., поэтому в поисках ответа и была сформулирована концепция знания как припоминания. Например, К. П. Шевцов в своей работе на тему анамнесиса пишет: «Концепция анамнесиса позволяла разрешить парадокс перехода от незнания к знанию, при этом решение состояло в том, что в действительности нет совершенного незнания, есть лишь обманчивое незнание забытого, готовое пробудиться к припоминанию или же скатиться к еще большему невежеству и забвению» [10, с. 13]. В те времена доступ к знаниям был у ограниченного числа людей. В основном это мудрецы, создающие вокруг себя различные философские школы, их ученики и знать. Эта ступень развития информации характерна централизацией знаний, а следовательно, богатств и власти. Поскольку возможности копирования знаний на различных носителях тогда еще отсутствовали и редкие рукописи могли переписываться только вручную, то передача информации в основном происходила посредством диалогов. Поэтому и работы Платона носят форму диалогов. Информация в это время – простое общение, т. е. был необходим личный контакт передающего знания (опыт) и получающего. Довольно наглядно это прослеживалось у перипатетиков, которые во время прогулки по саду общались со своими учениками и передавали им знания (на греческом *peripatos* – прогулка, отсюда и такое название).

Создание печатного станка

Но все изменилось с появлением книгопечатания. Не случайно, нам кажется, и то обстоятельство, что первые письменные упоминания об информации датируются XIV в., поскольку в 1448–1455 гг. Иоганном Гутенбергом было изобретено книгопечатание, которое за довольно короткий период распространилось по всей Европе, и количество издаваемых книг, а соответственно и знаний, закрепленных в них, резко возросло [11, с. 161].

Это важно понимать, поскольку в следующие столетия понятие «информация» будет уже означать передачу знаний с помощью книг. Изобретение книгопечатания изменило форму передачи знаний и способствовало их десакрализации и децентрализации. Появление на порядок более свободного доступа к знаниям было вызовом сложившемуся миропорядку и соответственно отразилось на общественных и экономических отношениях. Мир начал свой переход от эпохи Средневековья к Новому Времени. Конечно, человечеству этот переход дался непросто – «Старый Мир» боролся за свое существование, уничтожая инакомыслящих, называя их еретиками и ведьмами, причем именно боролся, в том числе и с помощью обоюдоострого оружия – информации.

В ответ на распространение литературы со свободомыслием и антирелигиозным содержанием выпускались книги, целью которых было подавление любого инакомыслия. Так, например, в те времена была широко распространена книга «Молот Ведьм», в которой излагались методы распознавания ведьм, способы их допросов и вынесения приговоров. Но, несмотря на то, что огромное количество выдающихся умов человечества уничтожила инквизиция, прогресс было не остановить, информация как новая форма передачи знаний (опыта) изменила Мир.

Представление об информации как о вложении или получении знаний с помощью книг сохранилось вплоть до конца эпохи Просвещения, характерной чертой которой было

стремление к систематизации и популяризации знаний. Кульминацией этого стремления стало издание Д. Дидро «Энциклопедии» (1751–1780 гг.), с помощью которой он и его единомышленники «надеялись уничтожить суеверия и дать любому человеку, умеющему читать, доступ ко всем достижениям человеческого разума» [12, с. 264].

Технология телеграфа

Следующей чертой и переходным периодом в понимании информации можно назвать возможность распространять полученные знания на большие расстояния с помощью открытых в середине XIX в. телеграфных технологий. До электрического телеграфа скорость распространения информации была ограничена в основном скоростью передвижения человека или животного. В редких случаях для предупреждения о нападении врага использовалась система костровых огней, как правило, в военных целях и требовала значительных ресурсов [13, с. 187].

Внедрение телеграфа освободило коммуникацию от пространственно-временных ограничений и произвело революцию в глобальной экономике и общественных отношениях. К концу XIX в. телеграф становится всё более распространенным средством связи, «земля оказалась опоясанной проводами и кабелями, соединяющими города и континенты» [14, с. 30]. Он отделил информацию от физического перемещения объектов, и в дальнейшем это понятие стало использоваться как «сообщение», «сведения», «данные» [15, с. 55]. Технические представления об информации в период развития телеграфных технологий сводились к пониманию сообщения как некоторого кодированного эквивалента предмета или явления, зафиксированного источником. Задача, стоящая тогда перед учеными и исследователями, заключалась в том, чтобы этот эквивалент выразить с помощью условных физических символов, в частности алфавитом, и в определенной упорядоченной последовательности передавать его по каналам связи.

Если считать, что информационное общение состоит из таких элементов, как источник, передающая среда и потребитель, то можно с уверенностью предположить, что в тот период решались исключительно технические задачи, связанные с передающей средой, а именно: с переработкой и передачей, а также с объемом и содержанием пересылаемых сообщений.

Кибернетика

В середине XX в. понятие информации оказалось в центре внимания в области кибернетики и ряде других наук уже под иным углом зрения. Исследователи в этом направлении, изучая проблематику информации, определяли ее следующим образом: «...последовательность сигналов, передаваемых от передатчика к приемнику, накапливаемых в запоминающем устройстве, обрабатываемых и выдаваемых в виде готовых результатов» [16, с. 196]. Однако вскоре понятие информации получило более обобщенное содержание, а сфера его применения расширилась – оно стало использоваться не только в технических, естественнонаучных областях, но и в гуманитарных науках, прессе, университетах, библиотеках.

Одновременно специалисты почувствовали необходимость изменить взгляд на информацию в аспекте общественных информационных объектов, к технико-технологическому добавился взгляд общественный, основанный на осознании, что информация играет существенную роль не только в технике, но и в общественной жизни людей.

Гносеология

В процессе развития кибернетики отчетливо проявился и гносеологический аспект информации. Он заключался в том, что во время передачи сообщения от источника до потребителя периодически вставал вопрос об адекватности его восприятия. Как оказалось, подобные гносеологические и коммуникативные проблемы возникают в связи с тем, что формальная регистрация полученного сообщения вовсе не является гарантией извлечения той же семантической наполненности, которую вложил отправитель этого сообщения.

Но как понять, что влияет на адекватность восприятия? Чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны разделить сам процесс передачи сообщения на три общезвестных составляющих: передающий субъект, передающая среда и тот, кто это сообщение принимает. При таком подходе становится очевидно, что чем совершеннее передающая среда, тем более адекватное восприятие будет у принимающей стороны. Естественно, на адекватность восприятия влияют и передающая с принимающей стороны, но в данном исследовании мы говорим именно об информации, а субъективизм «передающего» и «принимающего» при передаче опыта (знаний) потребует дополнительного и объемного исследования. Но даже сейчас понятно, что, например, адекватность восприятия переданного с помощью телеграфа сообщения будет отличаться от адекватности восприятия того же видеозвонка с помощью мессенджера Whatsapp. *Каждая новая форма передачи опыта делает сообщения более познавательными, а коммуникацию доступной*, но в то же время подобные изменения являются причиной появления новых, малоизученных коммуникативных и гносеологических проблем, не до конца понятны их возможные последствия.

Эпоха гаджетов

К концу XX в. бурное развитие и массовое распространение компьютерной техники и технологий привело к ещё более существенным изменениям в научных и общечеловеческих представлениях об информации. Прежние времена, основанные именно на книжном знании, постепенно уходят, как и исчезают в обществе массовые походы в библиотеки. Например, М. Маклюэн уже в 1962 г. пишет: «Вместо того, чтобы превратиться в колоссальную Александрийскую библиотеку, мир стал компьютером, электронным мозгом, именно так, как это описывается в непритязательной научной фантастике» [17, с. 27]. На смену приходит качественно новый тип доступа к знаниям (опыту), заключающийся в том, что этот доступ практически не ограничен, не привязан ни к месту, ни ко времени. По всей видимости, это повлечет самые серьезные общественные, интеллектуальные и психологические изменения, но не приведет к разрушительным последствиям.

Являющиеся неотъемлемой частью нашей жизни гаджеты, а также бурный рост социальных сетей изменяют коммуникацию, и человечеству все это надо принять как неизбежное. Поэтому сегодня отчетливо возникает потребность в обобщенном представлении природы информации, информационной деятельности людей и ясном осмыслении её значения в жизни.

Основные этапы развития информации

Как мы отмечали ранее, изменение представлений о понятии «информация» происходило вместе с изменением формы передачи знаний, что является логичным, так как изменение формы приводит к изменению содержания (и наоборот). Не случайно категория формы привлекала исследователей на протяжении всего существования человечества (для сравнения форма – вложение души в тело). Со времен древней науки до наших дней категория формы связана с выражением представлений человека о строении мира, о сущности бытия.

Кратко рассмотрим основные стадии изменений, связанных с накоплением и формой передачи знаний:

- от накопления знаний к их систематизации: появление письменности, первые библиотеки, первые теоретические системы (Фалес, Демокрит и др.);
- от систематизации знаний к выделению наук (Платон, Аристотель);
- от движения научных разработок к технологическим проблемам (книгопечатание, энциклопедии, открытия в естествознании, появление семафора, телеграфа);
- от технологических проблем к задачам создания систем управления (кибернетика, автоматизация процессов, радиосвязь);
- от задач управленческих систем к вопросам гносеологического и коммуникативного характера (появление микропроцессора, компьютерных технологий, смартфонов и т.д.).

И если первые четыре стадии были связаны в основном с количественным изменением знаний, то последняя выявила уже качественные перемены, затрагивающие следующие

важные вопросы: «Может ли машина мыслить?» (гносеологический вопрос) и «Существует ли коллективный разум?» (вопрос коммуникации), а также «Реален ли наш мир?» (теория виртуальной вселенной).

Данный вопрос можно решить лишь диалектически, изучив в частности взаимосвязь формы и содержания, сущности и явления информации. Важно отметить, что общественные отношения менялись в связи с изменением экономической системы, соответственно понятие информации как формы передачи знаний напрямую зависит от общественно-экономических процессов, происходящих в каждый конкретно-исторический период. Не стоит забывать, что общественные процессы, экономика и информация находятся в диалектической связи и поэтому оказывают взаимопроникающее воздействие друг на друга.

Существующий период рыночной экономики развивал и продолжает развивать в основном технологии, непосредственно связанные с получением прибыли. Например, с помощью телеграфа решались вопросы о том, какой товар, в каком объеме и в каком месте необходим, что, в свою очередь, положительно сказывалось на развитии международной торговли. Развитие торговли непосредственно влияло на рост промышленного производства, для ускорения и удешевления которого постепенно внедрялась автоматизация (кибернетика). Многие ученые в этой области возлагали на автоматизацию большие надежды. «Отец» кибернетики Н. Винер называл ее новой революцией: «Нынешний промышленный переворот ведет к обесцениванию человеческого мозга, по крайней мере, в его простейших и более рутинных функциях... Квалифицированный ученый и квалифицированный администратор могут пережить эту промышленную революцию. Но коль скоро она совершится, рядовому человеку со средними способностями или со способностями ниже среднего нечего будет продавать, за что стоило бы что-либо платить» [18, с. 79].

Таким образом, форму передачи знаний можно представить как естественное продолжение процессов и явлений, которые со времён появления телеграфа были направлены в основном на развитие бизнеса и увеличение прибыли, но в итоге сами превратились в товар и стали достоянием широких общественных масс. Подтверждением тому является история развития понятия информации, о которой мы писали выше, да и сам интернет был не так давно военной технологией и представлял собой небольшую сеть для передачи данных в военном ведомстве США. Он был основан на синтезе телеграфных технологий и наработок в области кибернетики. Сейчас интернет вышел за рамки военной технологии и сам стал частью мирового финансового рынка, без которого сложно представить торговые и общественные отношения.

Современным этапом изменения представлений об информации, на наш взгляд, является совокупность всех предыдущих технологий – мобильной радиосвязи и компьютерных технологий, заключающаяся в появлении смартфонов с доступом в интернет и мессенджеров.

Как мы видим, изменение сущности понятия «информация» происходит после различных прорывных технологий передачи знаний (человеческого опыта), которые являются синтезом всех предыдущих разработок. В этой связи интересны предположения по поводу того, куда двинутся современные технологии передачи знаний и как при этом изменится само понятие информации.

Доступность смартфонов и сети интернет привели к тому, что в единую коммуникативную сеть вовлечены миллионы человеческих сознаний, общение и анонимность которых выводят человеческое общество частично из-под некоторых привычных для нас юрисдикций государства. До этого тоже были попытки организовать группы ученых и специалистов для совместного решения какой-то проблемы. Но методы познания типа «мозгового штурма», в наши дни приобретающие все большую и большую популярность, в те времена были доступны только государствам, корпорациям и другим финансово-влиятельным структурам, отбирающим людей для своей работы и оплачивающим ее. Так, например, при составлении знаменитого Оксфордского словаря английского языка тоже широко применялся метод мозгового штурма, или brainstorm краудсорсинг. Сеть интернет во второй половине XIX в. еще не изобрели, поэтому британцы посылали слова и определения к ним

посредством обычных бумажных писем, в результате чего появился один из самых знаменитых словарей мира. Теперь множество подобных задач могут решать сами пользователи социальных сетей и мессенджеров, самостоятельно организовываясь в группы. Поэтому меняется сам принцип самоорганизации людей, основа которого – в децентрализации общественного устройства. Например, с помощью сети интернет пользователями была внедрена самая полная энциклопедия за всю историю человечества «Википедия». Ее особенность в том, что создавать и редактировать статьи может любой пользователь сети интернет, а вносимые правки в режиме реального времени становятся видимыми для всех посетителей сайта. Конечно, многие статьи в этой сетевой энциклопедии далеки от идеала, но вполне вероятно, что современные технологии, совершенствуясь сами, будут постоянно повышать и уровень ее содержания. Уже сейчас технически грамотные авторы для облегчения рутинной и трудоемкой работы, связанной с правкой и проверкой статей, иногда используют автоматизированные инструменты в виде ботов и прочих программных алгоритмов [19, p. 85].

По всей видимости, именно в этих свойствах передовых технологий и заключается особенность современного представления об информации. Но использование ботов, искусственного интеллекта и различных баз данных, с одной стороны, упрощает доступ к знаниям, с другой – ставит перед человечеством ряд вопросов. Например, не совсем понятно, что будет с процессом познания в том случае, если электронные базы данных пополнятся до нового качественного уровня, когда познающему не нужен будет другой человек, когда уровень цифровизации и развитый до антропоморфного уровня искусственный интеллект смогут объединить в одно целое передатчик, базу данных и передающую среду. Будут ли нужны в таком количестве как сейчас переводчики, программисты, преподаватели и многие другие категории работников, не приведет ли это к тому, о чем нас предупреждал Н. Винер почти 100 лет назад? Ведь уже сейчас многие смотрят обучающие видеозаписи в сети интернет, общаются с голосовыми помощниками, пользуются электронными переводчиками, создают сайты и программы с помощью программного конструктора, проводят онлайн конференции, где на одного спикера приходится сотни слушателей и т. д.

Итак, современная форма передачи знаний (опыта) имеет массовый, или всеобщий, характер и укладывается в диалектическую категорию «частное – общее – всеобщее». Отсюда проясняются и причины отсутствия четкого определения понятия информации. Как мы уже писали, формы передачи знаний постоянно менялись диалектически, когда одна форма, совершенствуясь в процессе развития человеческого общества и накопления теоретических и опытных знаний, переходила в другую, другая – в третью и т. д. Поэтому современная форма, согласно диалектическому закону «отрицание – отрицания», содержит в себе в «снятом» виде все предыдущие формы передачи знаний, т. е. все предшествующие представления об информации. В наше время развития информационных технологий мы активно используем электронные книги и библиотеки, сообщения, пользуемся вычислительной техникой и интернетом. Но такая широта понятия информации, с одной стороны, ускоряет процесс общения посредством бытового языка, где не требуется конкретизация, а с другой – мешает познанию в различных сферах научной деятельности.

Выводы

Таким образом, на основе применения принципа историзма и диалектической методологии мы выработали универсальное (философское) определение информации, согласно которому информация – это форма передачи человеческого опыта (знаний). В этом определении особое внимание стоит обратить на понятие «форма». Когда человеческий прогресс подходит к новой форме передачи знаний, то меняется и сама информация, и представление о ней, и в итоге – само общество.

Когда мы говорим об информации как о форме передачи человеческого опыта, подразумеваем именно техническую (или, в современном представлении, цифровую) среду, передающую нам этот опыт или знание. Отдельно стоит сказать и о понятии «знание», о кото-

ром существует тоже множество различных представлений. Зачастую знание раскрывают как некоторый инсайд или врожденную идею. В предложенном нами варианте знание – это и есть опыт, который человек передает другим. Оно далеко от всякой мистики вроде инсайда и вырабатывается путем проб и ошибок, проверяется на практике.

На первый взгляд, такая формулировка кажется невероятно простой, но в теме информации столько путаницы, выдуманных формулировок, подмены ее другими понятиями, что, изучив множество работ на эту тему, мы практически не нашли попыток исторического и диалектического ее осмысления. В большинстве своих работ ученые пытаются раскрыть сущность информации в плоскости своих научных интересов, и у них это не всегда получается логично и научно, а подобно снежному кому, еще более запутанно.

Предложенное философское определение открывает перед нами ряд гносеологических и социальных вопросов, для ответа на которые необходимо написать еще не один философский труд. Эти вопросы, безусловно, появились не вчера, человечество давно их задает, но важно то, что данное определение подводит под эти вопросы обций знаменатель, показывает направление, в котором их необходимо решать.

Используемый принцип историзма позволил раскрыть закономерность в развитии и изменении сущности понятия информации, а также человеческого прогресса, стремление человечества к децентрализации знаний, их всеобщей доступности и в конечном счете свободе. Также важно понимание того, что каждая новая форма передачи знаний всегда предшествует масштабным изменениям в человеческом обществе.

Те социальные группы, которые медленно впитывают новые веяния прогресса, остаются позади. Децентрализация и всеобщность знаний ведет общество также к децентрализации экономической, политической и финансовой систем. Человеческое общество, совершенствуя формы передачи знаний, во всех своих сферах постепенно переходит на рельсы децентрализации. Кто-то переходит быстрее, кто-то медленнее, но важно понимать, что человечество незаметно идет в одном направлении, диалектически борясь с противоречиями и старыми традициями. Важно понимать, что философская проблематика информации нигде не исчезнет, она будет лишь менять свои грани, расширяться и обогащаться новыми смыслами. Человек не может существовать без передачи опыта, он нацелен на развитие, это заложено в его природе, а без передачи знания, т.е. опыта, развитие человечества невозможно. Поэтому накопление неразрешенных гносеологических неточностей в содержании понятия информации привело к различному ее осмыслению, что подтверждает нашу гипотезу.

Перспективы дальнейших изысканий связаны с анализом работ по изучению и сканированию коннектома мозга, что, возможно, приведет нас к философскому осмыслению цифровой версии сознания человека, которую можно будет сохранить, передать, загрузить, что по сути обеспечит человеку цифровое бессмертие. И тогда можно будет говорить уже о новом качестве информации как формы передачи знаний (опыта).

Список источников

1. Кулжабаева Ж.О., Костяная Ю.С. К вопросу о понятии информации // Вестн. Ин-та законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. № 3 (61). С. 150–158.
2. Информационный подход в междисциплинарной перспективе (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 84–112.
3. Schroeder M. Invariance as a Tool for Ontology of Information // Information. 2016. № 7-1 (11). P. 2–20.
4. Петриченко Е.А. Международное общество информационных исследований. Анализ основных положений // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14966> (дата обращения: 25.02.2022).
5. Колин К.К. Философия информации и современное научное мировоззрение // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2014. № 10. С. 13–20.

6. Григорьев А.Н. Информация и информационное взаимодействие в расследовании преступлений: теоретические аспекты. Калининград: Калининградский юридический институт МВД России, 2006. 276 с.
7. Соловьев В. С. Плотин. Эннеады. Киев: УЦИМ-ПРЕСС, 1995. 394 с.
8. Allen R.E. Anamnesis in Plato's Meno and Phaedo // *Review of Metaphysics*. 1959. № 13 (1). P. 165–174.
9. Тыжов А. Я. «Платоновская теология» Марсилио Фичино // *Манускрипт*. 2019. Т. 12, № 12. С. 225–230.
10. Шевцов К. П. Границы припоминания. Память в поздних диалогах Платона // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2015. Т. 16, № 1. С. 11–17.
11. Ильин А. А. Как цифровые технологии изменили «станок Гутенберга» // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9, № 2-2. С. 161–172.
12. Феоктистов В. В., Феоктистова О. П., Чернышева И. Н. Жан Лерон Д'Аламбер и его принцип в современной интерпретации // *Наука и образование: науч. издание МГТУ им. Н.Э. Баумана*. 2016. № 6. С. 260–272.
13. Дьякова О. В. Средневековый «огневой телеграф» в Приморье (на примере памятников бассейна р. Джигитовки) // *Россия и АТР*. 2021. № 3 (113). С. 183–195.
14. Крук Б. И., Журавлева О. Б. Роль русских ученых в истории развития электрической и радиосвязи // *Национальная ассоциация ученых*. 2015. № 9-4 (14). С. 28–32.
15. Немцов Э. Ф. Атрибутивно-наследственный подход к определению понятий «данные» и «информация» // *Национальная ассоциация ученых*. 2015. № 5-5 (10). С. 55–61.
16. Рутковская М. В. Проблемы информации в поле кибернетики // *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*. 2010. № 1. С. 193–197.
17. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. Киев: Ника Центр, 2003. 432 с.
18. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Наука, 1983. 344 с.
19. Muller-Birn C., Dobusch L., Herbsleb J. D. Work-to-rule: the emergence of algorithmic governance in Wikipedia // *Proceedings of the 6th International Conference on Communities and Technologies*, 2013. P. 80–89.

References

1. Kulzhabaeva Zh.O., Kostyanaya Yu.S. On the question of the concept of information. *Vestn. In-ta zakonodatel'stva i pravovoi informatsii Respubliki Kazakhstan = Bulletin of Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2020;(3):150-158. (In Russ.).
2. Information Approach in an Interdisciplinary Perspective (materials of the round table). *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 2010;(2):84-112. (In Russ.).
3. Schroeder M. Invariance as a Tool for Ontology of Information. *Information*. 2016;(7-1):11.
4. Petrichenko E.A. International Society for Information Research. Analysis of the main provisions. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. 2014;(5). Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14966> [Accessed 25th February 2022]. (In Russ.).
5. Kolin K.K. Philosophy of information and modern scientific outlook. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii i IT-obrazovanie = Modern Information Technologies and IT-education*. 2014;(10):13-20. (In Russ.).
6. Grigoriev A.N. *Information and information interaction in the investigation of crimes: theoretical aspects*. Kaliningrad: Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Press; 2006. 276 p. (In Russ.).
7. Solovyov V.S. Plotin. *Plotin. Enneads*. Kiev: UTSIM Press; 1995, 394 p. (In Russ.).
8. Allen R.E. Anamnesis in Plato's Meno and Phaedo. *Review of Metaphysics*. 1959;(13):165-174.
9. Tyzhov A.Ya. Platonic Theology by Marsilio Ficino. *Manuskript = Manuscript*. 2019;12(12):225-230. (In Russ.).

10. Shevtsov K.P. Remembrance boundaries. Memory in Plato's Late Dialogues. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Review of the Christian Academy for the Humanities*. 2015;16(1):11-17. (In Russ.).
11. Ilyin A.A. How digital technology has changed the Gutenberg Machine. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Socio-Educational Idea*. 2017; 9(2-2):161-172. (In Russ.).
12. Feoktistov V.V., Feoktistova O.P., Chernysheva I.N. Jean Leron d'Alembert and his principle in a modern interpretation. *Nauka i obrazovanie: nauch. izdanie MGTU im. N.E. Bauman = Science and Education: Scientific Edition of Bauman MSTU*. 2016;(6):260-272. (In Russ.).
13. Diakova O.V. Medieval "firing telegraph" in Primorye (on the example of the monuments of the Dzhigitovka river basin). *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*. 2021;(3):183-195. (In Russ.).
14. Kruk B.I., Zhuravleva O.B. The role of Russian scientists in the history of the development of electrical and radio communications. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh = National Association of Scientists*. 2015;(9-4):28-32. (In Russ.).
15. Nemtsov E.F. Attributive-hereditary approach to the definition of the concepts "data" and "information". *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh = National Association of Scientists*. 2015;(5-5):55-61. (In Russ.).
16. Rutkovskaya M.V. Problems of information in the field of cybernetics. *Filosofskie problemy informatsionnykh tekhnologii i kiberprostranstva = Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*. 2010;(1):193-197. (In Russ.).
17. McLuhan M. *Galaxy Gutenberg. Formation of a printing man*. Kiev: Nika Tsenter Publ.; 2003. 432 p. (In Russ.).
18. Wiener N. *Cybernetics or control and communication in the animal and the machine*. Moscow: Nauka Publ.; 1983. 344 p. (In Russ.).
19. Muller-Birn C., Dobusch L., Herbsleb J. D. Work-to-rule: the emergence of algorithmic governance in Wikipedia. *Proceedings of the 6th International Conference on Communities and Technologies*. 2013:80-89.

Информация об авторах

В.Г. Семенова – доктор философских наук, профессор кафедры русского языка, культуры и коррекции речи.

Е.А. Петриченко – специалист по информационной безопасности.

Information about the authors

V.G. Semenova – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Russian Language, Culture and Speech Correction.

E.A. Petrichenko – Information Security Specialist.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 27.12.2021; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 27.12.2021; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 008:39

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-27-32

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ МУЗЫКАЛЬНО-ПЕСЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ В МИФОЭПИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ЧЕРКЕССКОГО НАРТСКОГО ЭПОСА)

Мурат Анатольевич Хоконов^{1✉}, Залина Владимировна Шоранова²,
Руслан Хаталиевич Урусов³

^{1, 2, 3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Нальчик, Россия

¹ mhokonov@gmail.com✉

² pazalina@mail.ru

³ urkbr07@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена философскому анализу мифоэпических текстов и музыкальных компонентов фольклора черкесов. Проводится философско-культурологическое исследование конкретно взятых эпических образов и связанных с ними песен, исследуется их культурно-мировоззренческий потенциал. На материале эпических нарративов прослеживается роль и значение музыкальной культуры в черкесском традиционном обществе. В качестве художественно-эстетического материала рассматриваются некоторые героические циклы нартского эпоса, где общий сюжетно-композиционный центр эпической культуры продуцирует весьма специфичную картину мира с набором космогонических мифологем. На примере нескольких героических персонажей и связанных с ними циклов песенного фольклора высказывается идея о многоуровневом характере построения онтологических оснований мифа и эпоса. Обосновывается гипотеза, согласно которой важным фактором сохранения и трансляции не только песенного фольклора, но и многих других форм художественной действительности выступает целый комплекс мнемических лингвистических и экстралингвистических средств. Делается вывод о том, что нартский эпос в указанных аспектах следует понимать не только как этический, но и как эстетический кодекс черкесов, где эпические тексты и песни содержат в себе множество предфилософских универсалий и идей.

Ключевые слова: бытие, время, герменевтика, герой, культура, миф, музыка, народ, онтология, пространство, песня, текст, философия, фольклор, эпос

Для цитирования: Хоконов М.А., Шоранова З.В., Урусов Р.Х. Роль и значение музыкально-песенных компонентов в мифоэпической картине мира (на материале черкесского нартского эпоса) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 27–32.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF MUSIC AND SONG COMPONENTS IN THE MYTHOEPIC PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF THE CIRCASSIAN NART EPIC)

© Хоконов М.А., Шоранова З.В., Урусов Р.Х., 2022

Murat A. Hokonov^{1✉}, Zalina V. Shoranova², Ruslan H. Urusov³

^{1, 2, 3} Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia

¹ mhokonov@gmail.com✉

² pazalina@mail.ru

³ urkbr07@mail.ru

Abstract. The article presents a philosophical analysis of mythoepic texts and musical components of the Circassian folklore. In particular, the study explores specific epic images and related songs, as well as their cultural and philosophic implications. The role and significance of music culture in the Circassian traditional society are traced using epic narratives. Heroic cycles of the Nart epic are viewed as an art-aesthetic material, where the common plot-compositional centre of the epic culture produces a very specific worldview with a set of cosmogonic mythologies. Using the example of several heroic characters and the cycles of song folklore associated with them, the idea of the multilevel nature of the construction of the ontological foundations of myth and epic is expressed. The paper substantiates the hypothesis that an important factor in the preservation and translation of not only song folklore, but also many other forms of artistic reality is a whole complex of mnemonic linguistic and extralinguistic means. It is concluded that the Nart epic in these aspects should be understood not only as an ethical, but also as an aesthetic code of Circassians, where epic texts and songs contain many pre-philosophical universals and ideas.

Keywords: being, time, hermeneutics, hero, culture, myth, music, people, ontology, space, song, text, philosophy, folklore, epic

For citation: Hokonov M.A., Shoranova Z.V., Urusov R.H. The Role and Significance of Music and Song Components in the Mythoepic Picture of the World (on the Material of the Circassian Nart Epic). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):27-32. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Основным объектом представленной философско-культурологической рефлексии является традиционная парадигма миропредставления черкесов, запечатленная в песенно-музыкальных компонентах нартского эпоса. Наше исследование нацелено на выявление сущности и содержания некоторых этнофилософских универсалий и концептов, структурирующих рассматриваемую духовную культуру, отражающих на предфилософском уровне осмысления такие фундаментальные вопросы, как диалектическое соотношение добра и зла, роль и значение музыки в жизни общества, соотношение личности и коллектива в социальном бытии, отношение человека к богу и т.д. Актуальность исследуемой проблемы состоит в том, что семиотическое, герменевтическое, функциональное изучение нарративов нартского эпоса необходимо, с одной стороны, для обогащения научно-методологических подходов к природе фольклора, а с другой – культурологическая и философская рефлексия о специфических особенностях мифопоэтического мировосприятия может способствовать углублению общего понимания эволюции духовной культуры народов Северного Кавказа.

Мифопоэтическая культура черкесского народа генерировала на протяжении многовековой этногенетической истории весьма сложную сюжетно-образную систему различных мифопоэтических произведений. Сформировавшись на базе традиции и различных каналов этнокультурной коммуникации, эпическая духовность оказала огромное влияние на становление культурной парадигмы черкесов и формирование многих духовных констант культур кавказских народов. Безусловно, в центре любой проблематики социогуманитарного познания стоит фундаментальный вопрос о соотношении человека и историко-культурного универсума, закономерностях и принципах духовного бытия человека. Человек встроен в мир культуры как субъект временного действия, ищущий с помощью своих

трансцендентных проектов (творчество, свобода, религиозный и мистический порыв, раздвигаемые с помощью науки и техники материальные формы освоения сущего) наиболее универсальные способы коэволюции с природой и культурой. В этом смысле одной из самых значимых форм духовной трансценденции человека является музыка, получившая на уровне мифа и эпоса весьма глубокое осмысление как определенная творческая энергия, не только гармонизирующая индивидуальный человеческий дух, но и отражающая мировой порядок с помощью непостижимых рациональностью законов [1].

В черкесском нартском эпосе, который по праву можно считать наиболее архаичной и универсальной основой традиционного мировосприятия этноса, мы обнаруживаем идеи о музыкальном творчестве как миропорождающей деятельности, осознание музыки как космогонической субстанции. Нартские сказания представлены в двух основных формах. Наиболее архаичная, музыкально-певческая, являющаяся предметом нашего исследования, называется «нарт пшыналъэ» (нартские пшинатли). Вторая форма – это эпическая проза. В ней сложные для восприятия эпические пшинатли комментируются, интерпретируются отдельные сюжеты, поясняются детали эпической биографии героев.

Традиционные сюжеты нартского эпоса концентрируются вокруг центральных героев (Сосруко, Бадыноко, Тотреш, Ашемез, Озермес, Щауей) и существуют в мифоэпической памяти как циклы сказаний и песен-пшинатлей. Музыкальная специфика пшинатлей также исследуется в соответствии с этой циклической закономерностью [2].

Огромную роль в способах, характере и особенно динамике трансляции эпической информации о мире, обществе, героях-первопредках, их деяниях занимает музыка. Музыка эпических пшинатлей в традиционном черкесском социуме являлась не только средством эстетического воздействия на духовную культуру коллектива, отдельной личности, но еще и выполняла мировоззренческую функцию. Недаром черкесская народная мудрость гласит: «Мывэри зэгузудынуш, бгыжъ нэхъуейнпшэхэри сэтэй хъужынуш, ауэ макъамэр мылъэжын къэхъуныгъэш», что переводится на русский язык примерно так: «Камень расколется на части, величавые горы сравняются с поверхностью Земли, но только музыка останется частью вечности». На эту особенность оценки музыки в народной культуре обратил внимание один из ярких представителей кавказского просветительского движения Адыль-Гирей Кешев, который неоднократно подчеркивал значение песни в миропонимании адыгов: «Песня дорога для Адыге не только потому, что она единственный памятник его прошедшего, наследие отцов, но еще и потому, что она служила всегда неиссякаемым источником его воинственного энтузиазма. Песня служила для черкесской молодежи школой для воспитания» [3, с. 161 – 162].

На наш взгляд, осознание универсальной сущности музыки как творческой стихии, мифологические и эпические идеи о музыкальном происхождении космического и социального порядка можно обнаружить в пшинатлях об Ашемезе, Тотреше, Батаразе.

Обратимся к анализу пшинатлей об Ашемезе и Батаразе. Циклы сказаний и песен об этих героях конституируются по универсальной сюжетной линии, детально повествующей об основных этапах героической инициации: рождение, детство, юность, взросление, первый подвиг, месть, сакральный брак, героический апофеоз и гибель. Дж. Кэмпбелл по этому поводу писал: «Путь мифологического приключения героя обычно является расширением формулы всякого обряда перехода: уединение – инициация – возвращение: которую можно назвать центральным блоком мономифа. Герой отваживается отправиться из мира повседневности в область удивительного и сверхъестественного: там он встречается с фантастическими силами и одерживает решающую победу; из этого исполненного таинств приключения герой возвращается наделенным способностью нести благо своим соплеменникам» [4, с. 28].

Согласно сюжету одной из основных песен эпического цикла «Ашэмэз и бжамийр кызыргыгузтыжар», герой получает от бога земледелия и плодородия Тхаголега свою чудесную свирель, которую вместе с красавицей Ахумиде крадет терриоморфный персонаж благуэ (дракон, который мог перевоплощаться в очень смутного человека). Любопытно,

что эпический нарратив не отклоняется от использования бинарной оппозиции мифопоэтического мышления, изученной еще К. Леви-Строссом [5, с. 41–42]. Структурирование картины окружающего мира на основе антитетического принципа свойственно, как мы полагаем, не только мифу, но и эпическому мышлению. В эпосе сказитель пытается упорядочить свое представление о мире, культурном герое, его подвигах, категоризируя отдельные явления с помощью бинарных оппозиций. Антитетические взгляды об устройстве общества (разделение на мужское/женское, верх/низ и т. д.), принцип противопоставления и объединения в пары противоположностей мы видим на примере музыкального инструмента Ашемеза и его звучания. Свирель Тхаголега бжамий имеет два конца (к1апэ) – белый и черный. Мелодия, издаваемая с белого конца, возрождает мир: появляются новые звезды на небе, ослепительный свет заливают пространство, умершие возрождаются, завершаются войны, а если человек поднесет к устам инструмент с черного конца, мир ввергнется в хаос. Таким образом, космогоническая функция музыки, ее эпическое понимание как силы, способной одновременно создать и уничтожить природное и социальное бытие, очевидны.

В осетинском варианте нартского эпоса Ацамаз не только обладатель необычайного дара игры на свирели богов, но и еще унаследовал от отца Ацы звонкий голос, дар песнопения. Аца, как это можно увидеть в эпических сказаниях, был похож на солнце, обладал звонким голосом. В одном из сказаний Аца является сыном колдуньи и нарта Алагуана из рода Алагата [6, с. 69]. Бинарная оппозиция эпической реальности, символизируемая чудесным предметом (меч, музыкальный инструмент, двузубое копье героя Тотреша, шлем Сосруко), снимается противостоянием героического и хтонического, inferнального. В анализируемой эпической песне Ашемез с помощью воинства нартвов освобождает плененную Ахумиде, поражает антагониста получеловека-дракона стрелой и забирает бжамий Тхаголега. В конце эпической песни мы видим героя, который игрой на свирели возрождает вселенскую гармонию. Таким образом, природные и социокультурные явления предстают в эпической песне в единую картину музыкальной космогонии.

Другим эпическим героем, в образе которого черкесский музыкальный эпос также воплощает идеи космогенеза, выступает Батараз. Следует обратить внимание на то, что в преданиях о Батаразе встречаются отдельные сюжетные композиции, где сочетаются традиционные певческие и непевческие, прозаические формы исполнения. Так, например, эпическое повествование «Детство Батараза, сына Химиша» открывается в прозе, затем продолжается песней воспитательницы героя старухи Вако-наны и заключительная часть вновь строится в прозаической форме [7]. Главный персонаж эпического цикла Батараз по своей образной гиперболизации, обладанием сверхъестественными способностями максимально сближается с мифологическими персонами или субъектами архаического эпоса.

В центре художественного внимания стоит персонификация архетипа культурного героя, совершающего подвиги, однако уже с самой ранней фазы эпической биографии образ Батараза обрамляется сугубо мифологическими сюжетными линиями. Рождению героя предшествует гибель Химиша, его отца, а мать, происходившая из рода карликов-испов, после смерти мужа уходит к своему народу, оставив новорожденного на попечении старших. Взглянув на младенца и убедившись в том, что он – необычный ребенок, его относят к старой пророчице Вако-нана. Далее эпический цикл повествует о том, как Вако-нана внимательно рассматривает дитя и начинает петь величальную песню. В ней, как и в шпинатле об Ашемезе, можно проследить мифологические космогонические мотивы сопоставления времени рождения героя и сотворения мира: «Дунейжыр шымыджэ-мыпц1эм, Щ1ыльэр шызэпц1эгъаш1эм Ныбэм уридзэгъаш1эт, Уафэр хык1э шаухуэм, Щ1ыльэр мэлк1э шаубэм, Абы пыгъуэм щ1алэ джэгум уахэтт» [8, с. 296]. Примерный перевод фрагмента эпической песни звучит так: «Когда эта старая Вселенная еще не приняла свои очертания, а Земля не стала единым миром людей, ты, Батараз, только зародился в чреве матери своей».

Связь героического бытия с мифологической художественной действительностью становится еще более очевидной при проведении параллели с Батрадзом, героем осетинского

нартского эпоса. Его отцом был Хамыц (в черкесском варианте – Хымыш), из его спины вышел раскаленный докрасна младенец. Сатаней, мать нарттов, увидев новорожденного, схватила его и забросила далеко в море, надеясь, что он утонет. Но он не утонул, а стал жить у владыки подводного царства Донбеттыра. Под водой Батрадз жил до тех пор, пока не вырос [9, с. 68–69].

На основании вышеизложенного можно предположить, что музыкальный фольклор и многоуровневый в семантическом смысле язык эпических песен продуцируют весьма специфичную картину миропонимания, народной философии, в которой рефлексировалась связь между музыкой и возможностью социокультурного и космического порядка. Данное обстоятельство позволяет, на наш взгляд, сделать следующий вывод: эпические песни об Ашемезе и Батаразе углубляют пред-философскую, антропоцентрическую идею о человеке как активной, творческой, разумной субстанции. С этой исследовательской позиции нартский эпос – не только этический, но и эстетический кодекс черкесов, где само эпическое наследие содержит в себе множество предфилософских универсалий и идей. К ним еще следует отнести идеи гуманизма, экзистенциальной ответственности личности, непреходящего смысла свободы, в которых провозглашается зависимость существования добра, справедливости, гармонии и существования самого мира от выбора человека, его жизненных решений. Следует отметить, что мир художественно-эстетических ценностей нартского эпоса не стал духовной основой, первоисточником для становления самостоятельных философских школ, концепции и дискурсов, но, тем не менее, он не перестает быть источником вдохновений для многих философско-культурологических обобщений, в той или иной степени характеризующих особенности генезиса и эволюции этнокультурного пространства Северного Кавказа.

Список источников

1. Закс Л.А. О культурологическом подходе к музыке // Музыка. Культура. Человек. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. С. 9–44.
2. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. М.: Советский композитор, 1981. Т. II. С. 6–7.
3. Кешев Адыль-Гирей. Избранные произведения / вступ. статья и подгот. текстов Р. Х. Хашхожевой. Нальчик: Эльбрус, 1976. 264 с.
4. Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой: пер. с англ. М.: РЕФЛ-бук; Киев: АСТ, 1997. 378 с.
5. Леви-Стросс К. Мифологии. Т. 1: Сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2002. 399 с.
6. Плаева З.К. Музыкальные инструменты в Нарттовском эпосе: свирель Ацамаза // Традиционная культура: науч. альманах. М., 2016. № 4. С. 67–78.
7. Гадагатль А.М. Героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов. Майкоп: Краснодарское кн. изд-во, 1987. 406 с.
8. Нартхэр. Адыгэ эпос. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 559 с.
9. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / пер. с фр.; под ред. и с послесл. В. И. Абаева. М.: Наука, 1976. 276 с.

References

1. Zaks L.A. On the cultural approach to music. *Music, Culture. Person*. Sverdlovsk, 1988:9-44. (In Russ.).
2. *Folk songs and instrumental tunes of the Circassians*. Moscow: Sovetskii kompozitor Publ.; 1981;II:6-7. (In Russ.).
3. Keshev Adyl-Girey. *Selected works*. Entr. article and intr. texts by R. Kh. Khashkhozheva. Nalchik: Elbrus Publ.; 1976. 264 p. (In Russ.).
4. Campbell D. *Thousand-faced hero*. Transl. from English. Moscow: REFL-book Publ.; Kiev: AST Publ.; 1997. 378 p. (In Russ.).
5. Levi-Strauss K. *Mythology. Vol. 1: Raw and cooked*. Moscow: Fluid Publ.; 2002. 399 p. (In Russ.).

6. Plaeva Z.K. Musical instruments in the Nart epic: Atsamaz's flute. *Traditsionnaya kul'tura: nauch. al'manakh* = Scientific almanac "Traditional Culture". 2016;(4):67-78. (In Russ.).
7. Gadagatl' A. M. *The heroic epic "Narts" of the Adyghe (Circassian) peoples*. Maykop: Krasnodar Publishing House; 1987. 406 p. (In Russ.).
8. *Narthere. Adyghe epic*. Nalchik: El-Fa Publ.; 1997. 559 p. (In Adyghe).
9. Dumezil J. *Ossetian epos and mythology*. Transl. from French, Ed. and int. and afterword by V. I. Abaev. Moscow: Nauka Publ.; 1976. 276 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Хоконов – кандидат философских наук, доцент кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики.

З.В. Шоранова – доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы.

Р.Х. Урусов – старший преподаватель кафедры этнологии, истории народов КБР и журналистики.

Information about the authors

M.A. Hokonov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Ethnology, History of the KBR Peoples and Journalism.

Z.V. Shoranova – Associate Professor, Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work.

R.H. Urusov – Senior Lecturer of the Department of Ethnology, History of the KBR Peoples and Journalism.

Статья поступила в редакцию 30.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 30.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 17.03.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 93/94 (929.6+929.7)

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-33-44

ДОНСКОЙ ВОЕННЫЙ ПОРТРЕТ: АТРИБУЦИЯ, СОДЕРЖАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Анатолий Иванович Агафонов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия,
anatoly-agafonov@yandex.ru

Аннотация. Изучается донской военный портрет как одно из направлений русской портретной живописи первой половины XIX в., тесно связанный с сословными казачьими и культурными традициями, формированием офицерского корпуса и генералитета, донского дворянства.

Показывается зависимость изображений от общественного мнения и военно-политических мероприятий в стране, мастерства и знаний художников профессионалов и любителей, их принадлежности к местным или академическим творческим школам.

В составе военного портрета выделяется произведение с гербом наказного войскового атамана Донского войска генерала от кавалерии Максима Григорьевича Власова, подчеркивавшее его персональный статус и новое социальное положение.

Атрибуция, содержание и интерпретация портретов проводится с использованием как традиционных подходов, так и с широким привлечением историко-предметного метода, опирающегося на вспомогательные исторические дисциплины – униформологию, генеалогия, геральдику, фалеристику и просопографию.

Высказывается положение о том, что при написании портретов художники стремились соблюдать правила и требования, предъявляемые к униформе, наградам и геральдике. Но имелись и серьезные неточности, вводящие исследователей в заблуждение.

Впервые подробно раскрываются механизм и методика научного исследования военного портрета, имеющие значение для донской и российской портретной живописи XIX – XX вв. Характеризуются композиция и символика портретов.

Анализируются дискуссионные вопросы изучения донского портрета, предлагаются различные версии их атрибуции и содержания на основе царских пожалований, имперского законодательства, военных событий в России и за рубежом. Уточняются датировки портретов.

Ключевые слова: Российская империя, Донское войско, наказной войсковой атаман М.Г. Власов, донской военный портрет, историко-предметный метод атрибуции портретной живописи первой половины XIX в., униформология, фалеристика, геральдика, просопография

Для цитирования: Агафонов А.И. Донской военный портрет: атрибуция, содержание, интерпретация // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 33–44.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

DON MILITARY PORTRAIT: ATTRIBUTION, CONTENT, INTERPRETATION

Anatoly I. Agafonov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia, anatoly-agafonov@yandex.ru

Abstract. The Don military portrait is studied as one of the directions of Russian portrait painting of the first half of the 19th century, closely connected with the Cossack class and cultural traditions, the formation of the officer corps and generals, the Don nobility.

The dependence of images on public opinion and military-political events in the country, the skill and knowledge of professional and amateur artists, their belonging to local or academic creative schools is shown.

As the part of the military portrait, the work stands out with the coat of arms of the Ataman of the Don Army, cavalry general Maxim Grigoryevich Vlasov, emphasizing his personal status and new social position.

The attribution, content and interpretation of portraits is carried out using both traditional approaches and with the broad involvement of the historical and subject method, based on auxiliary historical disciplines - uniformology, genealogy, heraldry, phaleristics and prosopography.

It is stated that when painting portraits, the artists sought to comply with the rules and requirements for uniforms, awards and heraldry. But there were also serious inaccuracies that mislead researchers.

For the first time, the mechanism and methodology of the scientific study of a military portrait, which are important for the Don and Russian portraiture of the 19-20th centuries, are revealed in detail. The composition and symbolism of the portraits are characterized.

The debatable issues of studying the Don portrait are characterized, various versions of their attribution and content are proposed on the basis of royal awards, imperial legislation, military events in Russia and abroad. The dates of the portraits are being clarified.

Keywords: Russian Empire, Don army, appointed military ataman M.G. Vlasov, Don military portrait, historical and subject method of attribution of portraiture of the first half of the 19th century, uniformology, phaleristics, heraldry, prosopography

For citation: Agafonov A.I. Don Military Portrait: Attribution, Content, Interpretation. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(1):33-44. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Донской портрет постоянно привлекает внимание историков, искусствоведов, реставраторов и музееведов. В сочинениях Н.А. Бондаревой, И.П. Гуржиевой, М.Е. Соколенко, А.А. Карева, А.А. Коноваловой и других ученых исследовалась его роль в региональной культуре, формирование донской коллекции живописного портрета и ее экспонирование, место в русском художественном творчестве в XVIII – начале XIX в., становление и развитие провинциального образования. Главное внимание исследователей сосредоточивалось на изучении атаманского и старшинского портретов, их окружения. Преимущественно использовались стилистический и технико-технологический методы, которые давали общие сведения об изображении, реже – о его авторе, датировка указывалась от полувека до столетия [1–6].

В то же время военный портрет XIX – начала XX в., являющийся самостоятельным направлением в донской и российской живописи, это большая коллекция изображений войсковых атаманов, генералов, офицеров и казаков Донского войска, остается на периферии научного пространства. Его первые исследования на основе историко-предметного метода атрибуции относятся ко второй половине 90-х гг. XX в. А.В. Кибовский обратился к портретам донских героев, хранящихся в иностранных собраниях, установил персон – казака лейб-гвардии Казачьего полка Т.А. Камбулова (?), находившегося в составе делегации императора Александра I при войсковом атамане генерале от кавалерии графе М.И. Платове в Лондоне с 6 по 25 июня 1814 г., а также командира того же полка генерал-майора А.М. Каменнова, участника русско-турецкой войны 1828–1829 гг. [7]. Однако методика и опыт изучения донского военного портрета не получили значительного распространения и часто остаются не востребованными в научной практике.

Пожалование в конце XVIII – первой половине XIX в. донским казакам, старшинам, офицерам и генералам чинов и орденов открывало путь к приобретению потомственного дворянства, закреплению его в грамотах и патентах на гербы, а также в визуальной форме – на парадных портретах, подчеркивавших их общественное положение и новый персональный статус.

Донской военный портрет представлен обширными коллекциями в Новочеркасском музее истории донского казачества, Военной галерее Зимнего дворца в Петербурге, Музее лейб-гвардии Казачьего полка в Париже, Старочеркасском историко-архитектурном музее-заповеднике, Музее Отечественной войны 1812 г. в Москве, других государственных и частных собраниях.

Социально-политические процессы и военные события воспроизводились на гербовых портретах¹, это одна из малоизученных страниц российской региональной истории, дворянства и геральдики. По нашему мнению, гербовые портреты являются самостоятельным направлением в составе донского военного портрета, требуют тщательного рассмотрения и разработки методики изучения.

К настоящему времени в Новочеркасском музее истории донского казачества сохранились гербовые портреты войсковых атаманов Донского войска генералов от кавалерии А.И. Иловайского, В.П. Орлова, М.Г. Власова, а также генерал-майора П.М. Грекова и полковника Т.А. Малахова. На портретах изображены первые в роду донские дворяне и их Высочайше утвержденные гербы. Вероятно, гербовых портретов было больше, но они исчезли в войнах и революциях XX в.

Донское казачество активно участвовало во всех войнах России XVIII – начала XX в. Эти события нашли отражение в портретах и гербах донских офицеров и генералов [8].

Из многочисленных изображений генералов и офицеров Донского войска нами выделен гербовый портрет наказного войскового атамана М.Г. Власова. Широко известный, типичный,

Портрет Максима Григорьевича Власова, наказного войскового атамана Донского войска, генерал-лейтенанта.
Художник Е. Казаков. Холст, масло, 73×62 см. Новочеркасский музей истории донского казачества / Portrait of Maxim Grigoryevich Vlasov, Appointed Military Ataman of the Don Army, Lieutenant General. Artist E. Kazakov. Oil, canvas, 73×62 cm. Novocherkassk Museum of the History of the Don Cossacks

¹ К гербовым портретам относятся индивидуальные (в полный рост и поясные) портреты, которые сопровождают дворянские родовые (фамильные) гербы.

тщательно выписанный. Он постоянно репродуцируется в научных сочинениях и средствах массовой информации, посвященных истории донского казачества. Его изучение поможет сформулировать приемы и методы атрибуции, содержания и интерпретации, использовать их для всего донского военного портрета с учетом написания персонажей, окружения и сопровождения.

Наказной войсковой атаман Донского войска генерал от кавалерии М.Г. Власов являлся одним из выдающихся донских военных и политических деятелей. Ему посвящены монографии, статьи, очерки, но его портрет не был предметом самостоятельного научного изучения. М.Г. Власов более 50 лет прослужил в императорской российской армии, прошел путь от рядового казака до генерала от кавалерии. При нем вводилось в жизнь «Положение об управлении Донского Войска» от 26 мая 1835 г. М.Г. Власов последний войсковой атаман в XIX в. – 1917 г. из уроженцев Дона.

М.Г. Власов родился 13 августа 1767 г. в семье обер-офицера в станице Раздорской Первого Донского начальства Земли Донского войска. Кавалер российских императорских орденов и медалей, трижды Золотого наградного оружия с надписью: «За храбрость», иностранных орденов и знаков отличия. Участвовал в подавлении Польских мятежей в 1792–1794 гг. и в 1831 г., наполеоновских кампаниях и русско-турецкой войне начала XIX в., Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. и Втором походе во Францию в 1815 г., Кавказской войне. Наказной войсковой атаман Донского войска 1836–1848 гг. Умер от холеры 21 июня 1848 г. в станице Усть-Медведицкой Усть-Медведицкого округа Земли Донского войска, там же похоронен [9].

Гербовый портрет М.Г. Власова представляет особый интерес, он прижизненный, военный, полупарадный, репрезентативный, поясной, акцентирует внимание на социальном статусе изображенного. Это подчеркивает тщательное написание униформы, орденов и дворянского герба. На портрете отсутствует предметное окружение, характерное для классического парадного портрета, что позволяет говорить о нем, как о событии переходного периода от парадного к камерному. Здесь больше проявляется интерес к самой модели, раскрывается характер, подчеркивается индивидуальность.

Безусловно, главным в композиции является изображение донского атамана. Художник Е. Казаков явно ему польстил. На рубеже 30–40-х гг. XIX в. генерал-лейтенанту М.Г. Власову исполнилось 74–76 лет. На портрете изображен герой 55–60 лет, со шрамом на подбородке от удара саблей, с твердым волевым взглядом, полный сил и энергии, а не «доблестный старец». Так называл его в 1848 г. современник, хорошо знавший донского атамана и неоднократно с ним встречавшийся, император Николай I [10].

Большое влияние на атрибуцию портретов оказывают внешние влияния – общественное мнение, место, время и мастерство профессиональных или любительских художников, униформа, чины, награды, оружие, гербы и т.д. Они не только фиксируют, но и часто меняют художественный образ, неразрывно связывают его с современной культурной и исторической эпохой.

Для понимания атрибуции портрета необходимо показать перемены в униформе Донского войска. 1 января 1827 г. император Николай I приказал иметь при шитых мундирах, виц-мундирах и сюртуках на золотых эполетах серебряные, а на серебряных – золотые кованные звездочки: генерал-майорам – по две; генерал-лейтенантам – по три; генералам от инфантерии, кавалерии, инженер-генералам звездочек иметь не положено; генерал-фельдмаршальским эполетам присвоены два, накрест положенные жезла [11, с. 49–50]. 13 октября 1827 г. в императорской российской армии был введен офицерский эполет с тремя витками и чешуйкой [12, с. 2, рис. 224]. 4 августа 1829 г. повелено иметь офицерам Донского войска чешуйчатые эполеты по образцу эполет легкой кавалерии [13, с. 2]. На эполетах серебряные пуговицы с изображением двуглавого орла, утверждены 29 декабря 1829 г. [11, с. 51].

По «Положению об управлении Донского войска» от 26 мая 1835 г. генералам, штаб- и обер-офицерам приказано иметь мундир утвержденного образца: на воротниках и обшла-

гах петлицы и прочий генеральский и офицерский набор серебряный, в Донской конной артиллерии – золотые [13, с. 3; 14].

В 1837 г. широко праздновался 25-летний юбилей Отечественной войны 1812 г. Император Николай I установил 2 января 1837 г. новый генеральский мундир, сохранив оправдавшие себя изменения предшествовавшего периода, темно-зеленого сукна вместо синего, с генеральским золотым шитьем вместо серебряного. Генералам, уволенным от службы до 2 января 1837 г., разрешалось носить мундир старого образца – синего сукна с серебряным шитьем [13, с. 52–54].

Нововведения затронули и арматюру. 17 декабря 1837 г. офицерские и генеральские эполеты в легких и иррегулярных войсках установлены из плотной шерсти (ткани), в них также добавлен четвертый виток [11, с. 52; 12, рис. 250; 15, с. 10–11, рис. 119, 128, 150].

На портрете генерал-лейтенанта М.Г. Власова изображены старые и новые изменения формы одежды российской армии. Войсковой атаман представлен в парадном генеральском мундире образца 1837–1845 гг., цвет темно-синий (по приборному цвету Донского войска). Впервые приборные цвета Донского войска синий и малиновый (красный) утверждены императрицей Екатериной II в 1774 г. Эти цвета сохранялись в Гатчинской казачьей команде наследника престола цесаревича Павла Петровича [16], а также в гвардии, строевых полевых полках и в быту (за исключением артиллерии с 1816 г.) в последующие царствования российских императоров [17, 18].

Принцип построения мундира М.Г. Власова – казачий, однобортный на петлях и крючках, крой и арматюра близки к мундиру 1814 г. Воротник прямой, подбой и выпушка красная, вдоль которой по всему воротнику серебряный кант (шнур), а также серебряное генеральское шитье в виде дубовых листьев на ветке.

Эполеты генеральские серебряные из плотной шерсти (ткани) с металлической нитью и/или на жестком основании, поле круглое и корешок прямой со скошенными у воротника углами серебряного цвета, подбой красный по приборному цвету Донского войска, пуговицы, крепившиеся через люверсы (специальные отверстия на плече мундира у воротника) эполеты к мундиру 16–18 мм, серебряные с имперским двуглавым орлом, контрпогончик серебряный с красной выпушкой по краям, знаки отличия – три кованные звездочки золотого цвета, означавшие чин генерал-лейтенанта, шейка (ободок) – один толстый между двумя более тонкими витками, всего три витка на правом плече, четыре витка на левом плече, канитель (бахрома) толстая серебряная.

Художник допустил неточность в написании арматюры. На портрете М.Г. Власова разные эполеты – с тремя витками (старого образца, до 1837 г.) на правом плече; нового образца с четырьмя витками – на левом плече. При этом витки на эполетах выходят значительно на поле и корешок. Шейка должна охватывать поле и не иметь завитушек, как на левом эполете.

Важную роль в установлении персонажей, авторов и времени создания портретов играет фалеристика. Расположение орденов, медалей, знаков отличия, орденских звезд и лент, их число, правила награждения и изыятия, ношения устанавливались императором и Кавалерскими орденовыми думами. Старшинство орденов определялось временем учреждения, личными предпочтениями императоров, развитием наградной системы – созданием новых и включением в Капитул Российских императорских и царских орденов иностранных орденов и знаков отличия.

Безусловно, художники стремились наиболее полно отразить заслуги героев, скрупулезно прорисовывали награды, число и размеры, порядок и последовательность размещения звезд и знаков согласно статусу и степени (классности) – старших орденов над младшими, русских – над иностранными, а также орденов лент.

На левой стороне груди, сверху слева от креста Св. Владимира у воротника, над медалями, расположена небольшая прямоугольная серебряная колодка, покрытая темно-красной эмалью в золотом обрамлении, с двумя перекрещенными золотыми саблями острием вниз. Е. Казаков зафиксировал знак кавалера Золотого оружия с надписью: «За

храбрость». Эти несанкционированные властью знаки отличия были распространены в русской армии, особенно после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813–1814 гг. Офицеры и генералы изготавливали золотые сабельки и шпаги на золотых цепочках и носили на Георгиевской ленте в третьей сверху петлице мундира или на левой стороне мундира ниже всех орденов. Награжденные Шведским Королевским орденом Меча носили серебряный меч под российскими наградами. Для кавалеров двух и более пожалований Золотым оружием, а также мундиров казачьего покроя производились знаки, подобные изображенному на портрете генерал-лейтенанта М.Г. Власова.

Вероятны несколько версий датировки портрета. Он был написан во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XIX в., атаман изображен с лентой ордена Св. Благоверного кн. Александра Невского. Об этом также свидетельствует звезда ордена, который пожалован 9 ноября 1831 г., но прежде всего алмазные знаки к нему, полученные 6 декабря 1838 г. По кругу и лучам звезды размещались бриллианты, что художник и написал на портрете. Знак ордена (крест), украшенный бриллиантами, носился на ленте у бедра, но так как портрет поясной, он не помещен. Дополнительным аргументом в пользу указанной даты является орден и звезда Прусского королевского Красного Орла 1-й степени, пожалованные в 1835 г. В этой связи можно предполагать, что герб является «Медальонной вставкой» позднего времени.

Император Александр I восстановил 12 декабря 1801 г. статут орденов Св. Великомученика и Победоносца Георгия и Св. Равноапостольного кн. Владимира во всей полноте и содержании [19], а также определил старшинство и очередность собраний Кавалерских дум, после Георгиевской следовала Владимирская [20]. Они действовали с небольшими дополнениями до 1845 г., до принятия нового статута орденов.

Орден Св. Равноапостольного кн. Владимира 1-й степени Большого креста пожалован М.Г. Власову 16 апреля 1841 г. Согласно статуту, знак ордена носился на трехцветной шелковой ленте (о трех полосах равной ширины, крайние – черные, средняя – красная) на мундире через правое плечо. Она надевалась в день Орденского праздника 22 сентября и при Высочайших смотрах, при наличии старших орденов младшие ленты орденов не надевались [21].

При отсутствии ордена Св. Владимира 1-й степени кавалер носил на шее на ленте ордена шириной $1\frac{1}{4}$ вершка знак 2-й степени ниже ордена Св. Георгия. До 1845 г. звезда ордена следовала по мере убывания старшинства за звездами орденов Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Георгия 1-го и 2-го класса, далее Св. Владимира 1-й степени, Св. Александра Невского, Белого Орла, и т.д. Звезда ордена Св. Владимира 2-й степени располагалась ниже звезды ордена Св. Александра Невского. Лента к ордену Св. Владимира 2-й степени не предусматривалась [22].

Можно полагать, что на портрете – знак ордена Св. Владимира 2-й степени, пожалованный в 1813 г., и звезда к ордену, расположенная под звездой ордена Св. Александра Невского. Крест ордена Св. Владимира 2-й степени никогда не снимался даже при старших орденах. Такая последовательность знаков и звезд орденов позволяет считать, что портрет М.Г. Власова написан до пожалования донскому атаману ордена Св. Владимира 1-й степени, т.е. до 16 апреля 1841 г.

Особо следует сказать о престиже ордена Св. Владимира. Эпоха 1812 г. высоко подняла его достоинство и значение в обществе, он не уступал по авторитету ордену Св. Георгия. Многие офицеры, в том числе казаки, отказывались от Св. Георгия 4-го класса в пользу Св. Владимира 4-й степени, особенно с бантом. Это пожалование сразу предоставляло права потомственного дворянства.

Чин и герб войскового атамана дают возможность предположить иное время появления портрета. М.Г. Власов изображен в чине генерал-лейтенанта. Если исключить вариант с «медальонной вставкой», то можно утверждать, что портрет войскового атамана М.Г. Власова создан в марте – ноябре 1843 г., т.е. после приобретения прав и привилегий высшего сословия и дворянского герба (патент 13.03.1843 г. – в чине генерал-лейтенанта), но до чи-

на генерала от кавалерии (10.10.1843 г.). Художник отразил дворянский герб и не упустил бы запечатлеть такое важное событие, как пожалование чина генерала от кавалерии.

На правой стороне груди – звезда ордена Св. Анны 1-й степени с императорской короной; на левой – сверху вниз звезды Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени (?), Прусского королевского Красного Орла 1-й степени. Если портрет написан в 1843 г., то, безусловно, это звезда Св. Владимира 1-й степени, хотя, она и расположена не по правилам.

На шее на лентах орденов кресты орденов Св. Георгия 3-го класса, Св. Владимира 2-й степени, Св. Анны 1-й степени с императорской короной, Прусского королевского Красного Орла 1-й степени, Прусского королевского *Pour le Mérite* (За заслуги), Шведского королевского ордена Меча, Польский Знак отличия ордена Военного достоинства 2-го класса (*VIRTUTI MILITARI*). Вверху левого плеча на колодке медали – серебряная «В память Отечественной войны 1812 года», дворянская бронзовая – участника Отечественной войны 1812 года, серебряная – «За Турецкую войну. 1828. 1829», серебряная – «За взятие приступом Варшавы 25 и 26 авг. 1831».

В отличие от формулярных списков, в которых тщательно учитывались чинопроизводство, все виды пожалований, взысканий и отпусков, на военных портретах художники стремились запечатлеть главные награды и изменения, действовавшие в это время в Российской империи. В частности, при наличии старших в иерархии орденов одного вида младшие не указывались. Это касается и орденских лент, надевалась на мундир лента старшего ордена в иерархии императорских наград, о других свидетельствовали знаки и звезды ордена. На портрете М.Г. Власова отсутствуют знаки орденов Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-го класса (который никогда не должен сниматься с мундира), Св. Александра Невского, украшенного бриллиантами, Св. Владимира 4-й степени с бантом (носился постоянно), 3-й и 1-й степеней, Св. Анны 2-й с алмазами и 3-й степеней, Прусского королевского Красного Орла 2-й степени, Знак Отличия беспорочной службы «XL» лет в офицерских чинах на Георгиевской ленте (носился постоянно). Согласно действовавшим правилам, при пожаловании старших орденов младшие отсылались в Капитул Российских императорских и царских орденов, также все знаки ордена и звезды по смерти владельца.

К числу боевых наград М.Г. Власова следует отнести Георгиевское (белое) знамя с надписью: «За отличную храбрость и поражение неприятеля в Отечественную войну 1812 года», пожалованное его полку 8 октября 1813 г. [23, с. 320, 329, 344–346, 355].

Каждая награда, прописанная или не помещенная на портрете, имеет свою богатую историю блистательных военных побед и успехов на государственном поприще. Они формируют визуальный образ наказного войскового атамана как героя многочисленных сражений и авторитетного администратора [24].

Для атрибуции портретов широко используются приемы и методы геральдики. Герб, его форма, содержание и символика позволяют уточнить дату пожалования, время и написанного персонажа, автора портрета.

Герб Максима Григорьевича Власова, генерал-лейтенанта, наказного войскового атамана Донского войска. Цветная реконструкция А.И. Агафонова / Coat of arms of Maxim Grigoryevich Vlasov, Lieutenant General, Appointed Military Ataman of the Don Army. Color reconstruction by A.I. Agafonov

Некоторые награды М.Г. Власова запечатлены в его дворянском родовом гербе, они играют важную роль в атрибуции портретов. В сочинении сотника В.В. Пузанова приводится полная грамота императора Николая I от 13 марта 1843 г. на пожалование прав и привилегий высшего сословия Российской империи генерал-лейтенанту М.Г. Власову и его дворянский герб [23, с. 40–44].

«Щит пересечен горизонтально на две части: в верхней, в голубом поле, крестообразно две сабли и Георгиевское знамя, а во второй, в серебряном поле, скачущий в правую сторону казак, с поднятой вверх булавой. Щит увенчан дворянским шлемом и короной с тремя страусовыми перьями. Намет на щите голубой, подложен серебром» [25].

Дворянский герб М.Г. Власова отличается по форме от классического русского герба, утвержденного императором Павлом I. Его фигура «немецкая» и относится к 40-м гг. XIX в., что является важным атрибутивным признаком. Она характеризует поиски наиболее универсального и красивого внешнего вида русского герба, которые проводились в Герольдии Правительствующего Сената.

Е. Казаков видел грамоту и дворянский герб М.Г. Власова и разместил его на портрете. Если бы портрет был написан позже 1843 г., художник внес бы исправления на эполетах, изобразил атамана в чине генерала от кавалерии, а также исправил ошибку и разместил звезду ордена Св. Владимира 1-й степени, пожалованную 16 апреля 1841 г. Данная последовательность изображения орденских звезд отодвигает написание портрета М.Г. Власова на 1840 – до апреля 1841 г. Но, вероятнее всего, художник знал о пожаловании М.Г. Власову ордена Св. Владимира 1-й степени, но разместил его по старшинству учреждения, после Св. Александра Невского. Тогда дата написания портрета 1843 г.

В сочинении В.В. Пузанова (1913 г.) предлагаются две версии герба, первая, при грамоте на дворянство императора Николая I генерал-лейтенанту М.Г. Власову [23, с. 43]. Он повторяет герб, написанный на портрете, что также предполагает знакомство писателя с оригиналом грамоты и герба. Вторая, герб на обложке книги, на наш взгляд, авторский вариант. Безусловно, к началу XX в. в российском гербоведении прочно утвердилась французская форма герба. Герб помещен на звезде ордена Св. Александра Невского, форма французская, верхнее поле – синее, нижнее – красное, приборных цветов Донского войска.

Герб Максима Григорьевича Власова. Книжная версия
 В.В. Пузанова / Coat of arms
 of Maxim Grigoryevich Vlasov.
 Book version by V.V. Puzanov

Дворянский шлем повернут вправо (в геральдическую сторону), что отличало гербообладателя от старинных дворянских родов, подчеркивало приобретение прав и привилегий высшего сословия Российской империи через Высочайшее пожалование, по чину, ордену и т.д. Нашлемник и намет – золотые, поднимающие статус герба и положение обладателя в обществе.

Известно, что построение гербов в Герольдии Сената происходило на основе формулярных и послужных списков, биографий героев, очевидцев событий, свидетельств современников, других документов. Герольдия выделяла для составления герба наиболее яркие события в жизни соискателя дворянства, облакала их в геральдические и негеральдические символы. Гербы донских генералов и офицеров создавались в конце XVIII – начале XX в. в русле русского герботворчества, несли его характерные черты. Гербы донского дворянства получены преимущественно «по заслугам» – по чину и наградам. К ним относится и герб М.Г. Власова.

Голубой (синий) и серебряный цвета, использованные в гербе наказного войскового атамана, доминировали не случайно. Геральдические цвета выполняли

опознавательные и информационные функции. Специалисты в области геральдики видели в красках не только их назначение, но и факты биографии гербообладателя.

В геральдике голубой цвет олицетворяет преданность, верность, справедливость, настойчивость и упорство, любовь к Родине, гордость и славу. Серебряный цвет – символ чистоты, благородства, правдивости и невинности [26].

В 1826–1830 гг. производилось следствие по делу генерал-майора М.Г. Власова по доносу коллежского советника де-Скасси. Он обвинялся в разорении мирных аулов при подавлении нападений и выступлений натухайцев против черноморских казаков. Трехлетнее следствие закончилось судом, который всецело оправдал генерал-майора М.Г. Власова. Император Николай I выразил ему полное доверие, назначил исполнять обязанности наказного войскового атамана во время отсутствия войскового атамана Д.Е. Кутейникова, приказал зачесть в службу все время, проведенное под следствием и судом [23, с. 17–22].

В российской геральдике являются наиболее распространенными предметы военного быта. Они относятся к искусственным фигурам, которые нашли отражение в гербе М.Г. Власова. В верхнем голубом поле – две накрест острием вверх с золотыми эфесами казацкие сабли, положенные на Георгиевское белое знамя образца 1813–1814 гг. Таким образом в гербе закреплялись и подчеркивались личные боевые заслуги М.Г. Власова и его полка.

В нижней серебряной части казак в мундире Атаманского полка с булавой в правой руке, скачущий в правую геральдическую сторону, означал принадлежность героя к Донскому войску.

Дворянский шлем – в анфас с шестью решетками, увенчанный древней царской короной о пяти зубцах (перлах). Нашлемник состоит из трех страусовых перьев синего цвета. Намет синий, подложенный серебром.

Фактически дворянский герб независимо и в совокупности с другим сопровождением – униформа, арматура, ордена и знаки отличия – позволяет установить владельца и его общественный статус, а также место среди гербообладателей, указать его принадлежность к определенной военной, статской или сословной группе, заслуги перед императором и государством.

Таким образом, донской военный портрет – самостоятельное направление в российской живописи, сложившееся в конце XVIII – первой половине XIX в., на основе сословных казачьих интересов, имеющее общие политические, этнические и социальные корни, географически привязанные к Донской земле.

Донской военный портрет относится к массовым источникам, особому виду источниковой базы, для исследования которой широко используются не только общенсторические, но и специальные методы анализа, в частности фалеристики, геральдики, генеалогии, просопографии и других вспомогательных исторических дисциплин.

Портрет наказного войскового атамана генерал-лейтенанта М.Г. Власова написан в начале 40-х гг. XIX в. художником Е. Казаковым, что подтверждается тщательными исследованиями униформологии, фалеристики, геральдики и генеалогии. Предложенный историко-предметный метод атрибуции военного портрета будет широко использоваться при аналогичных изысканиях донской и российской портретной живописи XVIII – XX вв., практической деятельности историков, реставраторов и музейных сотрудников.

Донской военный портрет XIX – начала XX в., в том числе гербовый, может быть предметом самостоятельных просопографических исследований.

Список источников

1. Бондарева Н.А. Дон и Петербургская Академия художеств // Возрождение казачества: история и современность : материалы V Всерос. (междунар.) науч. конф. 2-е изд., испр. и доп. Новочеркасск, 1995. С. 127–131.

2. Бондарева Н.А. Донской портрет XVIII – первой половины XIX века в контексте восточно-европейского провинциального портрета этого периода : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб., 1996. 17 с.
3. Бондарева Н.А. История коллекционирования портретной живописи на Дону и перспективы ее экспонирования // Новое искусствознание. История, теория и философия искусства. 2020. № 2. С. 93–101.
4. Гуржиева И.П., Соколенко М.Е. Донской портрет XVIII века. Из собраний Новочеркасского и Старочеркасского музеев Ростовской области // Музей. 1988. Вып. 9. С. 87–101.
5. Карев А.А. Донской портрет в русской художественной культуре XVIII века «Рыцарский дискурс» // Труды ист. фак-та С.-Петербургского ун-та. 2014. № 20. С. 136–151.
6. Коновалова А.А. Донской портрет XVIII века: условия возникновения и развития на примере портретной галереи Ефремовых // UNIVERSUM. 2017. № 5 (39). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788> (дата обращения: 03.01.2022).
7. Кибовский А.В. Портреты гвардейских казаков (атрибуция двух портретов из иностранных собраний) // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы VII Всерос. науч. конф. Бородино, 1999. С. 88–97.
8. Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах... (Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX в.). 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Омега Пабlishер, 2013. 465 с.
9. Агафонов А.И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. 2-е изд. Ростов н/Д. : Омега Пабlishер, 2012. С. 168–171.
10. Донцы XIX века: биографии и материалы для биографий Донских деятелей на поприще службы военной, гражданской и общественной, а также в области наук, искусств, литературы и проч. Новочеркасск : Обл. Войска Дон. тип., 1907. С. 78.
11. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 27. СПб. : Военная типография, 1862. 178 с.
12. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 21. СПб. : Военная типография, 1861. 281 с.
13. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 29. СПб. : Военная типография, 1862. 260 с.
14. Полное собрание законов Российской империи (II ПСЗ). СПб. : Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1835. Т. 10, № 8163. С. 474; Ч. 2 : Штаты и табели. С. 239.
15. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 20. СПб. : Военная типография, 1861. 224 с.
16. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 6. СПб. : Военная типография, 1847. С. 30, 143.
17. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 15. СПб. : Военная типография, 1858. С. 55–62.
18. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, составленное по Высочайшему повелению. Ч. 18. СПб. : Военная типография, 1860. С. 1–8.
19. Полное собрание законов Российской империи (I ПСЗ). СПб. : Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 26, № 20074. С. 860–862.
20. I ПСЗ. 1830. Т. 33. № 26511. С. 1084.
21. I ПСЗ. 1830. Т. 21. № 15515. С. 671–675.
22. II ПСЗ. 1845. Т. 20, ч. 1, № 19227. С. 553–554.
23. Пузанов В.В. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка. Саратов : Тип. П.С. Фиокритова, 1913. 690 с.
24. Список генералам по старшинству. СПб. : Военная типография, 1840. 95 с.
25. Сборник дипломных гербов Российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник. Ч. 3, № 52.
26. Лакиер А.Б. Русская геральдика. Кн. 1. СПб. : Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1855. С. 45–47.

References

1. Bondareva N.A. Don and the St. Petersburg Academy of Arts. *The Revival of the Cossacks: history and modernity. Collection of articles for the V All-Russian (International) Scientific Conference*. 2nd edition, cor. and add. Novocherkassk, 1995:127-131. (In Russ.).
2. Bondareva N.A. *The Don portrait of the 18th - first half of the 19th century in the context of the Eastern European provincial portrait of this period*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 1996. 17 p. (In Russ.).
3. Bondareva N.A. The history of collecting portrait painting on the Don and the prospects of its exposure. *Novoe iskusstvoznaniye. Istoriya, teoriya i filosofiya iskusstva = New Art Studies. History, Theory and Philosophy of Art*. 2020;(2):93-101. (In Russ.).
4. Gurzhieva I.P., Sokolenko M.E. Don portrait of the 18th century. From the collections of the Novocherkassk and Starocherkassk museums of the Rostov region. *Muzei = Museum*. 1988;(9):87-101. (In Russ.).
5. Karev A.A. Don portrait in Russian artistic culture of the 18th century "Knight's discourse". *Trudy ist. fak-ta S.-Peterburgskogo un-ta = Works of the Historical Faculty of St. Petersburg University*. 2014;(20):136-151. (In Russ.).
6. Konovalova A.A. Don portrait of the 18th century: conditions of origin and development on the example of the portrait gallery of the Yefremovs. *UNIVERSUM*. 2017;(5). Available from: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/4788> [Accessed 3rd January 2022]. (In Russ.).
7. Kibovsky A.B. Portraits of Guards Cossacks (attribution of two portraits from foreign collections). *Patriotic War of 1812. Sources. Monuments. Problems*. Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference. Borodino, 1999:88-97. (In Russ.).
8. Agafonov A.I. *Don Cossacks. Chest in crosses... (From the history of awards, awarding and insignia of the Don Cossacks. 16th - early 20th century)*. 2nd ed. and augmented. Rostov-on-Don: Omega Publisher Publ.; 2013. 465 p. (In Russ.).
9. Agafonov A.I. *Don generals in the Military Gallery of the Winter Palace*. 2nd ed. Rostov-on-Don: Omega Publisher Publ.; 2012:168-171. (In Russ.).
10. *Don people of the 19th century: biographies and materials for biographies of Don figures in the field of military, civil and public service, as well as in the field of sciences, arts, literature, etc.* Novocherkassk: Regional Don Army Publ.; 1907:78. (In Russ.).
11. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. Part 27. St. Petersburg: Military Printing House; 1862. 178 p. (In Russ.).
12. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. Part 21. St. Petersburg: Military Printing House; 1861. 281 p. (In Russ.).
13. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. Part 29. St. Petersburg: Military Printing House; 1862. 260 p. (In Russ.).
14. *The complete collection of laws of the Russian Empire (The second collection)*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1835;10(8163):474. Part 2. Registers and time-sheets:239. (In Russ.).
15. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. Part 20. St. Petersburg: Military Printing House; 1861. 224 p. (In Russ.).
16. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. Part 6. St. Petersburg: Military Printing House; 1847:30, 143. (In Russ.).
17. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. Part 15. St. Petersburg: Military Printing House; 1858:55-62. (In Russ.).
18. Viskovatov A.V. *Historical description of the clothing and weapons of the Russian troops, compiled by the Highest command*. Part 18. St. Petersburg: Military Printing House; 1860:1-8. (In Russ.).
19. *The complete collection of laws of the Russian Empire (The first collection)*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1830;26(20074):860-862. (In Russ.).
20. *The complete collection of laws of the Russian Empire (The first collection)*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1830;33(26511):1084. (In Russ.).

21. *The complete collection of laws of the Russian Empire (The first collection)*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1830:21(15515):671-675. (In Russ.).
22. *The complete collection of laws of the Russian Empire (The second collection)*. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1845:20,1(19227):553-554. (In Russ.).
23. Puzanov V.V. *History of the 5th Don Cossack military ataman Vlasov regiment*. Saratov: Printing House of P.S. Fiokritov; 1913. 690 p. (In Russ.).
24. *The list of generals by seniority*. St. Petersburg: Military Printing House; 1840. 95 p. (In Russ.).
25. *Collection of diploma coats of arms of the Russian nobility, not included in the General coat of arms*. Part 3, No. 52. (In Russ.).
26. Lakier A.B. *Russian heraldry*. Book 1. St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Its Own E.I.V. Chancellery; 1855:45-47. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Агафонов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, факультет медиакоммуникаций и мультимедийных технологий.

Information about the author

A.I. Agafonov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of History and Cultural Studies, Faculty of Media Communications and Multimedia Technologies.

Статья поступила в редакцию 24.01.2022; одобрена после рецензирования 15.02.2022; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 24.01.2022; approved after reviewing 15.02.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 930(47)

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-45-57

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ 1991–2020 ГОДОВ

Маргарита Александровна Белоусова¹, Владимир Павлович Подольников^{2✉}

¹ Московский государственный университет, Москва, Россия

² Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ nat73-gtd@yandex.ru

² podolnikov@list.ru ✉

Аннотация. Исследуются политические отношения Российской Федерации и Японии в постсоветский период 1991–2020 гг. Анализируются проблемы сотрудничества, их причины, сущность и попытки разрешения.

Подчеркивается роль личности политических лидеров, возглавлявших оба государства на протяжении исследуемого периода, и рассматриваются конкретные эпизоды успешного или неудачного межличностного диалога. Раскрываются побудительные мотивы обеих сторон к налаживанию двусторонних отношений в политической плоскости и конкретные причины, препятствующие реализации этой задачи. Проводится анализ официальных документов («Дипломатическая Синяя книга», материалы сайтов МИД) печатных средств массовой информации Японии («Санкэй Симбун» и «Ёмиури Симбун»), а также российских новостных агентств (РИА «Новости», «Коммерсантъ», «Комсомольская правда»...) для создания более полной картины рассматриваемых событий и выявления четкой позиции сторон. Делается вывод о стагнации политических отношений ввиду отсутствия прогресса по основополагающим для двух стран вопросам: подписания мирного договора и решения вопроса о спорных территориях.

Ключевые слова: Россия, Япония, двусторонние отношения, дипломатия, курильский вопрос, мирный договор, региональное сотрудничество, США

Для цитирования: Белоусова М.А., Подольников В.П. Проблемы российско-японских политических отношений 1991–2020 годов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 45–57.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PROBLEMS OF RUSSIAN-JAPANESE POLITICAL RELATIONS 1991-2020

Margarita A. Belousova¹, Vladimir P. Podolnikov^{2✉}

¹ Moscow State University, Moscow, Russia

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ nat73-gtd@yandex.ru

² podolnikov@list.ru ✉

Abstract. The article examines the political relations between the Russian Federation and Japan in the post-Soviet period 1991-2020. The problems of cooperation, their causes, essence and at-

© Белоусова М.А., Подольников В.П., 2022

tempts to resolve are analyzed. The author emphasizes the significant role of the political leaders personality who headed both states during the period under study and examines specific episodes of successful and, on the contrary, unsuccessful interpersonal dialogue. The author reveals the incentives of both parties to establish bilateral relations in the political plane and specific reasons that impede the implementation of this task. The analysis of official documents ("Diplomatic Blue Book", materials of the websites of the Ministry of Foreign Affairs) of the print media of Japan ("Sankei Shimbun" and "Yomiuri Shimbun"), as well as Russian news agencies (RIA "Novosti", "Kommer-sant", "Komsomolskaya Pravda"...) to create a more complete picture of the events in question and to identify a clear position of the parties is implemented. The conclusion about the stagnation of political relations due to the lack of progress on the fundamental issues for the two countries: signing a peace treaty and resolving the issue of disputed territories is made.

Keywords: Russia, Japan, bilateral relations, diplomacy, Kuril issue, peace treaty, regional co-operation, USA

For citation: Belousova M.A., Podolnikov V.P. Problems of Russian-Japanese Political Relations 1991-2020. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):45-57. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

С приходом в начале 90-х гг. XX в. на мировую политическую арену молодого актора в лице Российской Федерации, отрекшейся от идеологии коммунизма, вставшей на путь построения демократического государства и проведения рыночных реформ, отвечающим интересам коллективного Запада, полностью изменился имидж России, вследствие чего активизировались политические отношения с капиталистическим миром, частью которого является Япония. Однако несмотря на заметное потепление, обусловленное в первую очередь завершением «холодной войны» и исчезновением идеологического фактора, процесс выстраивания взаимоотношений в политическом аспекте между странами шёл крайне медленно. Ни одна встреча на высшем уровне представителей двух государств не обходилась без обсуждения подписания мирного договора, которое, в свою очередь, по настоянию японской стороны могло быть достигнуто лишь в случае разрешения территориального вопроса в свою пользу [1].

В свою очередь, в Российском Правительстве отсутствовало единое мнение относительно дальнейшей судьбы Курильских островов. Так, А.В. Козырев, возглавлявший российский МИД с 1990 по 1996 г., руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности принципом «у России нет национальных интересов, а есть только общечеловеческие интересы» [2], настаивал на удовлетворении территориальных претензий японской стороны, называя этот шаг необходимой жертвой для налаживания отношений с Японией и получения необходимой российской экономике материальной помощи [3, с. 408, 409]. В то же время представители «старой гвардии», оставшиеся в правительстве с советского периода, в большинстве своем настаивали на невозможности передачи территории Российской Федерации, расценивая противоположную точку зрения как политическую слабость и не желая появления опасного прецедента [4, с. 655].

Отсутствие согласованной позиции в правящих кругах и официального заявления президента Российской Федерации породило огромное количество слухов как в российском, так и в японском обществе относительно готовящейся передачи Южных Курильских островов в распоряжение Японии, что активно подогревалось и средствами массовой информации [5]. В связи с этим в 1991 г. 52 народных депутатов РФ отправили открытое письмо Борису Ельцину, в котором предостерегали его от «крайне опасных для России интриг кучки ближайших советников», призывали к «государственной мудрости и патриотическому долгу избранного народом президента» и настаивали на том, что в случае удовлетворения претензий Японии «Китай опять заявит о претензиях на Приамурье, ... Эстония и Латвия –

на обширные районы Псковской области, ... Финляндия – на Карелию» [6, с. 29]. Данное письмо сыграло крайне важную роль в судьбе оспариваемых территорий, поскольку спустя несколько дней после его получения президент Ельцин отложил свой предстоящий визит в Токио, несмотря на то, что «с точки зрения наполнения портфеля документами, к визиту практически все было готово» [7]. Несмотря на то, что, согласно официальному заявлению руководителя Администрации Президента РФ Ю. Петрова, поездка была отложена по причине недоработки блока экономических предложений, Российской общественностью подобный шаг был воспринят как однозначное подтверждение наличия тайного плана передачи или продажи российских островов [8].

Однако более детальный анализ ситуации позволяет сделать вывод, что основная причина срыва визита президента в Страну восходящего солнца заключается в чрезмерном давлении с японской стороны, которая осознавала политическую и экономическую слабость молодого Российского государства и пыталась продать «территориальный вопрос». Незадолго до официального заявления о переносе поездки, в сентябре 1992 г. в Кремль прибыл глава японского МИДа Ватанабэ Мичио [9], который представил российскому руководству готовый план по передаче Японии четырех островов, с прописанными суммами компенсации и стоимости имущества жителей Курил [10, с. 75]. Эта попытка диктата собственных условий была крайне негативно воспринята российским Правительством, что и привело к срыву визита российского президента [11, с. 351].

В контексте этой непростой ситуации крайне важным шагом стало подписание в октябре 1993 г. Токийской декларации [12] – первого документа, определяющего основы российско-японских отношений в постсоветскую эпоху. Особый акцент делался на «укреплении мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая аспекты обеспечения безопасности». Именно этот документ стал спусковым механизмом, активизировавшим двусторонние отношения [13]. Но несмотря на громкие слова российской либерально настроенной общественности по поводу «исторического поворота во внешней политике» и «невиданного за всю послевоенную историю прорыва в российско-японских отношениях», отношения политического характера часто натывались на серьезнейшее препятствие в виде вопроса «Северных территорий», вследствие чего отодвигались Токио на второй и даже третий план. Вопросы же экономического характера, напротив, находились в приоритетном положении. Однако вопреки ожиданиям и пожеланиям Б. Ельцина японской стороне «пощупать и употребить Россию», японский бизнес в начале 90-х проявлял крайнюю степень настороженности по отношению к молодой, только формирующейся рыночной экономике, предпочитая в большинстве своем избегать демократическую Россию с ее «либеральной неразберихой в экономике» [14].

В последующие годы вплоть до начала XXI в. российской дипломатии так и не удалось достичь прорыва в политическом аспекте двусторонних отношений с островным соседом: ввиду нестабильного состояния национальной экономики основной целью России по-прежнему являлось привлечение японского капитала и инвестиций в страну, что прекрасно осознавалось Токио и мотивировало его продолжать настаивать на передаче «исконно японских территорий» [15].

Неоднократно российским руководством предпринимались попытки разорвать этот «порочный круг». Так, например, 1 ноября 1997 г. в резиденции губернатора Красноярского края «Сосна» в Красноярске состоялась неформальная встреча «без галстуков» между премьер-министром Японии Рютаро Хасимото и президентом Ельциным. В дальнейшем, уже бывший президент Ельцин весьма подробно описал эту встречу в своей автобиографии, очень четко осознавая тушниковость сложившейся ситуации: «Мне и Хасимото ситуация была совершенно понятна. Без мирного договора наши страны существовать больше не могут. Но для любого японца эта проблема увязана с вопросом о “северных территориях”. В этом вопросе японцы пойти на уступки не могут. Но и мы не можем пойти на уступки, поскольку территориальная целостность России – в основе Конституции» [16, с. 206].

Так и не придя к общему знаменателю касательно будущего островов, стороны тем не менее в очередной раз затронули тему подписания мирного договора, который планировали заключить не позднее 2000 г. [16, с. 209]. Однако на текущий момент времени (2020 г.) мирный договор между двумя державами так и не был подписан.

Свое продолжение «встреча без галстуков» получила в апреле 1998 г., на этот раз на японской территории – в Сидзуока. В ходе пресс-конференции, традиционно следовавшей за переговорами, российский президент заявил о том, что «друг Рю» поделился с ним «интересным предложением, которое требует серьезных размышлений». Позднее в японских газетах со ссылкой на источник в МИДе была опубликована информация, согласно которой «интересное предложение» заключалось в разрешении территориального спора посредством проведения границы севернее Итурупа, Кунашира, Шикотана и Хабомаи с сохранением административных прав за Россией. Эта новость была с восторгом воспринята японским обществом и истеблишментом, что вылилось в массовые шествия с транспарантами, на которых были написаны приветственные лозунги [17]. Однако в будущем этот план так и не был реализован ввиду негативных политико-экономических процессов, возникших в конце 90-х в обоих государствах. Так, через три месяца из-за ряда неудач в реализации экономических реформ «друг Рю» проиграл парламентские выборы [18]. Обстановка в России также серьезно ухудшилась: после дефолта и экономического кризиса 1998 г. правительство Е.М. Примакова не могло идти на такой рискованный шаг, как передача части Российской Федерации другому государству. В ноябре того же года новый глава японского правительства Кэйдзо Обути, приехавший в Россию, потребовал ответить на предложение, озвученное ранее в Сидзуоке, однако российские власти сделали единственно верное в такой ситуации решение – отказалась признать его [19].

Конец XX в. был ознаменован еще одной попыткой перезапуска двусторонних отношений. 12 мая 2000 г. в японском Саппоро прошел симпозиум международного уровня под названием «Новая эпоха российско-японских отношений». В ходе этого мероприятия предполагалась разработка новой идеологии российско-японских отношений, которая заключалась в официальном признании друг друга в качестве стратегических партнеров, что, по мнению лидеров стран, должно было существенно облегчить путь к разрешению давнего территориального спора и, следовательно, к подписанию мирного договора. Кроме этого японской стороной был выдвинут обновленный план по совместному управлению Южными Курилами. Однако позже Москва и Токио пришли к мнению, что оба государства еще не готовы к осуществлению такого важного шага ввиду отсутствия необходимого уровня доверия [20].

В том же году В.В. Путин и премьер-министр Японии Ёсиро Мори подписали «Совместное заявление о взаимодействии Российской Федерации и Японии в международных делах» [21]. Это была первая встреча нового главы российского государства и японского премьер-министра, из-за чего на нее возлагались особые надежды. Политические элиты обеих стран предполагали, что со сменой лидеров российско-японские отношения пойдут по принципиально новому, более благоприятному вектору.

Вновь о возможном потеплении заговорили после очередной рабочей встречи президента Путина с японским коллегой Мори, которая состоялась 25 марта 2001 г. в Иркутске. Стоит отметить, что переговоры действительно проходили в максимально дружественной обстановке. В самом начале встречи японский премьер-министр выразил «глубочайшие соболезнования» в связи с рядом террористических актов на Северном Кавказе и недавним угоном российского самолета. В свою очередь, российский лидер после окончания переговоров отправился вместе с Ёсиро Мори почтить память его отца Сигэки Мори, чьей последней волей была просьба похоронить часть его праха в России [22].

Следующая встреча нашего президента и японского лидера в лице нового премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми состоялась 21 октября 2001 г. в Шанхае в рамках форума АТЭС. Через год, 27 июня 2002 г., встреча повторилась в Кананаскисе в рамках саммита «восьмерки» [23].

На обеих встречах лидеры стран ограничились лишь заявлением о том, что они будут прилагать максимальные усилия для того, чтобы развитие двусторонних отношений активно развивалось по всем направлениям [24].

10 января 2003 г. Дзюньитиро Коидзуми осуществил свой первый визит в Россию, планируя подписание масштабного документа, который «подытоживает все то, что до сих пор удалось достичь во всех сферах двустороннего сотрудничества, и определяет его дальнейшие направления». Таким образом, документ затрагивал сразу несколько сфер сотрудничества: политики, торговли, безопасности, науки, культуры, экологии и, что особенно важно, – заключение мирного договора. За этими переговорами российская общественность следила с особым волнением, поскольку накануне визита японский премьер сделал заявление о том, что «твердо намерен поставить точку в вопросе о северных территориях» [25].

В этом же году состоялся саммит АТЭС в Бангкоке, принявший решение о формировании так называемого «Совета мудрецов», в который должны войти как специалисты по российско-японским отношениям, так и деятели искусства, культуры и науки. Эта первая в дипломатической практике двух государств подобная группа специалистов создана с целью найти способ подписать мирный договор. При этом сразу же было обговорено главное условие функционирования группы – невмешательство в ее работу государственных органов [26].

Стоит отметить, что деятельность «Совета мудрецов», существовавшего на протяжении четырех лет, не принесла никаких плодов. «Мудрецы» так и не смогли выработать стратегию по разрешению проблемы номер один – территориальному спору. В итоге сопредседатель японского правительства Ёсиро Мори сообщил о самороспуске «Совета» ввиду отсутствия позитивных сдвигов по ряду важнейших вопросов [27]. Полное отсутствие прогресса в достижении компромисса было косвенно подтверждено и президентом Путиным, который в ходе своей «Прямой линии» в 2005 г. в ответ на вопрос по данной тематике заявил: «Четыре острова находятся под суверенитетом Российской Федерации, это закреплено международным правом, это результат Второй мировой войны, и вот в этой части мы ничего не собираемся обсуждать» [28].

В целом, проанализировав ряд встреч и взаимных визитов, проходящих на регулярной основе, можно сделать вывод, что в первое десятилетие XXI в., несмотря на постоянные заявления о необходимости проведения политического диалога, во время контактов официальных представителей Москвы и Токио обсуждались три вопроса, являющиеся основополагающими для двусторонних отношений России и Японии: заключение мирного договора, урегулирование курильского вопроса и торгово-экономическое сотрудничество [29].

Эту тенденцию старался изменить Синдзо Абэ, занявший пост премьер-министра Японии в 2012 г. и провозгласивший стремление его кабинета к активизации политических отношений с Россией, куда он прибыл с официальным визитом уже в апреле 2013 г. Этот визит и последующие переговоры с В. Путиным имеют принципиальное отличие от всех предыдущих: на них не обсуждалась территориальная проблема [30]. Несмотря на положительную оценку переговоров со стороны японского и российского лидеров, они вызвали неоднозначную реакцию – уже на следующий день крупнейшие японские газеты критиковали Абэ за отход от традиционной политики Японии. Так, например, консервативная газета «Санкэй Синбун» писала: «Территория государства – это не то, чем можно делиться. Нет ни одной причины, по которой Япония должна уступать. Поэтому премьер-министр Абэ обязан отстаивать принципиальную позицию – заключение мирного договора возможно только после решения проблемы принадлежности четырех островов» [30]. В то же время противники данной позиции также остались недовольны переговорами, обвинив японского премьер-министра в «лицемерном заискивании», суть которого кроется в «экономическом задабривании» России и попытке ее подкупа при помощи инвестиций. Подтверждение этой позиции ее сторонники видят в самом составе японской делегации – 120 представителей японского бизнеса [31].

Перелом двусторонних отношений произошел в 2014 г. – события на Востоке Украины и в Крыму крайне отрицательно сказались на политических отношениях двух стран. Произошел срыв нескольких официальных визитов, запланированных ранее: поездка главы МИДа в Россию, визит президента Путина в Токио и встреча заместителей министров иностранных дел, в ходе которой планировалось обсуждение мирного договора [32].

Сильный удар также нанесли антироссийские санкции Запада, к которым присоединился Токио. Москва мгновенно ввела ответные санкции, а вскоре и президент России выразил недовольство по поводу санкционной политики Японии и четко дал понять, что не намерен при таких условиях вести переговоры по островам [33]. Очередной удар по двусторонним отношениям последовал уже со стороны Российской Федерации в лице премьер-министра Д. Медведева, который в августе 2015 г. совершил визит на один из «спорных» островов – Итуруп. Эта поездка ожидаемо вызвала крайне негативную реакцию японских властей, которые заявили, что подобные действия «ранят чувства японского народа» [34].

Несмотря на охлаждение отношений Москва и Токио, заинтересованные в продолжении адекватного политического диалога, практически сразу приступили к контрмерам по возобновлению сотрудничества: визит экс-премьер-министра Японии Мори в Москву, поздравление Путиным Абэ с днем рождения в ходе телефонного разговора, а также заявление председателя Госдумы Нарышкина во время его поездки в Токио, что взаимным санкциям «нужно положить конец» [35].

Однако подобных шагов оказалось недостаточно для восстановления партнерских отношений в сфере политики – начиная с 2016 г. в них наблюдается стагнация. По факту с этого периода времени политический диалог Москвы и Токио не выходит за рамки формулы «мирный договор – Курилы – экономика», возникшие еще в прошлом десятилетии.

Об этом свидетельствует и встреча министров иностранных дел в 2016 г., которая проходила в очень холодной обстановке. Так на пресс-конференции в ответ на реплику министра Кисиды: «Мной был поднят территориальный вопрос, и я четко пояснил позицию Японии», С. Лавров заявил, что российская сторона «не обсуждала проблему северных территорий», так как «ни северные территории Российской Федерации, ни северные территории Японии не являются предметом нашего диалога» [36].

В данном контексте 2020 г. стал переломным в российско-японских отношениях, изменивших тон политического сотрудничества. 14 марта 2020 г. был принят закон № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» [37], ознаменовавший поправки в Конституции Российской Федерации, согласно которым «не допускаются действия по отчуждению территории России за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы с сопредельными государствами». С одной стороны, эта формулировка оставляет некоторую надежду японскому правительству на получение хотя бы части спорных территорий, что отражено в «Синей дипломатической книге» от 2020 г., в которой впервые официально Курилы были зафиксированы не как «исторически принадлежащие территории», а как «японские территории» [38]. С другой же стороны, как отмечают эксперты, теперь возвращение островов для Токио практически невозможно, поскольку Москва со ссылкой на собственный Основной закон не станет передавать Японии никакие территории, во всяком случае не позднее подписания мирного договора, что полностью идет в разрез с традиционной политикой Токио «мир в обмен на территории» [39].

Что касается регионального сотрудничества, то российско-японские отношения на протяжении долгого периода времени играли незначительную роль для архитектуры региональной безопасности в Северо-Восточной Азии и возможного создания механизмов регионального сотрудничества. Напряженные отношения между двумя странами из-за проблемы Северных территорий не позволили сторонам обсуждать региональные политические вопросы, не говоря уже о сотрудничестве в данной области (кроме, в некоторой степени, северокорейской проблемы). Помимо этого, российские политики по-прежнему не рассматривают Японию в качестве независимого регионального актора, поскольку политика

Токио обычно отражает политику США в регионе, в связи с чем у российской стороны возникают сомнения в том, что существенные соглашения по региональным вопросам могут быть достигнуты без вмешательства США [40, с. 159]. Кроме того, растущее антикитайское настроение в японской политике заставляет Россию проявлять осторожность, поскольку было бы весьма опрометчиво с ее стороны выстраивать крепкие политические отношения с противником своего главного стратегического партнера. Таким образом, спустя 160 лет после подписания первого договора, 90 лет после восстановления дипломатических отношений после одного конфликта и 60 лет после восстановления отношений после второго конфликта Россия и Япония остаются просто соседями, мало заботящимися об «общем благе» и имеющими ограниченные возможности для совместной работы по решению региональных проблем. Однако в последние годы сложившаяся неблагоприятная ситуация начала меняться в связи с растущей напористостью японской внешней и военной политики. Синдзо Абэ, занимавший пост премьер-министра Японии до 16 сентября 2020 г., похоже, стремился найти способ диверсифицировать свою внешнюю политику и улучшить отношения со своим огромным северным соседом. Эта позиция согласуется со стратегией президента России В. Путина, которая часто именуется «поворотом на Восток» [41].

В советское время острый конфликт между Москвой и Пекином ограничивал влияние Москвы в Азии. В то же время отношения Москвы со странами Юго-Восточной Азии были подвержены взлетам и падениям и по-прежнему были сосредоточены на поддержке «национально-освободительной борьбы» и противодействии Соединенным Штатам, в связи с чем отношения с Японией всегда были напряженными. Советские инициативы по региональной системе безопасности были в значительной степени непрактичны из-за глубоких разногласий в регионе в период холодной войны. Эта убежденность во второстепенной роли Азии, восходящая к советской политике, сохранялась какое-то время и в постсоветскую эпоху, поскольку российский политический класс в большинстве своем всегда был евроцентричен. После распада Советского Союза политика «новой России» была ориентирована на США и Западную Европу, в то время как отношения с Азией отодвигались на второй план (за исключением Китая, который, однако, в то время не был экономическим и политическим гигантом, каким он является сегодня) [42, с. 136, 138]. Утверждение о том, что нынешний «поворот на Восток» – это всего лишь временный сдвиг, вызванный ухудшением отношений с Западом, спровоцированным украинским кризисом, не имеет под собой достаточных оснований. Даже в 1990-е гг. научный дискурс о необходимости «равенства между двумя головами российского орла» стал достаточно выраженным. Первоначальный импульс был вызван «востоковедами», которые всегда были гораздо менее многочисленны и влиятельны, чем так называемые «западники» (специалисты по Западу, сосредоточенные в советских аналитических центрах, таких как Институт мировой экономики и международных отношений и Московский государственный университет Института международных отношений, а также в Институте Соединенных Штатов и Канады). Последний видел важность Азии главным образом с точки зрения ее растущего экономического потенциала, называя ее «новыми воротами в промышленно развитый мир, открывающими для России новые рынки оружия, сырья и промышленных товаров» [43, с. 535, 538].

В 2010 г. группа российских экспертов во главе с политологом В. Никоновым выдвинула идею России как евро-атлантической державы, имеющей свои интересы не только на Европейском континенте, но и на восточном направлении [44], а вскоре после этого президент России официально поддержал концепцию продвижения интеграции России в Азиатско-Тихоокеанском регионе [45]. Саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества 2012 г. стал решающим событием на этом пути, хотя он, согласно предварительным прогнозам, не должен был оказать существенного влияния на политику России. Несмотря на всеобщий скептицизм, результаты форума показали, что Москва стремительно набирает вес среди стран региона, в том числе за счет развития всестороннего партнерства с Японией [46]. Однако вопрос состоит в том, насколько глубоким стало это партнерство, с учетом разных целей и задач, стоящих перед Москвой и Токио в региональной по-

литике. Россия стремится наращивать политический вес за счет двустороннего сотрудничества с крупными игроками АТР, а также участия в работе региональных организаций. Одной из самых заметных инициатив российского государства стало предложение своей собственной концепции всеобъемлющего паназиатского договора о безопасности, основанного на общепризнанных принципах, таких как уважение основных свобод и прав человека, невмешательство во внутренние дела, урегулирование разногласий и споров мирными средствами, осуждение действий, направленных на свержение правительства или подрыв стабильности, оборонительный характер национальных вооруженных сил и создание общего интегрированного сообщества безопасности в Азии [47]. Однако эти предложения встретили вялую реакцию с японской стороны, не в последнюю очередь потому, что они противостоят доктрине США «центр и спицы», закрепляющей ее «азиатский стержень» в жесткой системе альянсов со своими союзниками, членом которой является Страна восходящего солнца.

Что касается видения Японии Азиатско-Тихоокеанского региона, то она в первую очередь напугана экономическим и политическим подъемом Китая в АТР и за его пределами, обеспокоена Северокорейской ядерной проблемой, отсутствием прогресса по Курильскому вопросу, а также хочет играть более независимую роль в регионе [48]. Таким образом, региональные интересы двух стран практически не имеют точек соприкосновения и сходятся в основном на вопросах поддержания безопасности в регионе.

Список источников

1. Diplomatic bluebook – 1991. Japan's Diplomatic Activities // Ministry of Foreign Affairs, Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-contents.htm> (дата обращения: 21.02.2021).
2. Экс-глава МИД РФ рад служить в США. Прислуживаться – тоже // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/daily/26409/3284411/> (дата обращения: 23.02.2021).
3. Меишков А.Ю. Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : энциклопедия. М.: Олма-пресс, 2002. 419 с.
4. Высоков М.С. Курильские острова в 90-е годы XX столетия. Южно-Сахалинск: Сахалинское кн. изд-во, 2008. 712 с.
5. Как бы Боря ни дурил, нет России без Курил // Коммерсантъ Власть. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/14277> (дата обращения: 26.02.2021).
6. Кошкин А.А. Русские Курилы. История и современность : сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М.: Алгоритм, 2015. 276 с.
7. Почему Б. Ельцин не поехал в Японию // Коммерсантъ. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/25833> (дата обращения: 25.02.2021).
8. Японские страсти продолжают сотрясать Россию // Независимая газета центр. URL: <https://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-sentyabrya-1992-goda> (дата обращения: 25.02.2021).
9. Diplomatic bluebook – 1992. Japan's Diplomatic Activities // Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1992/1992-contents.htm> (дата обращения: 24.02.2021).
10. Панов А.Н. Россия и Япония: становление и развитие отношений в конце XX – начале XXI века (достижения, проблемы, перспективы) М.: Известия, 2007. 121 с.
11. Того К. Секретные переговоры по вопросу Северных территорий. Пять упущенных возможностей. Токио: Синтёся, 2007. (На яп. языке).
12. Токийская Декларация о российско-японских отношениях от 13 октября 1993 // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902887> (дата обращения: 20.02.2021).
13. Россия и Япония: новая повестка дня // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20779> (дата обращения: 15.12.2020).
14. Итоги визита Ельцина в Японию // Коммерсантъ Власть. № 41. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8914> (дата обращения: 15.12.2020).

15. Прошлое, о котором правительство Японии не хочет вспоминать. URL: <https://www.sankei.com/article/20190320-OCUS24ULVBMFVNL24JL2V5CPFI/> (дата обращения: 27.12.2020). (На яп. языке).
16. Ельцин Б.Н. Президентский марафон. М.: АСТ, 2000. 464 с.
17. Компромиссный план России по территориальной проблеме // Ёмиури Шинбун. 2015. 21 окт. URL: <https://www.yomiuri.co.jp/hokkaido/feature/CO012871/20151017-OYTAT50007/> (дата обращения: 06.12.2020). (На яп. языке).
18. Премьер Хасимото подал в отставку // Коммерсантъ. 1998. № 125. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/201706> (дата обращения: 29.12.2020).
19. В Москву приехал Обути // Коммерсантъ. 1998. № 31. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/193165> (дата обращения: 29.12.2020).
20. Современный этап российско-японских отношений // Сайт Всемирного информационного форума. URL: <http://biofile.ru/his/33068.html> (дата обращения: 15.12.2020).
21. Совместное заявление о взаимодействии Российской Федерации и Японии в международных делах // Официальный сайт Президента России. URL: <https://www.kremlin.ru/supplement/3227> (дата обращения: 15.12.2020).
22. Российско-японская встреча на высшем уровне в Иркутске // Первый канал. Новости. URL: <https://www.1tv.ru/news/2001-03-25/280066-rossiysko-yaponskaya-vstrecha-na-vysshem-urovne-v-irkutske> (дата обращения: 22.12.2020).
23. В Кананаскисе проходит рабочая встреча президента России Владимира Путина с премьер-министром Японии Дзюньитиро Коидзуми // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20020628/182601.html> (дата обращения: 17.12.2020).
24. На состоявшейся в Шанхае двусторонней встрече Владимир Путин и Дзюньитиро Коидзуми подчеркнули важность продолжения диалога между Россией и Японией на основе достигнутых ранее договоренностей // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20011021/2236.html> (дата обращения: 17.12.2020).
25. В Москву прибыл Дзюньитиро Коидзуми // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20030109/295973.html> (дата обращения: 17.12.2020).
26. Совместное заявление об официальном визите в Японию председателя Правительства Российской Федерации М.М. Касьянова // Japan Today. URL: <http://www.japantoday.ru/ofitsialnye-dokumenty/dokumenty-prinyatyie-v-hode-vizita-presedatelya-pravitelstva-ff-m-kasyanova-v-yaponiyu.html> (дата обращения: 17.12.2020).
27. Умом Курилы не понять. Распущен российско-японский Совет мудрецов // Коммерсантъ. № 44. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/751301> (дата обращения: 19.12.2020).
28. Владимир Путин о проблеме Курил. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p9ls1jiavcw> (дата обращения: 13.03.2020).
29. Российско-японские торгово-экономические отношения // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/asset_publisher/zMUqsVU9NDU/content/id/190514 (дата обращения: 19.12.2020).
30. Кожевников В.В. Десять лет спустя: что-то изменится? Размышления об итогах визита японского премьер-министра в Москву // Россия и АТР. 2013. № 3.
31. Визит С. Абэ в Россию – эгоистичный расчет // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/2013-04/28/c_115583583.htm (дата обращения: 19.12.2020). (На яп. языке).
32. Казаков М.А., Лыцев М.С. Военно-политические аспекты российско-японских отношений (1990–2010-е гг.) // Вестн. Кемеровского гос. ун-та. 2018. № 1.
33. Российско-японский диалог: фактор санкций // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-yaponskiy-dialog-faktor-sanktsiy/> (дата обращения: 23.12.2020).
34. Токио разгневан поездкой Медведева на Южные Курилы // BBC News. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150822_japan_russia_minister (дата обращения: 23.12.2020).
35. Нарышкин встретился с Абэ в Токио // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20150521/1065701651.html> (дата обращения: 24.12.2020).

36. Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Японии Ф. Кисидой // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/mcz7hqumdqby/content/id/2544447 (дата обращения: 24.12.2020).
37. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> (дата обращения: 07.03.2021).
38. Diplomatic bluebook – 2020. Japan's Diplomatic Activities // Ministry of Foreign Affairs, Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000932.html (дата обращения: 07.03.2021).
39. Путин хочет переговоров с Японией, но не хочет отдавать нам острова // Синьхуа Синбун. URL: <https://www.iza.ne.jp/article/20210605-ub7cswurniwtfg55yz6d6zedi/> (дата обращения: 08.03.2021). (На яп. языке).
40. Лебедева Т.П. Геополитика : учеб. пособие. М.: МГУ, 2008. 219 с.
41. О развитии российско-японских отношений // Официальный сайт посольства Российской Федерации в Японии. URL: <http://tokyo.mid.ru/o-razviti-rossijsko-aponskih-otnosenij> (дата обращения: 14.12.2020).
42. Исаев Б.А. Геополитика. СПб.: Питер, 2007. 384 с.
43. Гаджиев К. С. Введение в политическую науку: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 1999. 544 с.
44. Политика «Русского мира» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2007/06/26/nikonov.html> (дата обращения: 26.11.2020).
45. Стенографический отчет о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока и сотрудничеству со странами Азиатско-Тихоокеанского региона // Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8234/work> (дата обращения: 26.11.2020).
46. Шинковская Н.В. Для рывка нам нужно партнерство с Азией // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 4. С. 5–9.
47. Интервью министра иностранных дел России Лаврова С.В. газете и радиостанции «Комсомольская правда». 31 мая 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2298019 (дата обращения 08.01.2021).
48. Афонин Б.М. Политика Японии в АТР: основные тенденции и направления // Территория новых возможностей. Вестн. Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. 2014. № 4. С. 23–33.

References

1. Diplomatic bluebook - 1991. Japan's Diplomatic Activities. Ministry of Foreign Affairs, Japan. Available from: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1991/1991-contents.htm> [Accessed 21st February 2021].
2. The Ex-Foreign Minister of the Russian Federation is glad to serve in the USA, to lacquey - as well. *Komsomolskaya Pravda*. Available from: <https://www.kp.ru/daily/26409/3284411/> [Accessed 23rd February 2021]. (In Russ.).
3. Meshkov A.Yu. *Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 1802-2002: an encyclopedia*. Moscow: Olma-press Publ.; 2002. 419 p. (In Russ.).
4. Vysokov M.S. *Kuril Islands in the 90s of the 20th century*. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Book Publishing House; 2008. 712 p. (In Russ.).
5. No matter how foolish Borya feels, there is no Russia without the Kuriles. *Kommersant Vlast*. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/14277> [Accessed 26th February 2021]. (In Russ.).
6. Koshkin A.A. *Russian Kuriles. History and modernity: a collection of documents on the history of the formation of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese border*. Moscow: Algoritm Publ.; 2015. 276 p. (In Russ.).
7. Why B. Yeltsin did not go to Japan. *Kommersant*. Available from: <http://www.kommersant.ru/doc/25833> [Accessed 25th February 2021]. (In Russ.).

8. Japanese passions continue to shake Russia. *Nezavisimaya Gazeta*. Available from: <https://www.yeltsincenter.ru/digest/release/den-za-dnem-11-sentyabrya-1992-goda> [Accessed 25th February 2021]. (In Russ.).
9. Diplomatic bluebook - 1992. Japan's Diplomatic Activities. *Ministry of Foreign Affairs*. Available from: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/1992/1992-contents.htm> [Accessed 24th February 2021].
10. Panov A.N. *Russia and Japan: formation and development of relations at the end of the 20th - beginning of the 21st century (achievements, problems, prospects)*. Moscow: Izvestia Publ.; 2007. 121 p. (In Russ.).
11. Togo K. *Secret negotiations on the issue of the Northern Territories. Five missed opportunities*. Tokyo: Shinchosha Publ.; 2007. (In Japan.).
12. Tokyo Declaration on Russian-Japanese Relations of October 13, 1993. *Consortium Code. Electronic fund of legal and normative-technical documentation*. Available from: [https:// docs.cntd.ru/document/1902887](https://docs.cntd.ru/document/1902887) [Accessed 20th February 2021]. (In Russ.).
13. Russia and Japan: a new agenda. *International life*. Available from: [https:// interaffairs.ru/news/show/20779](https://interaffairs.ru/news/show/20779) [Accessed 15th December 2020]. (In Russ.).
14. Results of Yeltsin's visit to Japan. *Kommersant Vlast*. No. 41. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/8914> [Accessed 15th December 2020]. (In Russ.).
15. *The past that the Japanese government does not want to remember*. Available from: <https://www.sankei.com/article/20190320.OCUS24ULVBMFVNL24JL2V5CPFI/> [Accessed 27th December 2020]. (In Japan.).
16. Yeltsin B.N. *Presidential marathon*. Moscow: AST Publ.; 2000. 464 p. (In Russ.).
17. Compromise plan of Russia on the territorial problem. *Yomiori Shinbun*. Oct. 21, 2015. Available from: <https://www.yomiuri.co.jp/hokkaido/feature/CO012871/20151017-OYTAT50007/> [Accessed 6th December 2020]. (In Japan.).
18. Prime Minister Hashimoto resigned. *Kommersant*. 1998. No. 125. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/201706> [Accessed 29th December 2020]. (In Russ.).
19. Obuchi arrived in Moscow. *Kommersant*. 1998. No. 31. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/193165> [Accessed 29th December 2020]. (In Russ.).
20. The current stage of Russian-Japanese relations. *Website of the World Information Forum*. Available from: <http://biofile.ru/his/33068.html> [Accessed 15th December 2020]. (In Russ.).
21. Joint statement on the interaction of the Russian Federation and Japan in international affairs. *Official website of the President of Russia*. Available from: <https://www.kremlin.ru/supplement/3227> [Accessed 15th December 2020]. (In Russ.).
22. Russian-Japanese summit in Irkutsk. *Channel One. News*. Available from: https://www.1tv.ru/news/2001-03-25/280066-rossiysko_yaponskaya_vstrecha_na_vysshem_urovne_v_irkutske [Accessed 22nd December 2020]. (In Russ.).
23. Russian President Vladimir Putin has a working meeting with Japanese Prime Minister Junichiro Koizumi in Kananaskis. *RIA Novosti*. Available from: <https://ria.ru/20020628/182601.html> [Accessed 17th December 2020]. (In Russ.).
24. At a bilateral meeting in Shanghai, Vladimir Putin and Junichiro Koizumi stressed the importance of continuing the dialogue between Russia and Japan on the basis of previously reached agreements. *RIA Novosti*. Available from: <https://ria.ru/20011021/2236.html> [Accessed 17th December 2020]. (In Russ.).
25. Junichiro Koizumi arrived in Moscow. *RIA Novosti*. Available from: <https://ria.ru/20030109/295973.html> [Accessed 17th December 2020]. (In Russ.).
26. Joint statement on the official visit to Japan by Prime Minister of the Russian Federation M.M. Kasyanov. *Japan Today*. Available from: <http://www.japantoday.ru/ofitsialnye-dokumenty/dokumenty-prinyatyie-v-hode-vizita-presedatelya-pravitelstva-rf-m.-kasyanova-v-yaponiyu.html> [Accessed 17th December 2020]. (In Russ.).
27. The Kuriles cannot be understood with the mind. Dissolved Russian-Japanese Council of Wise Men. *Kommersant*. No. 44. Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/751301> [Accessed 19th December 2020]. (In Russ.).

28. Vladimir Putin on the problem of the Kuriles. Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=p9ls1jiavcw> [Accessed 13th March 2020]. (In Russ.).
29. Russian-Japanese trade and economic relations. *Website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Available from: http://www.mid.ru/ru/maps/jp/asset_publisher/zMUsqsVU9NDU/content/id/190514 [Accessed 19th December 2020]. (In Russ.).
30. Kozhevnikov V.V. Ten years later: will anything change? Reflections on the results of the visit of the Japanese Prime Minister to Moscow. *Rossiia i ATR = Russia and the Asia-Pacific Region*. 2013;(3). (In Russ.).
31. S. Abe's visit to Russia is a selfish calculation. *Xinhua*. Available from: http://www.xinhuanet.com/2013-04/28/c_115583583.htm [Accessed 19th December 2020]. (In Japan.).
32. Kazakov M.A., Lystsev M.S. Military-political aspects of Russian-Japanese relations (1990-2010s). *Vestn. Kemerovskogo gos. un-ta = Bulletin of the Kemerovo State University*. 2018;(1). (In Russ.).
33. Russian-Japanese dialogue: the factor of sanctions. *RSMD*. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiysko-yaponskiy-dialog-faktor-sanktsiy> [Accessed 23rd December 2020]. (In Russ.).
34. Tokyo angered by Medvedev's trip to the South Kuriles. *BBC News*. Available from: https://www.bbc.com/russian/international/2015/08/150822_japan_russia_minister [Accessed 23rd December 2020]. (In Russ.).
35. Naryshkin met with Abe in Tokyo. *RIA Novosti*. Available from: <https://ria.ru/20150521/1065701651.html> [Accessed 24th December 2020]. (In Russ.).
36. Speech and answers to media questions by the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov during a joint press conference on the results of negotiations with the Minister of Foreign Affairs of Japan F. Kishida. *Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. Available from: https://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/mcz7hqumdqby/content/id/2544447 [Accessed 24th December 2020]. (In Russ.).
37. Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ. *Official website of the President of Russia*. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280> [Accessed 7th March 2021]. (In Russ.).
38. Diplomatic bluebook - 2020. Japan's Diplomatic Activities. *Ministry of Foreign Affairs, Japan*. Available from: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000932.html [Accessed 7th March 2021]. (In Russ.).
39. Putin wants negotiations with Japan, but does not want to give us the islands. *Xinhua Xinhun*. Available from: <https://www.iza.ne.jp/article/20210605-ub7cwswniwtfg55yz6d6zedi/> [Accessed 8th March 2021]. (In Japan.).
40. Lebedeva T.P. *Geopolitics*: textbook. Moscow: MGU Press; 2008. 219 p. (In Russ.).
41. On the development of Russian-Japanese relations. *Official website of the Embassy of the Russian Federation in Japan*. Available from: <http://tokyo.mid.ru/o-razviti-rossijsko-aponskih-otnosenii> [Accessed 14th December 2021]. (In Russ.).
42. Isaev B.A. *Geopolitics*. St. Petersburg: Piter Publ.; 2007. 384 p. (In Russ.).
43. Gadzhiev K.S. *Introduction to political science*: textbook. 2nd ed., revised and comp. Moscow: Logos Publ.; 1999. 544 p. (In Russ.).
44. Politics of the "Russian world". *Rossiyskaya Gazeta*. Available from: <https://rg.ru/2007/06/26/nikonov.html> [Accessed 26th November 2021]. (In Russ.).
45. Verbatim report on the meeting on the socio-economic development of the Far East and cooperation with the countries of the Asia-Pacific region. *Official website of the President of Russia*. Available from: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8234/work> [Accessed 26th November 2020]. (In Russ.).
46. Shinkovskaya N.V. For a breakthrough, we need a partnership with Asia. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke = Humanitarian research in the Russian Far East*. 2012;(4):5-9. (In Russ.).
47. Interview with the Minister of Foreign Affairs of Russia Lavrov S.V. newspaper and radio station "Komsomolskaya Pravda". May 31, 2016. Available from: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2298019 [Accessed 8th January 2021]. (In Russ.).

48. Afonin B.M. Japan's Policy in the Asia-Pacific Region: Main Trends and Directions. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestn. Vladivostokskogo gos. un-ta ekonomiki i servisa = Territory of New Opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service*. 2014;4:23-33. (In Russ.).

Информация об авторах

М.А. Белоусова – магистрант, Высшая школа перевода.

В.П. Подольников – кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории и международных отношений, Институт истории и международных отношений.

Information about the authors

M.A. Belousova – Master Student, Higher School of Translation.

V.P. Podolnikov – Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Foreign History and International Relations, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 23.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 17.03.2022.

The article was submitted 23.12.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-58-64

КРЕДИТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Константин Александрович Горбик

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону,
Россия, gorbik.konstantin@mail.ru

Аннотация. Поражение в Крымской войне, опустошённое послевоенное народное хозяйство и рецессия в экономике ставили под большое сомнение будущее Российской империи в качестве европейской державы. Преодоление технологического и военно-технического отставания России от ведущих европейских держав царское правительство видело в том числе и в развитии банковской системы. Модернизация в финансовой сфере способствовала появлению Государственного банка, осуществлявшего учётно-ссудные операции по поддержке разных категорий населения. В Донском регионе кредитование отраслей местной экономики осуществляла Ростовская контора Государственного банка. Хозяйственная специфика Области войска Донского обуславливала кредитование в первую очередь представителей крестьянского населения, торговцев и фирм по продаже зерновых культур.

Исследуется функционирование коммерческих банков в рамках развития капиталистических отношений в Области войска Донского и в целом России. Отдельно рассматривается влияние государственных банков на формирование отечественного ипотечного кредитования в пореформенный период. Анализируются активность учреждений мелкого кредита и обществ взаимного кредита по учёту векселей, выдаче ссуд и приёму, хранению вкладов, влияние Ростовского городского общественного банка на донскую экономику.

Ключевые слова: Российская империя, Область войска Донского, отечественная банковская система, Государственный банк, акционерные коммерческие банки, учреждения мелкого кредита, кредитование местного населения, учёт векселей, приём вкладов

Для цитирования: Горбик К.А. Кредитные учреждения Области войска Донского в пореформенный период // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 58–64.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CREDIT INSTITUTIONS OF THE DON COSSACK ARMY REGION IN THE POST-REFORM PERIOD

Konstantin A. Gorbik

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia, gorbik.konstantin@mail.ru

Abstract. The defeat in the Crimean War, the devastated post-war national economy and the recession in the economy cast great doubt on the future of the Russian Empire as a European power. Overcoming of the technological and military-technical lag of Russia from the leading European

powers, the Tzarist government saw in the development of the banking system as well. Modernization in the financial sector contributed to the emergence of the State Bank, which carried out various accounting and loan operations to support different categories of the population. In the Don region lending to sectors of the local economy was carried out by the Rostov office of the State Bank. The economic specificity of the Don Cossack Army Region caused lending primarily to representatives of the peasant population, traders and companies selling grain crops. The author examines the functioning of commercial banks in the framework of the development of capitalist relations in the Don Cossack Army Region and Russia as a whole. Separately, he outlines the influence of state banks on the formation of domestic mortgage lending in the post-reform period. The activity of small credit institutions and inter-credit societies to the accounting of bills, the issuance of loans and the reception, and storage of deposits is considered. The influence of the Rostov City Public Bank on the Don economy is investigated.

Keywords: Russian Empire, Don Cossack Army region, national banking system, State Bank, joint-stock commercial banks, institutions of small loan, financing of the local community, financial discount, reception of deposits

For citation: Gorbik K.A. Credit Institutions of the Don Cossack Army Region in the Post-Reform Period. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):58-64. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Внешнеполитические неудачи в Крымской войне, опустошённая отечественная экономика и спад в большинстве сфер жизнедеятельности российского общества в середине XIX в. ставили под сомнение статус Российской империи как европейской державы. Одной из причин системного кризиса являлось технологическое и научно-техническое отставание отечественного производства от ведущих западных стран. Положение усугублялось и господством феодально-крепостнического уклада в общественных отношениях.

Поэтому одним из решений выхода из сложившейся ситуации царское правительство видело в том числе и в перестройке банковской системы, направленной на распространение товарно-денежных отношений в Российской империи.

Во второй половине XIX в. функционировали: Государственный банк, ипотечные государственные учреждения, акционерные банковские структуры, городские общественные банки, кооперативные кредитные организации.

Основная задача новой банковской системы Российской империи в пореформенный период – стимулирование отечественной экономики через увеличение и мобилизацию денежной массы населения. Банковские заведения и их филиалы действовали в крупных центрах России. Отметим, что улучшение хозяйственных отношений во многом зависело и от развития банковских операций.

Широкая сеть кредитных учреждений существовала и в Области войска Донского. Новочеркасск, Ростов-на-Дону и Таганрог не только участвовали в торговле пшеницей на местных рынках, но и поддерживали международный экспорт сельскохозяйственных продуктов. Высокое значение Области войска Донского в отечественной торговле было обусловлено пересечением донской территории сетью железных дорог. Соответственно экономика Донской области нуждалась прежде всего в открытии кредита производителям пшеницы, торговцам и фирмам-экспортёрам зерновых культур.

17 июля 1862 г. свои учётно-ссудные операции начала производить контора Государственного банка в Ростове-на-Дону, кредитовавшая местное население. Она имела основной капитал в 600 000 р. для осуществления банковской деятельности [1, л. 10 об.–11]. Ориентируясь на местную экономику, Ростовская контора получила возможность выдавать шестимесячные ссуды под залог пшеницы в конце XIX в. Но подобная банковская услуга не пользовалась большой популярностью у заёмщиков. Проблема заключалась в порядке

выдачи зерновых ссуд. На основании циркуляров от 1893 г. срок возврата ссуды был повышен с 6 до 9 месяцев, а максимальный её размер соответствовал 75 % стоимости закладываемого имущества заёмщика. Данная регламентация была направлена на привлечение большего числа клиентов банка не только из Области войска Донского, но и других южных регионов Российской империи. Стоит отметить, что у заёмщиков также появилась возможность хранить заложенное имущество на своих складах, а не только в хранилищах, с руководством которых контора имела соглашения. При этом клиент банка брал на себя ответственность и другие обязательства по сохранности пшеницы [2, с. 117].

Кроме производства зерновых ссудных операций этот донской филиал Государственного банка совместно с частными кредитными учреждениями кредитовал разные категории предпринимателей Области войска Донского через кредитование акционерных банков при взимании 3,5 % в год, а они, соответственно, выдавали ссуды под 5,5 % в торговых и портовых городах и под 6 % в год – в остальных населённых пунктах. К концу 1893 г. Ростовская контора при содействии частных кредитных институтов открыла кредит производителям и торговцам хлебом на сумму 3 088 000 р. По этому показателю донской филиал опережал многие другие подразделения Государственного банка, специализировавшиеся на выдаче ссуд под зерновые продукты [3]. Поэтому успешность этой операции объяснялась широким участием донских акционерных банков.

Кроме того, частные банковские учреждения осуществляли функции по концентрации и направлению свободных капиталов представителям торгово-промышленной среды.

Первые частные банковские учреждения в России появились в начале 1860-х гг. Их отличительной особенностью являлось преимущественное производство краткосрочных операций.

Особую роль в развитии кредитно-финансовых отношений на Донской земле сыграл Азовско-Донской коммерческий банк. Он был учреждён представителями торгово-промышленной среды южных субъектов Российской империи.

Общее собрание акционеров являлось одной из управленческих структур банка. Принятие важных решений на собрании зависело прежде всего от лиц, владевших более 400 акциями [4, с. 23–24].

Изначально Азовско-Донской коммерческий банк кредитовал торговцев пшеницей на юге России. Затем он стал скупать и экспортировать зерно. В 1895 г. вошел в тройку главных продавцов зерна в Ростове-на-Дону. В последующие годы этот банк активно кредитовал и промышленные предприятия (Акционерное общество Сулинского завода, «Акционерное общество Русско-Донецкой каменноугольной промышленности» и др.) [5, с. 89]. А в 1903 г. руководящие органы банка были переведены из Таганрога в Санкт-Петербург для установления более тесных контактов со столичными торгово-промышленными кругами.

Кроме отмеченного выше коммерческого банковского учреждения в Области войска Донского также и Волжско-Камский коммерческий банк активно кредитовал акционеров Общества для торговли минеральным топливом Донецкого угольного бассейна.

В функционировании городских общественных банков были заинтересованы состоятельные категории городского населения. Во многом такая особенность объясняется тем, что Ростовская контора Государственного банка не производила долгосрочного кредитования под залог городского имущества.

Заметим, что определённых результатов в осуществлении своих операций достиг Ростовский-на-Дону городской общественный банк с основным капиталом в 325 000 р. [6, с. 1]. Так, в связи с бурным городским строительством и торгово-промышленным развитием в городе банк выдал около 4,3 млн р. в качестве ссуд [7, л. 132 об.–133], при этом прибыль превысила 900 000 р. к 1913 г. [8, с. 14–15].

Отмена крепостного права способствовала превращению земельных участков в предмет купли-продажи между различными категориями населения Российской империи. Предоставить недостающие финансовые средства для приобретения земельной недвижимости могли в том числе и банки. Возрастающее количество крестьянских выступлений и сокра-

шение дворянского частного земельного фонда вынудили правительство Российской империи учредить сословные ипотечные банковские структуры.

Первым из таких кредитных учреждений был Крестьянский поземельный банк. В Области войска Донского он начал осуществлять свои функции 28 февраля 1885 г. Ссуды выдавались на сроки в 24,5 или в 34,5 года под залог приобретаемых крестьянами земель под 7,5–8,5 % годовых.

В общей сложности Донское отделение Крестьянского поземельного банка при своём посредничестве выдало 206 ссуд на покупку 100 000 десятин к началу XX в. [9, с. 24–25]. На последнем этапе работы этого кредитного учреждения состоятельные крестьянские слои стали выступать главными заёмщиками. Так, из 622 268 проданных десятин около 98 % принадлежало состоятельным крестьянам-домохозяевам. В целом деятельность банка по наделению крестьянского населения землёй характеризовалась незначительными масштабами. Более того, его работа негативным образом повлияла на калькуляцию цен на земельные участки. Например, если в 1884 г. средняя цена за десятину равнялась примерно 40 р. в Миусском округе, выделявшемся плодородными почвами, то в 1914 г. Донское отделение оценивало ту же площадь уже в 286 р. [10, л. 3].

В 1862–1877 гг. помещичья земельная собственность сократилась примерно на 12 % и составила 77 040 тыс. десятин [11, с. 54–55]. Такое уменьшение во многом объяснялось отсутствием интереса ведения частного хозяйства помещиками. После продолжительных обсуждений с представителями дворян, земств и акционерных банковских учреждений царские чиновники приняли решение об открытии специализированного дворянского государственного кредитного учреждения в 1885 г. Основная задача Дворянского земельного банка сводилась к выдаче ссуд потомственным дворянам под залог их частной земельной собственности на сроки от 11 до 66 лет и 6 месяцев под 5,75 и 6,25 % в год.

К 1889 г. в залоге Донского отделения Дворянского земельного банка находилось только 19 % (159 334 десятины) всех земельных участков, заложенных в отечественных кредитных учреждениях [12, с. 160].

Расширение сферы юрисдикции Донского отделения Дворянского земельного банка на ряд южных областей Российской империи и возможность перепродажи дворянской земельной собственности способствовали увеличению количества заложенной земли в банке. Так, в общей сложности донской филиал выдал 1251 ссуду под залог 764 993 десятин к началу XX в. Но в последующие годы отмечается сокращение активной операционной деятельности банка в Донской области. Например, Донское отделение банка разрешило выдать 63 ссуды в 1914 г., 16 – в 1915 г. и только 3 – в 1917 г. [13, л. 24]. Стоит подчеркнуть, в большей степени не только сложная экономическая ситуация из-за Первой мировой войны и конкурентная борьба с другими ипотечными кредитными заведениями способствовали уменьшению проводимых активных операций банка, но и довольно непоследовательный курс руководства данного кредитного учреждения. Так, выдача ссуды без обозначенной цели её применения приводила к трате денежных средств помещиками на реализацию личных интересов, не связанных с хозяйственной деятельностью в своём имении.

Во второй половине XIX в. в период развития капиталистических отношений многие землевладельцы нуждались в кредитовании своей предпринимательской деятельности. В значительной степени подобные задачи решали учреждения мелкого кредита.

В Области войска Донского первые ссудо-сберегательные товарищества появились после 1861 г. Эта кредитная структура осуществляла операции за счёт паевых взносов своих членов. При этом деятельность учреждений мелкого кредита характеризовалась открытием кредита и хранением денежных вкладов.

Открывались такие кредитные учреждения по инициативе частных обывателей, независимо от сословия, к которому каждый из них принадлежал. Но социальный состав многих кредитных организаций существенно отличался друг от друга. Так, паевой взнос для членства в ссудо-сберегательном товариществе могли позволить себе в первую очередь платёжеспособные и имущие лица.

В 1890-е гг. действовало 15 ссудо-сберегательных товариществ, общий операционный оборот которых превышал 1,2 млн р. [12, с. 162]. Для увеличения числа учреждений мелкого кредита и их численного состава правительство Российской империи инициировало создание кредитных товариществ, основные капиталы которых формировал Государственный банк. Помимо открытия новых учреждений мелкого кредита правительственные чиновники определяли и организацию данных кредитных организаций.

В целом к началу 1912 г. функционировало 301 донское учреждение мелкого периода: 193 кредитных товарищества, 78 ссудо-сберегательных товариществ, 30 общественных ссудо-сберегательных касс. Число таких заведений увеличилось почти в 19 раз (с 15 до 301) в 1890–1912 гг. В данных кооперативных учреждениях 10 млн р. хранилось в виде вкладов пайщиков, а 18 млн р. было выдано в качестве ссуд [14, с. 7–8, 15–17].

К числу частных кредитных учреждений относились и общества взаимного кредита. В основном они специализировались на осуществлении учётно-ссудной деятельности, открытии текущих счетов и операций под залог облигаций, векселей, акций и товаров.

Размер кредита варьировался от 100 до 1000 р. по Области войска Донского, что объяснялось разным имущественным составом членов обществ взаимного кредита.

Правительство Российской империи старалось поддерживать функционирование этой системы. Так, высшие чиновники учредили Центральный банк обществ взаимного кредита, который кредитовал вышеперечисленные кредитные институты.

В начале XX в. действовали 26 донских обществ взаимного кредита. Около 27 000 человек осуществили в них кредитные операции. По количеству обществ взаимного кредита Область войска Донского уступала только Кубанской области, Херсонской, Санкт-Петербургской, Киевской губерниям. При этом операционные обороты донских учреждений достигли 44 млн р. [15, с. 69–70].

Таким образом, деятельность пореформенных банковских учреждений была направлена на удовлетворение финансовых потребностей населения России, в том числе и жителей Области войска Донского. Центральным звеном пореформенной отечественной кредитно-финансовой системы являлся Государственный банк. Он вместе со своими филиалами по всей стране осуществлял кредитование населения России, преимущественно занятого в сфере торгово-промышленной и предпринимательской деятельности. Выдача зерновых ссуд Ростовской конторой Государственного банка при посредничестве частных кредитных учреждений отличалась достаточно высокими показателями в конце XIX в.

Отмена крепостного права и других сословных ограничений по отношению к земельной собственности даровали неограниченные возможности всем категориям населения при осуществлении сделок купли-продажи недвижимой собственности в Российской империи. Распространение капиталистических отношений способствовало становлению и развитию ипотечных операций Крестьянского, Дворянского и частных коммерческих банков.

Крестьяне нуждались в покупке земельной собственности в силу небольших земельных наделов, доставшихся после проведения крестьянской реформы, не обеспечивавших своих хозяев достаточным для жизни доходом. Поэтому функционирование Крестьянского поземельного банка было направлено на решение финансовых вопросов сельских обывателей. В общей сложности в залоге Донского отделения Крестьянского поземельного банка находилось около 100 000 десятин земли. Необходимо подчеркнуть, что к началу XX в. клиентура данной банковской структуры включала преимущественно состоятельных крестьян.

Из-за проблем ведения самостоятельного хозяйства в своих имениях помещики обращались в учреждения Дворянского земельного банка. В целом результаты его операций отражали характерное для многих губерний Российской империи постепенное сокращение частной помещичьей земельной собственности. Полагаем, что «обезземеливание старого поместного дворянства» было связано с ошибками и недочётами в организации данной банковской структуры. К началу XX в. в общей сложности Дворянский банк в Области войска Донского выдал ссуды под залог почти 765 000 десятин земли.

В то же время учреждения мелкого кредита также оказывали услуги по открытию кредита сельским жителям и представителям торгово-промышленных кругов. В начале XX в. функционировало 301 донское учреждение мелкого кредита. Развитие получили кредитные товарищества, основной капитал которых формировался из денежных средств Государственного банка.

В ходе проведенного исследования нами было установлено, что в начале XX в. действовали 26 обществ взаимного кредита. В первую очередь кредитно-финансовая деятельность таких учреждений была ориентирована на поддержку активных торгово-промышленных слоёв населения Российской империи. Но не все кредитно-финансовые структуры предоставляли услуги по открытию кредита под залог городской недвижимости. Непосредственно эту функцию исполняли городские общественные банки. Отметим, что Ростовскому городскому общественному банку учётно-ссудная деятельность принесла 900 000 р. в качестве прибыли, но операции под залог товаров в этом банковском заведении не получили дальнейшего развития.

Список источников

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 117. Оп. 1. Д. 26.
2. Гурьев А.Н. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб.: Якорь, 1904. 250 с.
3. Приазовский край. 1892. № 325. 22 дек. 4 с.
4. Устав Азовско-Донского коммерческого банка с дополнениями и изменениями, вошедшими в Собрания узаконений и распоряжений Правительства по 3-е августа 1906, № 43. СПб.: Тип. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1906. 40 с.
5. История Дона: эпоха капитализма. Ростов н/Д.: Изд-во РГУ, 1974. 295 с.
6. Приазовский край. 1893. № 53. 1 марта. 4 с.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 583. Оп. 2. Д. 719.
8. Памятная записка к пятидесятилетию Ростовского-н/Д городского общественного банка 1863–1913 гг. Ростов н/Д.: Электро-типография Ф.А. Полубатко, 1913. 37 с.
9. Памятная книжка Области войска Донского на 1900 год. Отдел III. Статистический. Новочеркасск: Областная войска Донского тип., 1900. 782 с.
10. ГАРО. Ф. 232. Оп. 1. Д. 5340.
11. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация. М.: Наука, 1979. 302 с.
12. Петлин Н.С. Опыт описания губерний и областей России в статистическом и экономическом отношениях, в связи с деятельностью в них Государственного банка и частных кредитных учреждений. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1893. Ч. I. 648 с.
13. ГАРО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 777.
14. Краткий обзор развития и положения учреждений мелкого кредита в Донской области на 1-е января 1913 года. Новочеркасск: Донской печатник, 1913. 36 с.
15. Сборник Областного Войска Донского Статистического комитета. Новочеркасск: Частная донская типография, 1912. Вып. 11. 212 с.

References

1. *State Archives of Rostov Region (SARR). Fund 117. In. 1. File 26. (In Russ.).*
2. *Guriev A.N. Essay on the development of credit institutions in Russia. Saint Petersburg: Yakor' Publ.; 1904. 250 p. (In Russ.).*
3. *Priazovskii krai. 1892;(325):4. (In Russ.).*
4. *Charter of the Azov-Don Commercial Bank with additions and amendments included in the Collection of Legalizations and Orders of the Government on August 3, 1906. No. 43. Saint Petersburg: A.G. Rosen's Printing House (A.E. Landau), 1906. 40 p. (In Russ.).*
5. *History of the Don: the age of capitalism. Rostov-on-Don: Rostov State University Press; 1974. 295 p. (In Russ.).*

6. *Priazovskii krai*. 1892;(53):4. (In Russ.).
7. *Russian State Historical Archive*. Fund 583. In. 2. File 719. (In Russ.).
8. *Memorandum to the fiftieth anniversary of the Rostov-Don City Public Bank 1863-1913*. Rostov-on-Don, Electrotypography by F.A. Polubatko; 1913. 37 p. (In Russ.).
9. *Commemorative book of the Don Cossack Army region for 1900*. Division III. Statistical. Novochoerkassk: Regional Army of the Don Printing House, 1900. 782 p. (In Russ.).
10. *SARR*. Fund 232. In. 1. File 5340. (In Russ.).
11. Korelin A.P. *Nobility in post-reform Russia 1861-1904: composition, number, corporate organization*. Moscow: Nauka Publ.; 1979. 302 p. (In Russ.).
12. Petlin N.S. *Experience in describing the provinces and regions of Russia in statistical and economic relations, in connection with the activities of the State Bank and private credit institutions in them*. Part I. Saint Petersburg: Printing House of V.F. Kirshbaum; 1893. 648 p. (In Russ.).
13. *SARR*. Fund 53. In. 1. File 777. (In Russ.).
14. *A brief overview of the development and situation of small credit institutions in the Don region on January 1, 1913*. Novochoerkassk: Donskoi pechatnik Publ.; 36 p. (In Russ.).
15. *Collection of the Regional Army of the Don Statistical Committee*. Novochoerkassk: Private Don Printing House; 1912;(11):212 p. (In Russ.).

Информация об авторе

К.А. Горбик – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории Отечества.

Information about the author

K.A. Gorbik – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and History of the Fatherland.

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; одобрена после рецензирования 10.12.2021; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 18.11.2021; approved after reviewing 10.12.2021; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-65-71

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В МЕМОРИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ В КОНЦЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ

Екатерина Александровна Захарина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, gorelowa.kat@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются процессы увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону в послевоенное время. Освещается деятельность отдела культурно-просветительной работы Ростова-на-Дону, связанная с сохранением памяти о войне.

Основа для исследования – неопубликованные материалы Государственного архива Ростовской области. Это ежегодные отчеты, годовые планы работы, межведомственная переписка, информационные справки и т. д. Кроме того, в работе использовались материалы архива Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области, в частности охраняемые обязательства на объекты культурного наследия.

В статье затронут только первоначальный этап увековечивания памяти о Великой Отечественной войне. Хронологически этот этап охватывает послевоенные 1945–1953 гг. В это время зарождались привычные нам формы и практики сохранения памяти событий прошедшей войны.

Ключевые слова: память о Великой Отечественной войне, Великая Отечественная война, мемориал

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43112 «Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование».

Для цитирования: Захарина Е.А. Память о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону в конце 1940-х – начале 1950-х годов // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 65–71.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE MEMORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE MEMORIAL SPACE OF ROSTOV-ON-DON IN THE LATE 1940s AND EARLY 1950s

Ekaterina A. Zakharina

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, gorelowa.kat@yandex.ru

Abstract. The article deals with the processes of perpetuating the memory of the Great Patriotic War in the memorial space of Rostov-on-Don in the postwar period. Attention is drawn to the activities of Rostov-on-Don department of cultural and educational work related to the preservation of memory of the war.

The basis for the research is unpublished materials of the State Archive of the Rostov region. These are annual reports, annual work plans, interdepartmental correspondence, information certificates, etc. In addition, the materials of the archive of the Committee for the Protection of Cultural Heritage Objects of the Rostov Region were used in the work, in particular, security obligations for cultural heritage objects. The article touches only on the initial stage of perpetuating the memory of the Great Patriotic War. Chronologically, this stage covers the post-war years 1945-1953. At this time, the familiar forms and practices of preserving the memory of the events of the past war were born.

Keywords: memory of the Great Patriotic War, Great Patriotic War, memorial

Acknowledgments: the research was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of the scientific project No. 21-09-43112 "The peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War: statistical and military anthropological research".

For citation: Zakharina E.A. The Memory of the Great Patriotic War in the Memorial Space of Rostov-on-Don in the Late 1940s and Early 1950s. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):65-71. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

О проблеме увековечивания событий Великой Отечественной войны как в советский, так и в постсоветский периоды не раз в своих выступлениях говорили государственные деятели. Одной из первых вопросов сохранения памяти о войне подняла Т. М. Зуева – председатель Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете министров РСФСР на открытии республиканского совещания по обсуждению вопросов культурно-просветительской работы в Москве 25 августа 1945 г. В своем выступлении она подчеркивала необходимость создания «большого народного советского праздника» [1, с. 8]. Главную роль в работе «по воспитанию патриотического чувства, по созданию в народе гордости» [1, с. 8] Т. М. Зуева отводила мемориальным музеям и памятникам, посвященным великим событиям и великим людям, героям Отечественной войны [1, с. 8].

Тема сохранения памяти о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону и Ростовской области впервые была затронута в книге В. И. Андрианова и А. Г. Терещенко, где приводился обзор существующих мемориалов и музеев области [2]. В 1975 г. был опубликован сборник «Мужество остается в веках» – результат работы областной научно-методической конференции по использованию памятников и памятных мест боевой славы в воспитании советского патриотизма [3]. О роли ростовского регионального отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) в системе охраны памятников истории и культуры в Ростовской области писала О. В. Семенова [4]. В. И. Афанасенко рассматривал на примере Ростовской области как традиционные советские практики мемориализации событий Великой Отечественной войны, так и новые практики, зародившиеся в постсоветское время [5]. Различные вопросы сохранения памяти о Великой Отечественной войне в мемориальном и символическом пространстве юга России в своих публикациях затрагивал Е. Ф. Кринко [6–11].

Рассмотрим начальный этап увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в мемориальном пространстве Ростова-на-Дону. Хронологически рамки исследования охватывают послевоенный период 1945–1953 гг. до конца правления Сталина. Именно в это время происходило зарождение привычных для советских людей форм и практик сохранения памяти о Великой Отечественной войне.

Основой для исследования стали неопубликованные документы Государственного архива Ростовской области, извлеченные из фонда Р-4096 Городского управления культуры исполкома Ростовского городского Совета депутатов трудящихся. Документы представляют собой ежегодные отчеты, годовые планы работы, межведомственную переписку, информационные справки, проливающие свет на деятельность государственных органов в деле со-

хранения памяти о Великой Отечественной войне в Ростове-на-Дону в советский период. Также использовались материалы архива Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области, представляющие собой охранные обязательства на объекты культурного наследия. С помощью этих источников можно проследить детальную историю отдельных памятников.

Вопросами сохранения памяти о Великой Отечественной войне в Ростове-на-Дону в этот период занимался отдел культурно-просветительной работы. Такие отделы были созданы в феврале 1945 г. при исполнительных комитетах краевых, областных, городских Советов депутатов трудящихся. В их подчинении находились библиотеки, музеи, клубы, дома культуры, лекционные бюро, парки культуры и отдыха. В марте 1953 г. были образованы отделы культуры исполкомов районных и городских Советов депутатов трудящихся [12, с. 321–322].

Отдел культурно-просветительной работы руководствовался указаниями Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров РСФСР [13, л. 30–31], Ростовского-на-Дону горкома партии и исполкома депутатов трудящихся [13, л. 28].

Первые памятники, посвященные военным событиям, в Ростове-на-Дону стали появляться еще во время войны, после освобождения города от оккупантов. На местах захоронений устанавливались небольшие четырехгранные обелиски, увенчанные пятиконечной звездой или без нее. Как правило, они создавались из недолговечных материалов. В виде исключения мемориалы в этот период могли устанавливаться не только на могилах, но и в символически значимых местах. Например, в мае 1943 г. на Театральной площади состоялась митинг жителей города, на котором было принято решение об установке памятника воинам-освободителям. В первую годовщину освобождения Ростова-на-Дону, в феврале 1944 г., там был заложен обелиск из черного мрамора [14].

По окончании войны перед городом стала проблема учета и сохранения появившихся памятников, а также обозначения памятными знаками не отмеченных ранее мест захоронений воинов и мирных жителей. Согласно постановлению Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР от 18 февраля 1946 г. № 405-165-с «О благоустройстве могил воинов Советской Армии и партизан, погибших в боях ВОВ 1941–1945 гг. и надзора за их состоянием» [15, л. 17], с конца 1940-х гг. началась работа по учету и паспортизации исторических и археологических памятников Ростова-на-Дону.

По итогам первого учета в городе было выявлено 39 памятников, из них 25 братских могил воинов Советской армии, партизан и мирных жителей, погибших в период Великой Отечественной войны, 13 индивидуальных обелисков на могилах офицеров, в том числе индивидуальный обелиск на могиле неизвестного солдата и один обелиск, установленный вне места какого-либо захоронения на Театральной площади. Как правило, самые первые памятники над братскими могилами и отдельными захоронениями советских военнослужащих устанавливались по инициативе командования. Это не касалось гражданских захоронений, только в информации об одном памятнике из этого списка указано на то, кто был инициатором его установки. В Змиевской балке – месте уничтожения мирного населения Ростова-на-Дону был установлен памятник в виде обелиска из бетона, высотой 2,8 м, стоимостью 5000 рублей. Обелиск был воздвигнут по указанию Ростовского горсовета 25 мая 1943 г. [16, л. 15].

Самое большое количество памятников располагалось в Кировском районе города: 10 – на Братском кладбище и 5 – на площади С.М. Кирова. 7 памятников находилось в Железнодорожном районе, 5 – в Орджоникидзевском, 4 – в Пролетарском, 3 – в Ленинском и 2 – в Сталинском районах города. Список содержит отдельный столбец, указывающий на оценку состояния памятника, приводится описание дефектов могилы. 2 могилы из списка не имели на тот момент надмогильных знаков, а 3 – ограждений, на 2 могилах были сформированы надмогильные холмы [17, л. 47]. Состояние 4 памятников оценивалось комиссией как плохое [16]. Стоит отметить, что сам список содержит дублирование и орфо-

графические ошибки. Памятники из этого списка в основном устанавливались в экстренном порядке, и за сохранностью и состоянием могил до 1946 г. почти никто не следил.

Следующие списки памятников были составлены в 1949 и 1953 гг. [18, 19]. Однако второй список копирует первый. В них в отличие от перечня памятников 1946 г. нет специальной графы, указывающей на сохранность памятника, не всегда приводится описание памятного знака или вообще упоминание о его наличии или отсутствии на могилах и памятных местах. Видимо, составители списка больше не ставили своей главной целью оценить состояние памятников и просто отметили все наиболее значимые места, относящиеся к истории Великой Отечественной войны в городе. По итогам уже этой проверки в городе насчитывалось 42 памятных объекта, из них 23 братские могилы, 4 памятных места, 5 обелисков, 10 мемориальных досок.

По сравнению со списком 1946 г. увеличилось общее количество памятников, однако число одиночных и братских могил сократилось. Связано это в первую очередь с перезахоронением одиночных и укрупнением братских могил. Например, в 1953 г. Управление музеев при Министерстве культуры РСФСР просит руководителей региональных отделений обратить внимание на то, что в связи с перезахоронением одиночных погребений в братские могилы списки погребенных не соответствуют действительности [15, л. 10].

В Кировском районе насчитывалось 19 памятников, 7 из них на Братском кладбище, 12 – на территории Железнодорожного района, 4 – в Пролетарском, 3 – в Орджоникидзевском и 2 – в Сталинском районах города. Сравнивая эти данные с результатами первого учета, можно отследить, что основной перенос братских и одиночных могил происходил на территорию Братского кладбища в Кировском районе [18, 19].

В списках появилось упоминание о новом виде исторических памятников – это места, где происходили события, связанные с Великой Отечественной войной. Например, в списке приводятся места расстрела ростовчан на углу улицы Верхнелыжной в ноябре 1941 г., укреплений Красной Армии на Зеленом острове, боя батальона Мадояна, боев полка народного ополчения [18, 19].

Новыми формами увековечивания памяти по сравнению с предыдущим списком были и мемориальные таблички. Согласно приказу командования Черноморского флота, они были установлены на 7 кораблях, принимавших участие в военных действиях и оставшихся после войны в Ростовском порту [18, 19].

Для сохранения памятников использовалась практика института шефства над мемориальными объектами. Например, 1 мая 1949 г. по инициативе парторганизации и дирекции завода № 168 был сооружен памятник с мемориальной доской на братской могиле 4000 советских воинов, замученных оккупантами в Гросс-лазарете 192 [18, л. 48]. Братская могила находилась на территории завода № 168, рядом с территорией артиллерийского училища. В послевоенное время над мемориалом взяли шефство Ростовское артиллерийское училище и вертолетный завод [20]. На этом месте осуществлялись коммеморативные практики: «Там проводились посвящения в пионеры, чествования ветеранов. Естественно, училище за забором, принимали присягу курсанты там» [21].

Этот пример не единственный, уже к 1950 г. и другие захоронения стали местом официальных коммеморативных практик. По инициативе Пролетарского райкома комсомола Ростова-на-Дону ежегодно в годовщину победы митинг проходил на братской могиле советских воинов, погибших в боях за освобождение города [17, л. 79].

Согласно отчетам отдела культпросветработы, в конце 1950 г. по Ростову-на-Дону было отремонтировано и исправлено 18 обелисков и надмогильных холмов на могилах советских воинов, а также установлено 4 мемориальные доски, 3 надмогильных памятника из гранита и бетона. Проверка Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР в 1950 г. выявила ряд существенных проблем: деформация некоторых могил, отсутствие надмогильных знаков и надписей, отсутствие ограждений, не на все могилы имелись паспорта и были заключены охранные обязательства [17, л. 78].

С 1951 г. зоны ответственности за сохранение памятников Великой Отечественной войны были перераспределены. Функцию благоустройства братских могил в общественных местах, садах, парках, скверах и площадях стал осуществлять городской отдел благоустройства, на кладбищах города – трест похоронного обслуживания, входивший в городской отдел благоустройства. Охраной и благоустройством остальных братских могил воинов в каждом отдельно взятом районе города стали заниматься райисполкомы [13, л. 14].

В 1951 г. была проведена очередная проверка, на благоустройство и озеленение в этот раз было израсходовано 12,3 тыс. р. из средств местного бюджета [13, л. 60]. В отчете треста похоронного обслуживания за 1952 г. сообщается, что «на уход, ремонт и содержание воинских и братских могил и памятников трестом израсходована сумма 48 000,00 рублей, в том числе изготовлен и установлен гранитный памятник 36 воинам, погибшим в период Отечественной войны 1941–1945 г. и похороненным на Пролетарском кладбище» [15, л. 16].

В планах на 1953 г. речь шла об установке будущего масштабного мемориала, посвященного освобождению города от захватчиков. В связи с первой десятилетней годовщиной освобождения Ростова-на-Дону исполнительный комитет Ростовского-на-Дону городского Совета депутатов трудящихся решил поручить главному архитектору города Я.А. Ребайну рассмотреть вопрос о возможности проектирования памятника советским воинам, павшим в боях за освобождение Ростова-на-Дону в феврале 1943 г. на Театральной площади. В 1953 г. Ростовским союзом архитекторов был инициирован первый городской конкурс на разработку проекта памятника. Однако открытие его состоялось лишь в 1983 г. [14]. В ряду других задач в этот период стояло благоустройство захоронений в парке им. Фрунзе, Змиевской балке, поселке Каменка [15, л. 17].

Первые 10 лет по окончании оккупации Ростова-на-Дону и 8 лет после Великой Отечественной войны можно охарактеризовать как время, когда начинали зарождаться традиционные формы советской коммеморации. Работу по увековечиванию памяти о погибших во время Великой Отечественной войны инициировали в первую очередь власти из союзного центра. Первые годы после оккупации памятники не всегда получали должный уход или изначально не были обозначены надлежащим образом. Поэтому эти вопросы относились к первоочередным задачам. Необходимо было документально оформить захоронения, провести учет, паспортизацию и организовать дальнейший уход за ними. Параллельно с этим шел перенос индивидуальных могил на городские кладбища в общие захоронения погибших во время Великой Отечественной войны. Первые предложения по созданию масштабных проектов, направленных на увековечивание памяти в формах, не связанных с надмогильными памятниками, впервые появились в 1949 г., однако в послевоенный период они так и не были реализованы.

Список источников

1. Габович М.Е. Памятник и праздник: этнография Дня победы / под ред. М. Габовича. СПб. : Нестор-История, 2020. С. 8–26.
2. Андрианов В. И., Терещенко А.Г. Донские памятники. Ростов н/Д. : Книжное изд-во, 1981. 176 с.
3. Мужество остается в веках: памятники боевой славы Дона : материалы конф. / под ред. Д.Г. Павлова. Ростов н/Д. : Книжное изд-во, 1975. 127 с.
4. Семенова О.В. Ростовское региональное отделение ВООПИиК в системе охраны памятников истории и культуры: основные этапы и содержание деятельности // Русская старина. 2018. № 1. С. 5–16.
5. Афанасенко В.И. Практики мемориализации военной истории Дона периода Великой Отечественной войны и послевоенных конфликтов: тенденции и формы // Русская старина. 2017. № 8 (1). С. 68–78.
6. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. «Причем здесь мемориал?» 9 мая 2013 г. на Театральной площади в Ростове-на-Дону // Памятник и праздник: этнография Дня победы / под ред. М. Габовича. СПб. : Нестор-История, 2020. С. 152–183.

7. Кринко Е.Ф. Память о войне в мемориальной культуре Юга России // Проблемы и перспективы социально-экономического и научно-технологического развития южных регионов : материалы Всерос. науч. конф. Ростов н/Д. : ЮНЦ РАН, 2009. С. 156–159.
8. Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. Памятник на площади: жизнь в тени праздника // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. № 3. С. 27–35.
9. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нацистроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д. : ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.
10. Кринко Е.Ф., Медведев М.В., Стегленко Е.В. Институционализация памяти о Великой Отечественной войне на Дону и Северном Кавказе в 2000-е гг. // Научная мысль Кавказа. 2020. № 1. С. 42–49.
11. Захарина Е.А., Кринко Е.Ф. Трагедия советских военнопленных в мемориальной культуре Юга России // Научная мысль Кавказа. 2021. № 1. С. 53–60.
12. Циклилин В.А. История госучреждений СССР. Ч. 2: 1936–1965. М., 1966. 358 с.
13. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 26.
14. Архив Комитета по охране объектов культурного наследия Ростовской области. Охранное обязательство № 187-08 на пользование объектом культурного наследия.
15. ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 56.
16. ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 1.
17. ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 19.
18. ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 54.
19. ГАРО. Ф. Р-4096. Оп. 1. Д. 55.
20. Полевые материалы автора. Респондент Стасюк Александр Павлович, заместитель председателя ростовского городского клуба ветеранов и молодежи «Патриот». Ростов-на-Дону, 25 сентября 2020 г. Интервьюеры Е. А. Захарина, Е. Ф. Кринко.
21. Полевые материалы автора. Респондент Шмыгаль Игорь Анатольевич – член Ростовского регионального отделения Общероссийского общественного движения по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества «Поисковое движение России», создатель Книг памяти в Ростовской области. Ростов-на-Дону, 20 августа 2020 г. Интервьюеры Е. А. Захарина, Е. Ф. Кринко.

References

1. Gabovich M.E. *Monument and celebration: the ethnography of Victory Day*. M. Gabovich (Ed.). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2020:8-26. (In Russ.).
2. Andrianov V.I., Tereshchenko A.G. *Don monuments*. Rostov-on-Don: Book Publishing; 1981. 176 p. (In Russ.).
3. *Courage remains in the ages: monuments of the battle glory of the Don*. D.G. Pavlov (Ed.). Rostov-on-Don: Book Publishing; 1975. 127 p. (In Russ.).
4. Semenova O.V. Rostov Regional Branch of the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture in the system of protection of historical and cultural monuments: the main stages and content of activities. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. 2018;(1):5-16. (In Russ.).
5. Afanasenko V.I. Practices of memorialisation of the military history of the Great Patriotic War and post-war conflicts at the Don: trends and form. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. 2017;(8):68-78. (In Russ.).
6. Krinko E.F., Khlynina T.P. "What does the memorial have to do with it?" May 9, 2013 on Teatralnaya Square in Rostov-on-Don. *Monument and celebration: the ethnography of Victory Day*. M. Gabovich (Ed.). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ.; 2020:152-183. (In Russ.).
7. Krinko E.F. Remembrance of war in the memorial culture of southern Russia. *Problems and prospects of socio-economic and scientific-technological development of Southern regions: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center Press, Russian Academy of Sciences; 2009:156-159. (In Russ.).
8. Krinko E.F., Khlynina T.P. Monument in the square: living in the shadow of a holiday. *Sovremennye problemy servisa i turizma = Service and Tourism: Current Challenges*. 2014;(3):27-35. (In Russ.).

9. Khlynina T.P., Krinko E.F. *History, politics and nation-building in the North Caucasus*. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center Press, Russian Academy of Sciences; 2014. 434 p. (In Russ.).
10. Krinko E.F., Medvedev M.V., Steglenko E.V. Institutionalising the memory of the Great Patriotic War in the Don and North Caucasus in the 2000s. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2020;(1):42-49. (In Russ.).
11. Zakharina E.A., Krinko E.F. The tragedy of Soviet prisoners of war in the memorial culture of Southern Russia. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2021;(1):53-60. (In Russ.).
12. Tsikulin V.A. *History of the USSR state institutions. Ch. 2: 1936-1965*. Moscow, 1966. 358 p. (In Russ.).
13. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 4096. In. 1. File 26. (In Russ.).
14. *Archive of the Committee for Protection of Cultural Heritage Objects of the Rostov Region*. Protection Obligation No. 187-08 for the use of a cultural heritage object. (In Russ.).
15. *SARR*. Fund 4096. In. 1. File 56. (In Russ.).
16. *SARR*. Fund 4096. In. 1. File 1. (In Russ.).
17. *SARR*. Fund 4096. In. 1. File 19. (In Russ.).
18. *SARR*. Fund 4096. In. 1. File 54. (In Russ.).
19. *SARR*. Fund 4096. In. 1. File 55. (In Russ.).
20. *The author's fieldwork*. Respondent Stasiuk Aleksandr Pavlovich, Deputy Chairman of the Rostov City Club of Veterans and Youth "Patriot". Rostov-on-Don, September 25, 2020. Interviewers E.A. Zakharina, E.F. Krinko.
21. *The author's fieldwork*. Respondent Shmygal Igor Anatolyevich, member of the Rostov Regional Branch of the All-Russian Public Movement to Commemorate Those Who Perished in Defence of the Fatherland "The Searching Movement of Russia", creator of Memory Books in the Rostov Region. Rostov-on-Don, August 20, 2020. Interviewers E.A. Zakharina, E.F. Krinko.

Информация об авторе

Е.А. Захарина – аспирант, Институт истории и международных отношений.

Information about the author

E.A. Zakharina – Postgraduate, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 26.01.2022; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 15.12.2021; approved after reviewing 26.01.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 281.9+93/94

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-72-81

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКИЕ ШКОЛЫ В 60–80-е ГОДЫ XIX ВЕКА: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ В СВЯЗИ С ИЗМЕНЕНИЯМИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ НАЧАЛЬНОГО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДОНСКОЙ И НОВОЧЕРКАССКОЙ ЕПАРХИИ)

Наталья Владимировна Федорова^{1✉}, Андрей Александрович Мекушкин²,
Алексей Валерьевич Авдеев³

^{1, 2, 3} Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ fnavl@mail.ru✉

² andrey.mekushkin@icloud.com

³ lesha61@gmail.ru

Аннотация. Отражаются результаты анализа законодательства и архивных документов 60–80-х гг. XIX в., который позволил связать изменение числа «безмездных училищ» при церквях (церковно-приходских школ) Донской епархии с определенными изменениями в общегосударственной и региональной политике, как непосредственно направленными на систему начального образования, так и опосредованно влияющими на ее развитие. Недолгий рост числа «безмездных училищ» при церквях в начале 1860-х гг. совпадает с усилением административного нажима на причты церквей со стороны духовных властей, которые вслед за светскими властями обязывали духовенство организовывать школы для детей прихожан. Сокращение числа церковно-приходских школ с 1863 г. вплоть до почти полного их исчезновения к концу 1870-х гг. – результат прежде всего активной деятельности Войска Донского по открытию училищ, которые вытесняли церковно-приходские школы, а также ослабление требований к причтам со стороны церковных иерархов относительно их участия в организации «безмездных училищ». Духовенство, обремененное многочисленными внебогослужебными обязанностями, не получавшее регулярной финансовой поддержки, с трудом выполняло обязанности по организации училищ при церквях. Показано также, что в царствование Александра III церковно-школьное дело вновь получило импульс к развитию, и с 1884 г. число церковно-приходских школ в Донской епархии снова начинает расти.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Донская епархия, церковный приход, начальные народные училища, церковно-приходские школы

Для цитирования: Федорова Н.В., Мекушкин А.А., Авдеев А.В. Церковно-приходские школы в 60–80-е годы XIX века: динамика численности в связи с изменениями политики в сфере начального народного образования (на примере Донской и Новочеркасской епархии) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 72–81.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

**PARISH SCHOOLS IN THE 1860-1880s: THE DYNAMICS
OF THE NUMBER IN CONNECTION WITH CHANGES IN POLICY
IN THE FIELD OF PRIMARY PUBLIC EDUCATION
(ON THE EXAMPLE OF THE DON AND NOVOCHERKASSK DIOCESE)**

Natalia V. Fedorova^{1✉}, Andrey A. Mekushkin², Alexey V. Avdeev³

^{1, 2, 3} Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

¹ fnavl@mail.ru✉

² andrey.mekushkin@icloud.com

³ lescha61@gmail.ru

Abstract. The article reflects the results of the analysis of legislation and archive documents in the 1860-1880s, which made it possible to link the change in the number of “free schools” at churches (parish or parochial schools) of the Don diocese with certain changes in the national and regional policy, both directly aimed at the primary education system and indirectly affecting its development. A short-lived increase in the number of “free schools” at churches in the early 1860s coincides with the increasing administrative pressure on the clergy by the church authorities, who, following the secular authorities, obliged the clergy to organize schools for the children of parishioners. The reduction in the number of parochial schools from 1863 until their almost complete disappearance by the end of the 1870s was the result, first of all, of the activity of the Don Cossack Host, as well as the weakening of the requirements for the clergy from the church hierarchs regarding their participation in the organization of “free schools”. The clergy, burdened with numerous extra-liturgical duties and not receiving regular financial support, hardly carried out the organization of schools at churches. It is also shown that parish schools received impulses for development during the reign of Alexander III, and since 1884 the number of parish schools in the Don diocese began to grow again.

Keywords: Russian Orthodox Church, Don diocese, parish, primary public schools, parish schools

For citation: Fedorova N.V., Mekushkin A.A., Avdeev A.V. Parish Schools in the 1860-1880s: The Dynamics of the Number in Connection with Changes in Policy in the Field of Primary Public Education (On the Example of the Don and Novocherkassk Diocese). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):72-81. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Вопрос о народном образовании приобрел особую остроту в эпоху модернизации 60–70-х гг. XIX в. после освобождения крестьян от крепостной зависимости. Одни возлагали заботы о народном образовании на приходских священников, другие считали необходимым устранить духовенство от участия в этой деятельности [1]. Тем не менее указ Святейшего Синода от 26 июня 1861 г. о доставлении ежемесячных сведений об успехах в деле народного образования непосредственно способствовал быстрому распространению церковно-приходских школ, которые на данном этапе должны были действовать на основании определения Синода о первоначальном обучении поселянских детей Олонецкой губернии (от 3 сентября 1836 г.). В нем утверждалось, что начальное обучение «поселянских детей» – обязанность приходского духовенства, а осуществлять его предполагалось бесплатно в помещениях членов причта или в домашних условиях [2]. Началось массовое открытие «бездельных училищ» при церквях, форсируемое епархиальными властями, которые регулярно требовали от причтов «немедленно и с усердием озаботиться заведением таковых» [3,

л. 22]. Так, при приходских церквях Донской епархии к концу 1860 г. было 104 таких училища, в 1861 г. – 172, а в 1862 г. – 197 [4, л. 69; 5, л. 6; 6, л. 72].

Надо отметить, что современники задавались вопросом о том, был ли рост числа церковно-приходских школ, показываемый приходскими священниками и благочинными в отчетах, реальным или они существовали «в одних только благочиннических донесениях». Так, в соответствии с письмом товарища обер-прокурора Синода (руководившего также духовно-учебным управлением при Синоде) князя С.Н. Урусова наказному атаману генералу П.Х. Граббе от 6 июня 1863 г. окружные сыскные начальники и мировые посредники «негласным образом» провели проверки с целью «удостовериться о действительности существования... школ... в казачьих станицах и крестьянских селениях». Результаты проверок показали некоторое расхождение между сведениями, предоставленными Донской духовной консисторией, и данными о «действительно учащихся» в школах при церквях (табл. 1). Кроме того, атаман обратил внимание духовного ведомства на то, что во многих школах детей обучали наемные учителя либо причетники под наблюдением приходских священников, а не собственно священнослужители [7, л. 117–117 об.]. Однако еще 29 мая 1863 г. Донская духовная консистория предписала всем благочинным довести до сведения наставников безмездных училищ (имеются в виду представители духовенства), чтобы они «всегда и непременно» занимались с учениками сами, «ни под каким предлогом» не доверяя это сторонним лицам, а также «не увеличивали по ведомостям числа учеников», а показывали только тех, кто «точно обучаются у них грамоте» [7, л. 105–106]. А в 1864–1866 гг. рассматривалось дело по донесению члена Донской духовной консистории священника Иоакима Фесенкова обер-прокурору Синода, в котором он прямо утверждал, что «безмездных училищ при церквях Донской епархии нет», а консистория заботится лишь о том, чтобы в ведомостях об успехах народного образования фигурировала «большая цифра школ, а не самые школы». Тогда священник И. Фесенков не предоставил доказательств «несуществования» безмездных училищ в епархии, упомянув лишь одно, недействовавшее, по его сведениям, но показанное в ведомостях безмездное училище, – при Троицкой церкви станицы Качалинской. Это донесение консистория признала «лживым», поскольку в указанном училище занятия приостанавливались лишь временно в связи с сильным пожаром в станице [7, л. 76–81 об., 167–167 об.].

Таблица 1 / Table 1

Число церковно-приходских школ в Донской епархии и учащихся в них детей по сведениям духовного и гражданского ведомств за 1863 г. [7, л. 118–118 об.] / The number of parish schools in the Don diocese and their pupils in 1863 according to the data of the church and civil authorities

По сведениям	Число школ	Число учащихся						Всего
		Состоящих налицо		Выбывших в течение года				
				По окончании учения		До окончания учения		
		Мужского пола	Женского пола	Мужского пола	Женского пола	Мужского пола	Женского пола	
Донской ду- ховной конси- стории	176	2770	380	146	33	597	95	4021
Окружных сыскных начальников	173	2760	331	136	40	616	84	3967

В 1864 г. были утверждены два документа, значительно повлиявших на развитие церковно-школьного дела: «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» (1 января), которым к участию в деле народного образования привлечены земства, и «Положе-

ние о начальных народных училищах» (14 июля), предоставившее местному самоуправлению и частной инициативе простор в деле народного образования, а духовенству – право под наблюдением училищных советов заведовать церковно-приходскими школами, преподавать Закон Божий и другие предметы в народных школах, не подчиненных его ведению, наблюдать за религиозно-нравственным «направлением» обучения во всех начальных народных училищах. Деятельность Министерства народного просвещения в этой области ограничивалась согласованием действий других заинтересованных ведомств [8].

С 1863 г. число «безмездных училищ при церквях» Донской и Новочеркасской епархии начало сокращаться. По данным Донской духовной консистории, в 1863 г. таких школ было 176, в 1864 г. – 152, в 1866 г. – 106, в 1867 г. – 92 [7, л. 39 об.; 9, л. 72; 10, л. 9; 11, л. 5; 12, л. 16–19]. Факторы, влиявшие на развитие церковно-школьного дела в области Войска Донского в 1860–1870-е гг., довольно подробно изучались [13, 14]. Отметим, что на Дону земские учреждения введены были поздно – в 1875 г., а уже в 1882 г. прекратили свою деятельность. И если на территории внутренних епархий соперничество между земской и церковной школой развернулось остро еще с середины 1860-х гг. и способствовало сокращению числа начальных народных училищ, организуемых духовенством, то на Дону для такого соперничества не сложилось условий. С другой стороны, еще в начале 1860-х гг. Войско взяло начальное образование на свое попечение: на основании положения Военного совета, Высочайше утвержденного 9 сентября 1860 г., наказной атаман Войска Донского получил право открывать приходские училища в станицах (Церковь в их организации и содержании не участвовала, а слово «приход» в их наименовании имело лишь административный смысл) [15, л. 1–2 об.]. Это способствовало росту числа приходских училищ: в 1861 г. на Дону их было 47, в 1864 г. – 76, в 1867 г. – 104, в 1871 г. – 129, в 1875 г. – 137, в 1879 г. – 206 [13, с. 85]. По мере открытия новых приходских училищ в станицах, а затем и в хуторах церковно-приходские школы постепенно «уничтожились» – за ненадобностью [16, л. 1]. Еще одна существенная особенность области Войска Донского – сосуществование на ее территории казачьих поселений (станицы, хутора) и населенных пунктов с преимущественно крестьянским населением (слободы, поселки). Церковно-приходские школы дольше всего сохранялись в Миусском округе, на территории которого значительную часть населения составляли крестьяне, в связи с чем Войско не было заинтересовано в открытии здесь приходских училищ. Церковные школы или открываемые на средства крестьян сельские школы и школы грамоты долгое время были единственными начальными учебными заведениями в слободах и поселках.

Обращает на себя внимание также смешение церковно-приходских школ с крестьянскими (сельскими) школами, школами грамоты, характерное для отчетов и иных официальных документов после 1864 г. Если с детьми занимались священно- или церковнослужители (либо частные лица под наблюдением священников), если занятия проходили в церковных караулах, домах причта и т.п., если приходской священник «заботился» о школе, то сведения о таких училищах предоставлялись благочинными. Они же, в свою очередь, показывали эти училища «под именем безмездных» в ведомостях, подаваемых епархиальному начальству. В то же время школы, в которых преподавали лица, не входящие в состав причта приходской церкви (даже если они были наняты священнослужителями и от них получали плату за обучение детей), штатные смотрители училищ рассматривали их как сельские школы, не имеющие отношения к духовному ведомству [3, л. 4–19]. А иногда школы, организуемые духовенством в поселках и слободах, смотрители называли сельскими школами исключительно формально, как, например, школу при церкви Николая Чудотворца слободы Малчевской. Священник Василий Чуев разместил ее в своем доме, «много старался» для распространения грамотности в народе, сам безвозмездно обучал детей, за свой счет выписывал книги и пособия [3, л. 9].

В 1867 г. директор народных училищ Войска Донского С.С. Робуш передал наказному атаману сведения о состоянии сельских школ в Войске. По итогам осмотра школ штатными смотрителями училищ оказалось, что из 55 сельских школ только четыре – «в непосред-

ственном заведовании местных священников», в восьми-девяти школах священники «наставляли мальчиков в Законе Божием», остальные же находились «в полном распоряжении малограмотных учителей..., не имеющих никаких прав на звание учителей и нередко с сомнительной нравственностью». Учителями были крестьяне, мещане, отставные солдаты, унтер-офицеры, сельские и волостные писари, волостной фельдшер – бывший ученик второго класса Новочеркасской гимназии, жена поручика, уволенный из духовного звания и другие лица, не имеющие «свидетельств на звание учителя». Тем не менее, обращаясь к архиепископу Донскому и Новочеркасскому Платону (Городецкому), войсковой наказной атаман не просил, чтобы духовенство открывало школы при церквях, а лишь передавал мнение С.С. Робуша, с которым был солидарен.

С.С. Робуш отмечал, что духовенству, «так близко стоящему к народу», следовало бы «обратить внимание» на сельские школы, преподавать в них Закон Божий и принять «более живое участие» в управлении сельскими школами, а именно: «иметь влияние на выбор учителей, следить за занятиями в школах и содействовать школам снабжением книгами и учебными пособиями на счет родителей мальчиков» [7, л. 1–3]. Данное дело ярко иллюстрирует изменение роли, которая отводилась духовенству в сфере народного образования войсковыми властями и чиновниками Министерства народного просвещения. Уже не предполагалось, что представители духовенства будут непосредственными организаторами начального народного образования, однако желательным было их содействие. Это отражает тенденцию к постепенному переходу всех начальных училищ в ведение Дирекции училищ Войска Донского (т. е. Министерства народного просвещения), включая те, которые изначально были церковно-приходскими. Приходское же духовенство имело свои причины отстраниться от непосредственной организации начальных школ, которые емко высказаны, например, в рапорте Качалинского благочинного, протоиерея Василия Евсеева от 24 декабря 1880 г.: «...в течение настоящего года никто не занимался безмездным обучением прихожанских детей по отсутствию необходимых для этого помещений и за неимением средств на свой счет содержать вообще школы» [17, л. 7].

По данным Донской духовной консистории (с которыми, как показано выше, гражданские чиновники не всегда соглашались), при приходских церквях епархии в 1867 г. было 92 «безмездных училища», в 1872 г. – 25 церковно-приходских школ, в 1877 г. – 10 [18, л. 21; 12, л. 16–19; 19, л. 2–40].

С 1 января 1878 г. в области Войска Донского начало действовать «Положение о начальных народных училищах», утвержденное 25 мая 1874 г. [20]. Оно еще более сократило возможности для влияния духовного ведомства на начальное народное образование (табл. 2).

В 80–90-е гг. XIX в. правительство предприняло ряд шагов (в том числе и в области народного просвещения), направленных на ослабление влияния в обществе радикально-демократических и либеральных идей. Александр III считал, что Церкви необходимо вернуть доминирующие позиции в образовании, защитив тем самым традиционные нравственные устои. Царствование Александра III для церковно-приходской школы – период расцвета [22, с. 205].

В 1879 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой инициировал сбор сведений о существовавших в империи церковно-приходских школах. Попечитель Харьковского учебного округа обратился к Донской духовной консистории за перечнем всех церковно-приходских школ. Инспектору народных училищ было поручено осмотреть перечисленные в ответном отношении консистории 12 церковно-приходских школ Миусского округа и собрать на месте сведения о них. Инспектор не нашел оснований признавать эти «сельские начальные школы» церковно-приходскими. Священники в их деятельности не участвовали (учителей для школ нанимали сами сельские общества; только некоторые из этих школ помещались в церковных домах или караулах) [23, л. 50–52].

17 марта 1881 г. на заседании Комитета министров обсуждался вопрос о предоставлении духовенству возможностей для реального влияния на народную школу. Было высказано

мнение, что православное духовенство «ближе всего подходит под условия, соответствующие его назначению в качестве руководителя начальных училищ, чем учителя и учительницы народных школ» [цит. по: 24, с. 150].

Таблица 2 / Table 2

Сравнение базовых документов, регламентирующих деятельность церковно-приходских школ в 60–80-е гг. XIX в. [8, 21, 22] / Comparison of basic documents regulating the activities of parish schools in the 1860-1880s

Документ	Основная цель	Ключевые нововведения, исходящие из основной цели
«Положение о начальных народных училищах» 1864 г.	Достижение согласия между деятелями народного образования и устранение антагонизма между ведомствами народного просвещения и духовным	Создание для «заведования» всеми начальными народными училищами губернских и уездных училищных советов. Первые включали епархиальных архиереев (в качестве председателей), губернаторов, двух членов от губернских земских собраний, одного – от Министерства народного просвещения; вторые – членов от министерств народного просвещения, внутренних дел и от духовного ведомства, двух членов от уездного земского собрания и по одному члену от ведомств, содержащих народные училища
«Положение о начальных народных училищах» 1874 г.	Сосредоточение всех начальных народных училищ в ведении Министерства народного просвещения	Начальные училища, зависевшие от различных ведомств, были подчинены Министерству народного просвещения. Председателями в училищных советах стали губернские и уездные предводители дворянства. Духовное ведомство могло иметь по одному представителю в каждом из советов, самостоятельно открывать и закрывать учрежденные им начальные народные училища. Епархиальные архиереи наблюдали за преподаванием Закона Божия и «религиозно-нравственным направлением» обучения в начальных народных училищах. Преподавание Закона Божия было оставлено преимущественно (а не исключительно) за лицами духовного звания (последние могли быть учителями и по другим предметам – с позволения инспектора народных училищ, с годичным испытанием)
«Правила о церковно-приходских школах» 1884 г.	Возвращение духовному ведомству контроля над частью начальных учебных заведений, усиление влияния духовенства на народное образование	Зафиксировано, что к ведению духовного начальства относятся не только церковно-приходские школы, но и крестьянские школы грамотности. Преподавание Закона Божия – прямая обязанность священника либо диакона (в особых случаях, с разрешения епархиального архиерея, оно могло быть поручено членам клира или благонадежному учителю из мирян). Обучение в церковно-приходских школах ведут местные священники или другие члены причта (по соглашению); в особых случаях – утвержденные епархиальным архиереем учителя (под наблюдением священников). Непосредственное руководство школами возлагается на приходских священников. Епархиальные архиереи для «ближайшего руководства» школами назначают священников-наблюдателей. Для обсуждения вопросов, касающихся церковно-школьного дела, учреждается епархиальный училищный совет, председатель и члены которого избираются епархиальным архиереем из духовных и светских лиц, «преданных делу народного образования». На заседания приглашается (на правах члена) директор народных училищ

В 1882 г. была создана комиссия во главе с архиепископом Холмским и Варшавским Леонтием (Лебединским) (из представителей духовного ведомства, Министерства народного просвещения, земств), с мест запрашивались сведения об участии духовенства в деле

народного образования, о переходе церковно-приходских школ в земские. Тогда члены окружных училищных советов от духовного ведомства сообщили следующее:

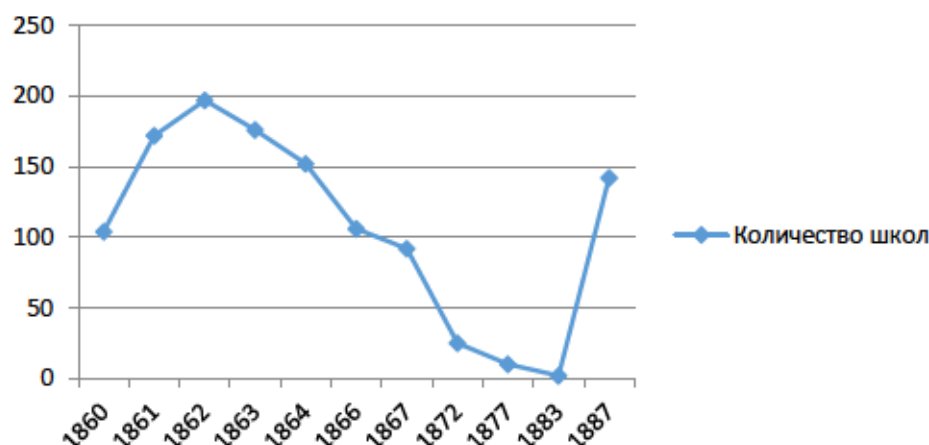
– по Хоперскому и Первому Донскому округам области Войска Донского: до введения земств в их округах церковно-приходских школ не было, а существовали только школы «общественные и правительственные, содержимые на капитал войска»;

– по Второму Донскому округу: церковно-приходские школы прекратили свое существование ранее открытия земских учреждений, кроме одной школы в хуторе Калаче, которая закрылась вследствие открытия в этом хуторе в 1877 г. земской школы. По остальным округам области Войска Донского члены училищных советов от духовного ведомства не сообщили, что им известно относительно перехода церковно-приходских школ в земские. Архиепископ Донской и Новочеркасский Митрофан (Вицинский) в отношении на имя обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева от 15 июня 1883 г. указал, что в Донской епархии существуют две церковно-приходские школы: в поселке Калиновском и слободе Степановке-Крынской (Миусский округ) [23, л. 50–52].

В русле положения о том, что первоначальное обучение детей и надзор за начальным народным образованием желательно предоставить духовенству, был выработан проект «Правил о церковно-приходских школах», утвержденный Александром III 13 июня 1884 г. Этот документ позволил сформировать тенденцию к расширению данного сектора народного образования. Согласно названным правилам, церковно-приходскими являлись школы, открываемые приходскими священниками или другими членами причта на средства прихода, с пособием от сельских обществ, казны или частных лиц. Общее руководство церковно-приходскими школами возлагалось на Училищный совет при Святейшем Синоде, на местах его осуществляли епархиальные училищные советы. Их руководство назначалось архиереями, а учителя определялись преимущественно из выпускников духовных учебных заведений. Прямое попечение о школах возлагалось на приходских священников [21]. Из сумм Государственного Казначейства были выделены средства для создания церковно-приходских школ, что отличает этот этап развития церковно-школьного дела от охарактеризованных выше, однако выделенных средств было недостаточно. Это влекло за собой дополнительные расходы со стороны духовенства [25, с. 213].

В жизни «восстановленной церковной школы» А.А. Кириллов различает два периода: первое десятилетие после издания вышеуказанных правил – период формирования организационных основ деятельности; последующие годы – время укрепления и развития церковной школы [24, с. 156]. Так, согласно ведомостям благочинных о школах, состоящих при приходских церквях, в 1887 г. в Донской и Новочеркасской епархии действовало уже 142 церковно-приходские школы. Из них одна открыта в 1876 г. (в поселке Калиновском Миусского округа), одна – в 1882 г. (в поселке Григорьевском Миусского округа), три – в 1883 г., 34 – в 1884 г., 48 – в 1885 г., 29 – в 1886 г., 8 – в 1887 г. (годы открытия восемнадцати школ не указаны). В 1887 г. церковно-приходские школы имелись во всех благочиниях епархии, кроме Аксайского. Также в ведении духовенства находились 22 крестьянские «школы грамотности» [26, л. 1–31].

Таким образом, в жизни церковной школы Донской и Новочеркасской епархии 60–80-х гг. XIX в. обозначаются три периода, отражающих изменения правительственной политики в отношении народного образования (рисунок): 1) короткий период бурного роста на заре 1960-х гг. (до 1862 г.); 2) постепенное сокращение до минимума числа училищ при церквях в 1863 – начале 1880-х гг. (в Донской епархии в 1881 г. было всего две церковно-приходские школы); 3) значительное увеличение числа церковно-приходских школ с 1884 г.

Динамика численности церковно-приходских школ в Донской и Новочеркасской епархии в 60–80-е гг. XIX в. (составлено автором по: [4–7, 9–12, 19, 20, 26]) / Dynamics of the number of parish schools in the Don and Novocherkassk diocese in the 1860–1880s (compiled by the author on: [4–7, 9–12, 19, 20, 26])

Государственная политика в сфере народного образования и деятельность Министерства народного просвещения, деятельность Войска по открытию приходских училищ в казачьих поселениях, введение на Дону земских учреждений и перевод школ, открытых духовенством в поселках и слободах, в разряд земских начальных училищ, отсутствие у духовенства материальных средств для поддержания деятельности церковно-приходских школ и недостаток времени для этого постепенно привели к устранению духовенства от непосредственного участия в деле народного образования (по сути – к упадку церковно-приходской школы в 70-е гг. XIX в.). Духовенство продолжило опосредованно участвовать в деле народного образования, преподавая Закон Божий во всех этих начальных учебных заведениях. В свою очередь, смена вектора государственной политики в области народного образования в царствование Александра III означала отход от «секуляризации» и возвращение Православной церкви доминирующей роли в сфере начального образования. И на Дону эти изменения также результировали активным ростом числа церковно-приходских школ.

Список источников

1. Зубанова С.Г. Православная Церковь России в XIX веке: социальный и духовно-культурный аспекты. М.: Союз, 1995. 162 с.
2. Указ Его императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода. 29 октября 1836 г. // Правила о церковно-приходских училищах православного духовного ведомства. СПб.: Синодальная типография, 1865. С. 1–3.
3. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 226. Оп. 2. Д. 5764.
4. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5118.
5. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5120.
6. ГАРО. Ф. 226. Оп. 1. Д. 5324.
7. ГАРО. Ф. 226. Оп. 19. Д. 106.
8. Положение о начальных народных училищах, 14 июля 1864 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3: Царствование императора Александра II, 1855–1864. СПб.: Типография Императорской академии наук. 1865. С. 1226–1234.
9. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5507.
10. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5758.
11. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5901.
12. ГАРО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 444.

13. Fedorova N.V. The development of parochial schools in the Don eparchy in the 1860s and 1870s in the context of the secularization of primary education // *Русская старина*. 2016. № 2 (18). С. 80–94.

14. Федорова Н.В. Социальное служение церковных приходов в сфере народного образования и просвещения в 60–70-е годы XIX века: на материалах документов Донской епархии. Ростов н/Д.: РГУПС, 2016. 209 с.

15. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 666.

16. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5759.

17. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 7562.

18. ГАРО. Ф. 226. Оп. 2. Д. 5763.

19. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 7036.

20. Положение о начальных народных училищах, 25 мая 1874 г. // *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. Т. 6. Царствование императора Александра II, 1874–1876. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878. С. 223–234.

21. Правила о церковно-приходских школах, Высочайше утвержденные 13 июня 1884 г. // *Московские церковные ведомости*. Отдел официальный. 1884. № 20. С. 73–75.

22. Зубанова С.Г. Социальное служение Русской православной церкви в XIX веке. М.: МГСУ, 2001. 352 с.

23. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 7820.

24. Кириллов А.А. К двадцатипятилетию существования на Дону восстановленной церковной школы // *Донская церковная старина*. Вып. 2. Новочеркасск: Частная Донская типография, 1909. С. 145–156.

25. Шадрин А.В. Общественная деятельность духовенства донской епархии конца XIX – начала XX в. // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 1 (39), ч. I. С. 212–215.

26. ГАРО. Ф. 226. Оп. 3. Д. 9010.

References

1. Zubanova S.G. *The Orthodox Church of Russia in the 19th century: social-spiritual and cultural aspects*. Moscow: Soyuz Publ.; 1995. 162 p. (In Russ.).

2. Decree of His Imperial Majesty, the Autocrat of All-Russia, from the Most Holy Governing Synod. October 29, 1836. *Rules on parochial schools of the Orthodox ecclesiastical department*. St. Petersburg: Synodal Printing House; 1865:1-3. (In Russ.).

3. *State Archive of the Rostov Region (SARR)*. Fund 226. In. 2. File 5764. (In Russ.).

4. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5118. (In Russ.).

5. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5120. (In Russ.).

6. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5324. (In Russ.).

7. *SARR*. Fund 226. In. 19. File 106. (In Russ.).

8. Regulations on primary public schools, July 14, 1864. *Collection of resolutions on the Ministry of Public Education*. Vol. 3. The reign of Emperor Alexander II, 1855-1864. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Press; 1865:1226-1234. (In Russ.).

9. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5507. (In Russ.).

10. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5758. (In Russ.).

11. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5901. (In Russ.).

12. *SARR*. Fund 358. In. 1. File 444. (In Russ.).

13. Fedorova N.V. The development of parochial schools in the Don eparchy in the 1860s and 1870s in the context of the secularization of primary education. *Russkaya starina = Russian Antiquity*. 2016;(2):80-94.

14. Fedorova N.V. *Social service of church parishes in the field of public education and enlightenment in the 60-70s of the 19th century: on the materials of documents of the Don diocese*. Rostov-on-Don: Rostov State Transport University Press; 2016. 209 p. (In Russ.).

15. *SARR*. Fund 46. In. 1. File 666. (In Russ.).

16. *SARR*. Fund 226. In. 2. File 5759. (In Russ.).

17. *SARR*. Fund 226. In. 3. File 7562. (In Russ.).

18. SARR. Fund 226. In. 2. File 5763. (In Russ.).
19. SARR. Fund 226. In. 3. File 7036. (In Russ.).
20. Regulations on primary public schools, May 25, 1874. *Collection of resolutions on the Ministry of Public Education*. Vol. 6. The reign of Emperor Alexander II, 1874-1876. St. Petersburg: Printing House of V.S. Balashev, 1878:223-234. (In Russ.).
21. Rules on parochial schools, Most highly approved on June 13, 1884. *Moskovskie tserkovnye vedomosti. Otdel ofitsial'nyi = Moscow Church Bulletin. Official department*. 1884;(20):73-75. (In Russ.).
22. Zubanova S.G. *Social service of the Russian Orthodox Church in the 19th century*. Moscow: Moscow State University of Civil Engineering Press; 2001. 352 p. (In Russ.).
23. SARR. Fund 226. In. 3. File 7820. (In Russ.).
24. Kirillov A.A. To the twenty-fifth anniversary of the existence of the restored church school on the Don. *Don Church antiquity*. Novocherkassk: Private Don Printing House; 1909;2:145-156. (In Russ.).
25. Shadrina A.V. Don eparchy clergy's public activity of the end of the 19th - the beginning of the 20th century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2014;(1-1):212-215. (In Russ.).
26. SARR. Fund 226. In. 3. File 9010. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.В. Федорова – кандидат исторических наук, доцент кафедры лингвистики и иностранных языков.

А.А. Мекушкин – кандидат философских наук, доцент кафедры православной культуры и теологии.

А.В. Авдеев – магистрант кафедры православной культуры и теологии.

Information about the authors

N.V. Fedorova – Candidate of Science (History), Associate Professor of the Linguistics and Foreign Languages Department.

A.A. Mekushkin – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Orthodox Culture and Theology Department.

A.V. Avdeev – Master's Student of the Orthodox Culture and Theology Department.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 930.2

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-82-88

МЕМОРИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ В ЛИЦАХ: ГЕРОИ-ФРОНТОВИКИ БОЛЬШОЙ ЯЛТЫ

Мария Александровна Царина^{1, 2}

¹ Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского в г. Ялте, Ялта, Республика Крым, Россия

² Ялтинский историко-литературный музей, Ялта, Республика Крым, Россия
mari.tsarina@mail.ru

Аннотация. Актуальность. Рассматриваются мемуары из фондов Ялтинского историко-литературного музея, а именно фронтовые письма времён Великой Отечественной войны героев-фронтовиков Большой Ялты, в контексте таких отраслей современного исторического и гуманитарного знания, как микроистория и история повседневности. Демонстрируется междисциплинарная связь в изучении мемориальной (исторической) памяти и микроистории на конкретных примерах в виде представленных личных документов – фронтовых писем времён Великой Отечественной войны.

Цель работы – на основе полученной информации из фронтовых писем, хранящихся в фондах Ялтинского историко-литературного музея, показать их важность в развитии микроистории как современной и актуальной исторической дисциплины.

Задачи – рассмотреть и проанализировать информацию, содержащуюся в фронтовых письмах, демонстрирующую их теоретическую и практическую значимость для исторической науки как дополнительных источников информации по Великой Отечественной войне; обозначить важность данной информации для гуманитарных дисциплин «микроистория» и «история повседневности».

Методология. В процессе работы использовались следующие методы исследования: анализ, синтез, аналогия и обобщение.

Результаты. Разработка данной проблемы доказывает перспективность таких современных направлений, как микроистория и история повседневности, в изучении истории как науки, помогает увидеть новые возможности в изучении «истории повседневности» на основе конкретных персоналий времён Великой Отечественной войны. Так, исследование фронтовых писем, написанных героями Великой Отечественной войны, помогает нам взглянуть на некоторые исторические факты с иной стороны, тем самым изучив предмет более детально и объёмно. В том числе полученные исторические данные и детали являются особым дополнением в истории освобождения Крыма от фашистских захватчиков.

Вывод. Таким образом, фронтовые письма являются ценнейшим научным источником информации, демонстрирующим нам важные детали в контексте таких дисциплин, как «микроистория» и «история повседневности». Так, личная история героя-фронтовика становится существенным дополнением в изучении истории освобождённого города (Ялты) и в целом показывает новые перспективные направления в изучении «истории повседневности» с другой стороны, а именно на конкретных исторических личностях, которые были активными участниками значимых событий. В научный оборот введены новые документы из фондов Ялтинского историко-литературного музея. Задаётся новое направление в междисциплинарном (комплексном) и многостороннем изучении мемориальной памяти в русле таких гуманитарных дисциплин, как «микроистория» и «история повседневности».

Ключевые слова: Ялтинский историко-литературный музей, Великая Отечественная война, мемуары, воспоминания, память, историческая память, микроистория, история повседневности, мемориальная память, коллективная память, культурная память, национальная память

Для цитирования: Царина М.А. Мемориальная память в лицах: герои-фронтовики Большой Ялты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 82–88.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

MEMORY STUDIES IN FACES: HEROES-VETERANS OF BIG YALTA

Maria A. Tsarina^{1,2}

¹ Humanities and Education Science Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Yalta, Republic of Crimea, Russia

² Yalta Historic and Literature Museum, Yalta, Republic of Crimea, Russia
mari.tsarina@mail.ru

Abstract. Relevance. The article considers memoirs from the funds of the Yalta Historical and Literary Museum, namely, letters from the front during the Great Patriotic War of the heroes of the front-line Big Yalta, in the context of such branches of modern historical and humanitarian knowledge as microhistory and history of everyday life. The interdisciplinary connection in the study of memorial (historical) memory and microhistory is demonstrated using specific examples in the form of submitted personal documents, namely, front-line letters from the times of the Great Patriotic War.

The purpose of the work is to show their importance in the development of microhistory as a discipline on the basis of the information received from the front letters stored in the funds of the Yalta Museum of History and Literature.

Objectives: to consider and analyze the information contained in the front letters, thereby demonstrating their theoretical and practical significance for historical science as additional sources of information on the Great Patriotic War. To indicate the importance of this information for such humanitarian disciplines as “Microhistory” and “History of everyday life”.

Methodology. In the process of working on the study, the following research methods were used: analysis, synthesis, analogy and generalization.

Results. The development of this problem proves the promise of such modern trends as microhistory and history of everyday life in the study of history as a science. This work helps to see new opportunities and study the history of everyday life on the basis of specific personalities during the Great Patriotic War. So, the study of front-line letters written by the heroes of the Great Patriotic War helps us to look at some historical facts from a different perspective, thereby studying the subject in more detail and volume. In particular, the obtained historical data and details are a special addition to the history of the liberation of Crimea from the fascist invaders.

Conclusion. Thus, letters from the front are a valuable scientific source of information, showing us important details in the context of such disciplines as “Microhistory” and “History of everyday life”. The personal history of a front-line hero becomes a significant addition to the study of the history of the liberated city (Yalta) and, in general, shows new promising directions in the study of the history of everyday life on the other hand, namely, on specific historical personalities who were active participants in significant events. In this study, we directly introduce new documents into scientific circulation, namely the presented memoirs of the heroes - front-line soldiers of Big Yalta, from the funds of the Yalta Historical and Literary Museum. This scientific research sets a new direction

in the interdisciplinary (complex) and multilateral study of memorial memory in the mainstream of such humanitarian disciplines as "Microhistory" and "History of everyday life".

Keywords: Yalta Historical and Literary Museum, Great Patriotic War, memoirs, memories, memory, historical memory, microhistory, history of everyday life, memorial memory, collective memory, cultural memory, national memory

For citation: Tsarina M. A. Memory Studies in Faces: Heroes-Veterans of Big Yalta. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):82-88. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

Мемориальная (историческая) память тесно связана с различными научными дисциплинами и имеет междисциплинарный характер. Изучая личные документы героев-фронтовиков Большой Ялты в контексте микроистории, следует обозначить период возникновения такого направления, как история повседневности.

Рассматривая историографию зарождения и развития микроистории и истории повседневности как научных дисциплин, следует отметить начало XX в., когда многие исследователи стали активно заниматься изучением данной проблематики. В основу концепции вышеобозначенных направлений легли научные положения ученых прошлого. Среди них Й. Хейзинга (школа «Анналов»), который заложил историческую линию в этих направлениях; свой вклад в изучении этой проблемы внесли и французские ученые М. Блок и Л. Февр.

М. Вебер, Г. Зиммель, Дж. Г. Мид, Г. Блумер, У. Томас, Ф. Знанецкий, А. Шюц, Н. Элиас, в свою очередь, проложили социологическую линию в изучении данных направлений, а философской стороной и проблемой занялись Э. Гуссерль, К. Леви-Стросс, М. Фуко, и др.

Таким образом, сегодня, в эпоху постмодернистского интереса к языку и к образам «другого», их идеи оказались востребованы.

Методология

В качестве источников использовались документы времён Великой Отечественной войны, а именно мемуары героев-фронтовиков Большой Ялты из фондов Ялтинского историко-литературного музея. Методологическим основанием данной работы явились принципы объективности, историзма, детерминизма, конкретности, альтернативности, системности.

Результаты и их обсуждение

В фондах Ялтинского историко-литературного музея хранятся уникальные документы и предметы времён Великой Отечественной войны. В группе хранения «документы» и «фондокументы» к концу 2020 г. насчитывалось 10 797 единиц хранения. Это уникальные письма, открытки, почтовые конверты, грамоты и т.д. Сюда же относятся и фондокументы, содержащие звуковую информацию. Все они являются ценнейшими источниками информации, помогающими нам восстановить историческую правду и многие недостающие детали, касающиеся важных событий прошлого.

В фондах музея хранятся уникальные личные документы (письма), предметы и свидетельства участников Великой Отечественной войны, героев-фронтовиков Большой Ялты: фронтовые письма и награды Васильева Александра Мефодьевича (17.11.1911–17.05.1986), который участвовал в освобождении Севастополя в 1944 г., и Говорова Ивана Павловича, принимавшего участие в освобождении Ялты в апреле 1944 г. Эти источники отражают исторические события прошлого в контексте личной истории её непосредственных участников.

Сегодня вопрос о субъективности в исторической науке является одной из самых актуальных проблем гуманитарных дисциплин. Так, изучение микроистории в контексте исторической, мемориальной памяти (memory studies) может быть полезно для более глубокого анализа событий прошлого.

Микроистория – направление, которое исследует историю через жизнь определенной личности в некий исторический период (в контексте войны, революции или иной кризисной жизненной ситуации). Связь микроистории (история повседневности) с мемориальной памятью очевидна. Предметом изучения истории повседневности является реальность, которая интерпретируется личностью особым образом, при этом имея определенную субъективную значимость и далее вписываясь уже в контекст цельного жизненного мира.

Цель микроистории – комплексное и многостороннее исследование этой реальности, жизненного мира конкретных людей, принадлежащих к абсолютно разным социальным группам, откуда же входит изучение их эмоциональных реакций и поведения на различные внешние события.

Фронтовые письма времён Великой Отечественной войны выступают в роли особых документов военных лет. Они не просто отражают события прошлого, не только хранят память о тех днях, но и передают те чувства, которые испытывал человек, переживая данные события. Письма с фронта имели огромное значение для тех, кто их ждал, вселяли надежду, что писавший жив. В них отражены не только исторические факты и события, но и они содержат творческие произведения собственного сочинения (художественная литература), стихотворения, признания, слова, полные любви к своим близким, и мечты о послевоенном счастье. Письма с фронта помогают нам задуматься о прошлом, сделать правильные выводы и научиться ценить то, что так дорого нашему сердцу.

В фондах музея хранятся памятные письма с фронта, написанные когда-то рукой Васильева Александра Мефодьевича – солдата-фронтовика, жителя Ялты. Они были переданы музею его дочкой Марианной Зимовейской, до того бережно хранившей их как дорогую реликвию, бесценную не только для семьи, но и для новых поколений. Письма отражают особую семейную атмосферу, веру и надежду на лучшее будущее. Из рассказа дочери нам стали известны некоторые биографические данные из его жизни.

Васильев Александр Мефодьевич родился в Ленинграде. На фронт ушел в самом начале войны. Поезд с беженцами, среди которых были жена и дочь, немцы разбомбили. Марианне было года четыре, но на всю жизнь она запомнила, как они с матерью выпрыгнули из поезда в пшеницу. Потом добрались до Челябинска. Мать устроилась на работу в эвакуационный госпиталь, размещенный в поезде, следовавшем за боевыми частями. Таким образом в сентябре 1945 г. семья Васильева оказалась в Крыму и обосновалась в Ялте.

Александр Мефодьевич служил в разведке, побывал в различных городах Советского Союза и Европы, в 1944 г. участвовал в освобождении Севастополя. Был награжден медалями «За взятие Кёнигсберга» и «За победу над Германией». После окончания Великой Отечественной войны жил со своей семьей в Ялте.

Кроме писем, М. Зимовейская передала музею награды своего отца. Теперь эти ценные исторические свидетельства хранятся в фондах музея.

Всего насчитывается тринадцать предметов. Сюда входят медали юбилейные, знаки нагрудные, две фотографии из семейного архива М.А. Зимовейской. На одной фотографии изображена семья Васильевых, на второй – жена Александра Мефодьевича – Валентина Никифоровна.

В одном из четырех писем, переданных музею, отец пишет о военной службе (25.04.1944 г.); второе адресовано дочери Марианне (29.07.1944 г.); в третьем он предается довоенным воспоминаниям (20.03.1944 г.); и последнее – из Бахчисарая (1944 г.).

В письме от 20.03.1944 г. Александр Мефодьевич сообщает, что не все письма доходят до него, жизнь не изменилась, думает о скорой встрече с семьей. Передаёт привет всем. Просит поцеловать за него дочь Марианну [1].

В письме от 25.04.1944 г. он сообщает, что уже получил три письма ранее, но ответить сразу не мог, так как нет времени, много работы. Передает привет всем своим знакомым и очень хочет хоть одним глазком посмотреть на жену и дочь. Спрашивает, выучила ли дочь алфавит, обращается к ней с нежностью, дает добрые отцовские советы [2].

В письме от 29.07.1944 г. Александр пишет о своём самочувствии, что 24 июля получил сразу 10 писем. Рассказывает, что рядом с ним много людей из Ленинградской области. Передаёт привет своим знакомым. Просит жену писать чаще, особенно о Марианне, очень скучает по семье, хочет увидеться и услышать голоса дорогих ему людей [3].

Простой человек, солдат-фронтовик в письмах не скрывает чувства, которые испытывает к своим близким, к тем, с кем его разлучила война. Но и в трудной и опасной ситуации он способен стойко переносить все лишения ради победы и готов заплатить за нее любую цену.

В контексте микроистории мы воссоздаём атмосферу того времени, понимаем на ментальном, психологическом уровне то, что испытывал человек, побывавший в смертельной опасности, понимаем образ его мыслей и состояние в момент написания письма. Это не просто комплексное изучение исторических событий и их интерпретация, это – более объемное и целостное восприятие прошлого в призме рефлексии той личности, которая и продемонстрировала нам необходимый чувственно-эмоциональный порыв в данном письме, на основе чего и сделаны соответствующие выводы.

Фронтовые письма и предметы имеют документально-историческое значение и представляют собой отражение событий Великой Отечественной войны на судьбах простых людей. Благодаря данным предметам сохраняется память о семье Васильевых, члены и потомки которых в послевоенное время являются жителями г. Ялты.

В фондах музея хранится ещё один важный личный документ: это записка-обращение Ивана Павловича Говорова, помощника начальника штаба 244-го отдельного танкового полка. 30 мая 1943 г. он писал: «Товарищ! Если я лёг под пулей и снарядом врага, то помни: в моей груди жестокая месть к врагу за убитого брата, за без вести пропавшего младшего брата, за свои раны и изуродованную голову, за мать, за отца, и за погибших в Севастополе лучших моих друзей. Я мстил. Ходил в добровольцы в бои под Армавиром, рвался давно на передовую, но меня не пускали. Теперь я рядовой солдат, со званием офицера, и иду с вами вместе. Кровь за кровь, а жизнь как хороша и красива. Жизнь как я её люблю. Но лучше умереть, защищая свободу, чем быть рабом!» [4].

Мы видим истинный пример храбрости, отваги, жертвенности, непоколебимой воли. Глубокое уважение к ценности человеческой жизни являлось основополагающим для советского офицера.

Иван Павлович Говоров родился 6 октября 1909 г. в местечке на руднике бывшей Азовской угольной компании в Области войска Донского, в семье рабочего угольной промышленности. В 1929–1932 гг. он – курсант военного училища. В 1938 г. экстерном закончил техникум проводной связи. В 1932–1947 гг. служил в Советской армии, был помощником начальника штаба 244-го отдельного танкового полка, принимавшего участие в освобождении Ялты в апреле 1944 г. С 1944 по 1946 г. находился в действующих частях Советской армии. Участвовал в освобождении Польши, Германии. Двое его братьев погибли во время Великой Отечественной войны. Сам Иван Павлович 29 октября 1941 г., находясь в Крыму, был ранен в обе руки. 9 ноября 1941 г. в Севастополе был тяжело контужен с повреждением черепа. 19 июня 1943 г. получил легкое осколочное ранение в глаз и в руку на Кубани (Голубая линия). После войны работал корреспондентом газеты, инспектором, литературным работником, руководил различными кружками. В 1956–1958 гг. был заведующим Домом пионеров, а потом руководителем театра кукол [5, 6].

Иван Павлович Говоров награждён орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени; медалями за оборону Одессы, Севастополя, Кавказа, за взятие Кёнигсберга [5, 6]. Говоров – не просто человек, обладающий высокими морально-нравственными

принципами, честью и отвагой, он истинный воин и герой, который вопреки всему был готов пожертвовать своей жизнью, спасая и защищая других.

Итак, перед нами истории двух доблестных воинов. Об их подвигах, истинной мужественности, самоотверженности и чести поведали нам их личные документы, фронтовые письма, которые хранятся в фондах Ялтинского историко-литературного музея.

Выводы

Уникальные документы времён Великой Отечественной войны, которые хранятся в фондах музея, помогают воссоздать события прошлого в контексте таких современных гуманитарных дисциплин и направлений, как «микростория» и «история повседневности». Предметы и документы эпохи Великой Отечественной войны требуют к себе более пристального внимания, так как введение в научный оборот новых источников – это первостепенная задача любого исследователя.

На основании проведённого нами исследования мы можем сделать определенные выводы. Так, представленные выше образы героев-фронтовиков отражают тот уникальный психологический контекст и дискурс, в котором находилось общество времён Великой Отечественной войны. Представленные мемуары героев-фронтовиков Большой Ялты, из фондов Ялтинского историко-литературного музея, дают нам новый импульс в комплексном и многостороннем изучении исторической памяти в русле таких гуманитарных дисциплин, как «микростория» и «история повседневности».

Список источников

1. Фонды МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». Письмо из семейного архива Зимовейской М.А. от Васильева А.М. Ермолаевой В.Н. о довоенных воспоминаниях. 20.03.1944 г. СССР. КП 91090 Д-7115.
2. Фонды МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». Письмо из семейного архива Зимовейской М.А. от Васильева А.М. Ермолаевой В.Н. о военной службе. 25.04.1944 г. СССР. КП 91088 Д-7113.
3. Фонды МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». Письмо из семейного архива Зимовейской М.А. от Васильева А.М. Ермолаевой В.Н., адресованное дочери Марианне. 29.07.1944 г. СССР. КП 91089 Д-7114.
4. Фонды МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». Записка-обращение Говорова И.П. г. Краснодар. 30.05.1943 г. КП 6578/4 Д-524.
5. Фонды МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». Автобиография Говорова И.П. 16.12.1948 г. КП 6578/5 Д-525.
6. Фонды МБУК «Ялтинский историко-литературный музей». Личный листок по учёту кадров Говорова И.П. 26.12.1950 г. КП 6577/Д-520.

References

1. Funds MBUK "Yalta Historical and Literary Museum". Letter from the family archive of M.A. Zimoveyskaya from A.M. Vasiliev to V.N. Ermolaeva about pre-war memories. 20th March 1944. USSR. KP 91090. File 7115. (In Russ.).
2. Funds MBUK "Yalta Historical and Literary Museum". Letter from the family archive of M.A. Zimoveyskaya from A.M. Vasiliev to V.N. Ermolaeva about military service. 25th April 1944. USSR. KP 91088. File 7113. (In Russ.).
3. Funds MBUK "Yalta Historical and Literary Museum". Letter from the family archive of M.A. Zimoveyskaya from A.M. Vasiliev to V.N. Ermolaeva addressed to daughter Marianne. 29th July 1944. USSR. KP 91089. File 7114. (In Russ.).
4. Funds MBUK "Yalta Historical and Literary Museum". Note-appeal of I.P. Govorov. Krasnodar. 30th May 1943. KP 6578/4. File 524. (In Russ.).

5. *Funds MBUK "Yalta Historical and Literary Museum"*. Autobiography of I.P. Govorov. 16th December 1948. KP 6578/5. File 525. (In Russ.).

6. *Funds MBUK "Yalta Historical and Literary Museum"*. Personal sheet of personnel records I.P. Govorov. 26th December 1950. KP 6577. File 520. (In Russ.).

Информация об авторе

М. А. Царина – магистр истории, младший научный сотрудник отдела истории, Ялтинский историко-литературный музей; аспирант кафедры истории и философии, Гуманитарно-педагогическая академия.

Information about the author

M. A. Tsarina – Master of History, Junior Researcher of the Department of History, Yalta Historic and Literature Museum; Post-Graduate Student of the Department of History and Philosophy, Humanities and Education Science Academy.

Статья поступила в редакцию 26.10.2021; одобрена после рецензирования 26.12.2021; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 26.10.2021; approved after reviewing 26.12.2021; accepted for publication 17.03.2022.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

Научная статья

УДК 334

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-89-96

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ С КИТАЙСКИМИ АУТСОРСИНГОВЫМИ ПАРТНЕРАМИ В ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Полина Александровна Морозова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, morozovap_96@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-4803-0511

Аннотация. Рассматривается проблема целесообразности сохранения объема сотрудничества российских текстильных компаний с китайскими аутсорсерами в постковидный период. Приведена статистика изменения цен производителей в Китае и основных странах-поставщиках на производство в текстильной промышленности. Проведен сравнительный анализ изменения цен производителей. Выявлен ряд значимых для российских менеджеров рисков при взаимодействии с иностранными поставщиками. Предложены методы, направленные на минимизацию данных рисков.

Ключевые слова: текстильная промышленность, производство, аутсорсинг, Китай, Россия, управление рисками

Для цитирования: Морозова П.А. Перспективы сотрудничества российских компаний с китайскими аутсорсинговыми партнерами в текстильной промышленности // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 89–96.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PROSPECTS FOR COOPERATION OF RUSSIAN COMPANIES WITH CHINESE OUTSOURCING PARTNERS IN TEXTILE INDUSTRY

Polina A. Morozova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, morozovap_96@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0002-4803-0511

Abstract. The article considers the problem of the expediency of maintaining the volume of cooperation between Russian textile companies and Chinese outsourcers during post-COVID period. The statistics of changes in producer prices in China and the main supplier countries for production in the textile industry is given. A comparative analysis of changes in producer prices has been carried out. A number of risks that are significant for Russian managers when interacting

with foreign suppliers have been identified. Methods aimed at minimizing these risks are proposed.

Keywords: textile industry, production, outsourcing, China, Russia, risk management

For citation: Morozova P. A. Prospects for Cooperation of Russian Companies with Chinese Outsourcing Partners in the Textile Industry. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):89-96. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Введение

В условиях нестабильности на мировых рынках, возникшей в результате пандемии COVID-19, оптимизация внутренних и внешних бизнес-процессов становится ключевой задачей сохранения конкурентоспособности предприятия. Производители стремятся поставить на рынок качественный продукт в корректное время по релевантной цене. Во время локдауна в период низкого спроса и платежеспособности населения цена как для производителей, так и для потребителей является одним из важнейших факторов, влияющих на конечный выбор. Однако производители сталкиваются с новой проблемой – ростом себестоимости продукции. Цены на труд и сырье в разных странах отличаются и меняются с неодинаковой скоростью. Аутсорсинг производственных процессов может стать эффективным инструментом для бизнеса, с помощью которого производство качественного продукта дешевеет за счет разницы цен на труд и сырье.

Китай традиционно является страной-поставщиком производственных аутсорсинговых услуг. Согласно отчету консалтинговой компании Kearney, в 2021 г. Китай занял второе место среди стран-аутсорсеров [1, р. 11]. По данным таможенной статистики внешней торговли РФ, общий объем импорта из Китая за 2021 г. вырос на 32,3 % по сравнению с 2020 г. [2].

В нашей статье базой для оценки объемов продукции, произведенной аутсорсинговыми иностранными партнерами по заказам российских компаний, служит объем импорта текстиля в РФ, так как основной объем поставляемого текстиля из азиатских стран производится именно аутсорсерами.

COVID-19 не остановил сотрудничество российского бизнеса с китайскими поставщиками аутсорсинговых услуг, но внес свои коррективы в данные отношения.

Цель данной статьи – определить, является ли эффективным продолжение сотрудничества с китайскими аутсорсинговыми производственными компаниями для российской текстильной отрасли в условиях нестабильности на основе сравнительного анализа изменения цен производителей в Китае и основных странах-конкурентах.

Объект исследования – рынки текстильной промышленности Китая, России и основных стран-конкурентов.

Предмет исследования – динамика изменения цен на производство текстиля в Китае и основных странах-конкурентах.

Материалы и методы

Для того чтобы определить, необходимо ли российскому бизнесу продолжать сотрудничество с китайскими компаниями-аутсорсерами в текстильной промышленности, были использованы отчеты международных консалтинговых компаний, отобрана и обработана статистическая информация из открытых баз данных, проведен сравнительный анализ изменения цен на производство в Китае и основных странах-конкурентах в текстильной промышленности, изучена полученная информация от специалистов, ведущих профессиональную деятельность в сфере производства текстильной продукции.

Результаты

В результате проведенного исследования было определено:

- российским компаниям следует продолжать сотрудничество с китайскими поставщиками в текстильной промышленности, поскольку цены на производство в Китае растут медленнее, чем у основных азиатских конкурентов. Кроме того, Китай имеет общую границу с РФ, что минимизирует риски в цепочке поставок и сокращает издержки на доставку;
- и заказчикам, и поставщикам стоит вести более тесное сотрудничество на каждом этапе процесса производства, потому что своевременное принятие гибких совместных решений позволит управлять рисками, издержками и снизить себестоимость продукции;
- российским компаниям следует внедрять и активно использовать современные digital инструменты, прогнозирующие риски в цепочке поставок в силу того, что данные инструменты также позволяют прогнозировать и управлять рисками в цепочке поставок, что влияет на себестоимость продукции;
- российским компаниям важно обратить внимание на Белоруссию как потенциальный рынок для размещения заказов на производство текстиля, поскольку цены на производство демонстрируют медленный рост без резких скачков, страна находится в географической близости от РФ и является членом ЕАЭС.

Обсуждения

Производственный аутсорсинг – это передача сторонней организации функций производства продукции или частей бизнес-процессов (целиком или частично) на договорной основе, профессионально специализирующейся на оказании таких функций или бизнес-процессов [3, с. 94].

В доковидный период такой подход часто применялся менеджерами российских предприятий. Привлечение производственных аутсорсинговых компаний сохраняло время и деньги российским предпринимателям. Кроме того, качество производимых товаров компаниями, специализирующимися на одном конкретном продукте, в разы лучше.

В настоящее время ситуация на мировом рынке изменилась. После более чем года работы в постоянном кризисном режиме компании и производители начинают смещать фокус на более долгосрочный период.

Кризис Covid-19, который начался с опасений по поводу задержек поставок с азиатских рынков, обернулся массовым падением спроса, когда пандемия затронула большинство мировых рынков сбыта. На протяжении всего периода Covid-19 наблюдался процесс отмены заказов у поставщиков и чрезмерное затоваривание ретейлеров, что меняло глобальное видение цепочки поставок.

Несмотря на то что все больше и больше ключевых рынков спроса открывается и наблюдается явный рост продаж, многие страны-производители по-прежнему серьезно страдают от последствий пандемии. Параллельно с этим наблюдаются серьезные сбои в сфере международных грузоперевозок, торговая напряженность, политическая нестабильность на ключевых рынках поставщиков и растущая нехватка сырья.

В данной крайне нестабильной среде общие объемы поставок текстиля в Северную Америку и Европу значительно снизились в течение 2020 г. (в Европе на 32 %) [4, р. 2]. Статистика показывает, что страны, находящиеся далеко от азиатских стран-поставщиков, таких как Китай, Бангладеш, Индия, потеряли «точку опоры» и сократили стоимость импорта на 34 % [4, р. 2]. Однако в аналогичных условиях рынки Турции, Польши, Туниса, расположенные рядом с теми же азиатскими поставщиками, пострадали в меньшей степени (снижение на 27 %) и даже нарастили объемы импорта [4, р. 2].

Помимо снижения импорта текстиля в Европу из Китая в последние годы (сейчас 25,3 % европейского импорта одежды по сравнению с 34 % в 2014 г. и более 40 % в

2011 г.), также наблюдается снижение поставок из Бангладеш, Индии, Камбоджи и Шри-Ланки [4, р. 2].

Сложившаяся ситуация говорит о наличии преимущества у поставщиков и импортеров, расположенных в географической близости, и проблемах в цепочке поставок с географически отдаленными рынками сбыта.

Рассмотрим динамику импорта текстиля в Российскую Федерацию из основных стран – поставщиков данной продукции в допандемийный период с 2017 по 2019 г. Турция, Китай, Вьетнам, Узбекистан активно наращивали экспорт текстиля в РФ. Китай и Бангладеш были лидерами среди поставщиков данной продукции. Объемы китайского экспорта товаров текстильной промышленности в разы превышали объемы поставляемой продукции из других стран, что говорит о том, что российские компании предпочитали сотрудничать именно с китайскими партнерами. Альтернативными рынками для предоставления производственных аутсорсинговых услуг в текстильной промышленности для российских компаний являлись Бангладеш, Вьетнам, Узбекистан и Турция. В настоящее время в магазинах российских брендов мы также чаще встречаем товары, сделанные именно в этих азиатских странах (рис. 1).

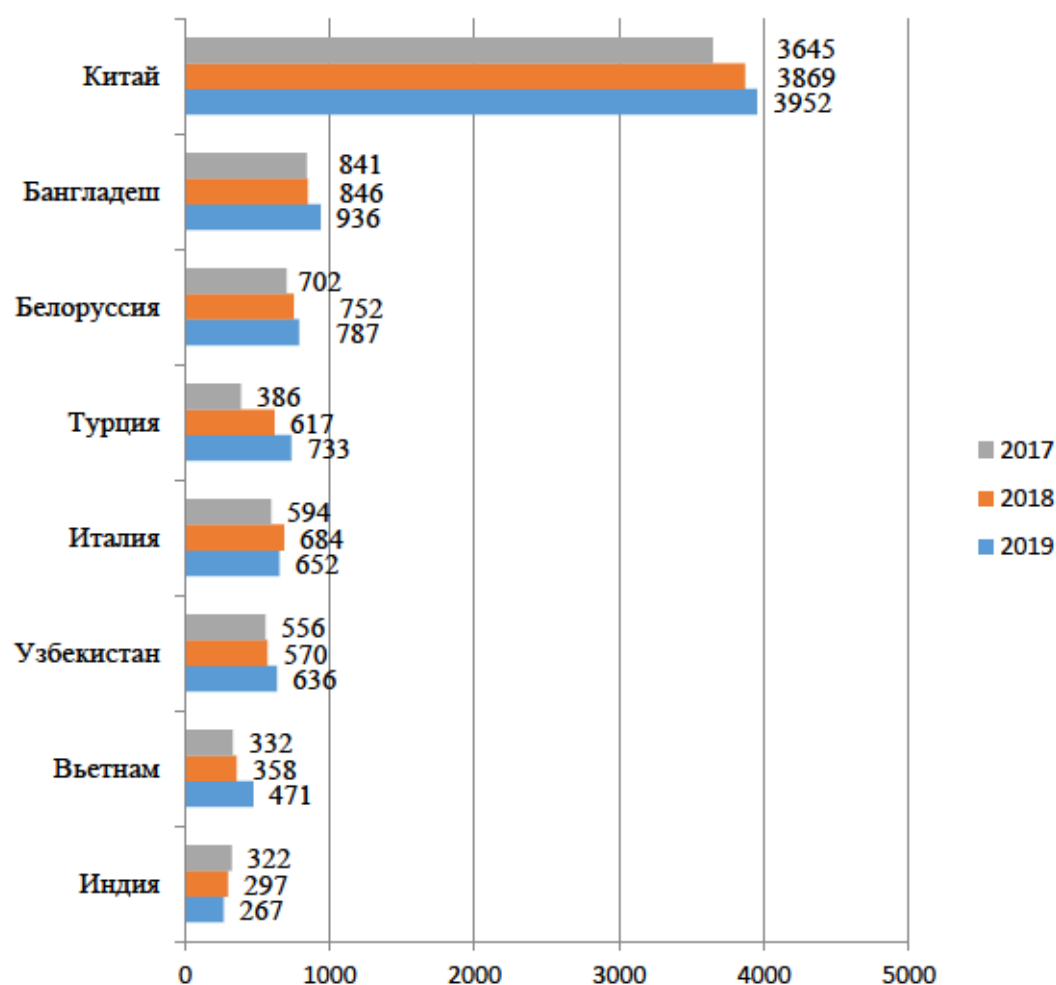

Рис. 1. Динамика импорта текстиля в РФ из основных стран-поставщиков, 2017–2019 гг., млн \$ [5] / Fig. 1. Dynamics of textile imports to the Russian Federation from the main supplying countries, 2017-2019, million \$ [5]

Статистика показывает, что экспорт текстиля из Республики Беларусь в РФ также растёт. Однако сейчас в магазинах российских компаний мы не видим обозначений на товарах, где страной-производителем является Беларусь. Это говорит о том, что белорусские производители продают товары текстильной промышленности на рынке РФ под своими брендами. Белорусские фабрики могут стать новыми партнерами по предоставлению производственных аутсорсинговых услуг для российских брендов (таблица).

Объемы прироста импорта текстиля в РФ из основных стран-поставщиков с 2017 по 2019 г., млн \$ [5] / Growth volumes of textile imports in the Russian Federation from the main supplying countries from 2017 to 2019, \$ million [5]

Страна	2017	2019	Прирост
Китай	3645	3952	307
Бангладеш	841	936	95
Белоруссия	702	787	85
Турция	386	733	347
Италия	594	652	58
Узбекистан	556	636	80
Вьетнам	332	471	139
Индия	322	267	-55

При высоких темпах прироста импорта из Турции его объёмы все же сравнимы с приростом объёмов поставок из Китая; кроме того, заметно наращивал импорт в РФ и Вьетнам. Для остальных государств – ключевых поставщиков текстиля поставки на российский рынок также растут, но темпы прироста составили 10–14 % за двухлетний период.

Рассмотрим динамику изменения индекса цен китайских производителей в категории текстильной промышленности. Статистика показывает, что в разгар пандемии цены снизились на 2,9 % в 2019 г. [6]. Российские ретейлеры не почувствовали данного падения цен, так как разница была компенсирована колебанием курса валют и ростом стоимости транспортных услуг.

В 2021 г. в связи с ростом цен на сырьё стоимость произведенного товара в Китае также выросла на 8,8 % по сравнению с предыдущим годом [7]. Ситуацию усугубляет рост среднего значения курса доллара в 2021 г. на 13,8 % по сравнению с 2019 г. [8].

Цены производителей в Турции и Бангладеш растут самыми быстрыми темпами, в Белоруссии они увеличиваются стабильно, но наиболее низкими темпами. Сравнивая динамику изменения цен производителей среди стран-поставщиков текстильной продукции на рынок РФ, а также потенциально привлекательных стран для размещения заказов на условиях аутсорсинга, можно сделать вывод, что, несмотря на рост цен и курса доллара, российским компаниям выгодно продолжать сотрудничество с китайскими поставщиками, так как рост цен на других азиатских рынках значительно выше. Кроме того, наличие общих границ минимизирует риски в цепочке поставок. Однако российским компаниям следует обратить внимание на Белоруссию как альтернативный рынок для размещения заказов, где цены растут без резких скачков. Также Россия и Белоруссия имеют общие границы, являются членами ЕАЭС и могут проводить расчеты в рублях, избегая потери при обмене валют, что создает благоприятные условия для ведения бизнеса (рис. 2).

Тарифы на все виды грузовых перевозок с января по август 2021 г. выросли на 6,5 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года [14]. Прогнозируется и дальнейший рост цен на российском рынке транспортных услуг. В сложившихся условиях привлекательными направлениями для размещения заказов становятся страны, расположенные в географической близости от рынков сбыта. Общая граница Китая и РФ облегчает транспортировку товара. Россия и Белоруссия также находятся в территориальной

близости друг от друга. Российским текстильным компаниям следует рассматривать Белоруссию как рынок, предоставляющий аутсорсинговые производственные услуги.

Ситуация на Китайском рынке производства текстильной промышленности развивается не самым позитивным образом. Однако Китай продолжает оставаться одним из мировых лидеров в сфере технологических разработок в том числе и для производства. Китайские компании не позволяют отдалить национальное преимущество в текстильной промышленности и начнут внедрять инновации в производственные процессы для снижения себестоимости продукции. В Китае уже был опубликован план развития индустрии больших данных до конца 2025 г., где говорится о создании механизма ценообразования как ключевого фактора производства [15]. Также более тесное сотрудничество и взаимодействие с поставщиками на всех этапах производства от размещения заказа до получения продукции заказчиком поможет сократить издержки и снизить себестоимость продукта. Для этого и поставщикам, и заказчикам необходимо быть гибкими и принимать совместные эффективные решения, используя современные digital инструменты, прогнозирующие последующие вероятные риски.

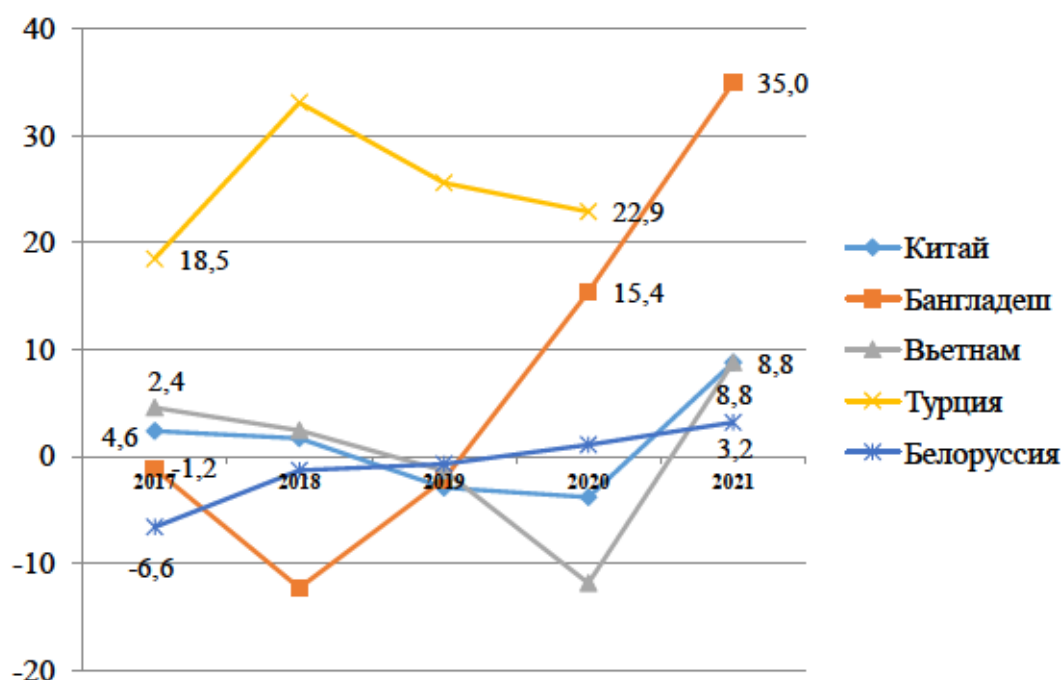

Рис. 2. Динамика изменения индекса цен производителей в текстильной промышленности в Китае и основных странах-конкурентах в период 2017–2021 гг., % [9–13] / Fig. 2. Dynamics of changes in the producer price index in textile industry in China and main competing countries in period 2017–2021, %

В данный момент менеджеры российских текстильных компаний в процессе взаимодействия с иностранными поставщиками продолжают отмечать транспортные проблемы, финансовую стабильность зарубежных партнеров, рост курса валют, напряженную геополитическую обстановку. В случае ведения деловых отношений с китайскими производителями риски, связанные с доставкой, становятся ниже, так как страны имеют общую границу, что дает возможность использовать любой вид транспорта.

Заключение

Сравнительный анализ изменения индекса цен производителей в основных странах – поставщиках аутсорсинговых услуг в текстильной промышленности показал, что, не-

смотря на рост цен на производство текстиля, Китай остаётся перспективной страной для сотрудничества с российскими компаниями. Однако нам важно рассматривать Белоруссию как потенциальный новый рынок для размещения заказов, где цены растут наименьшими темпами, к тому же страны располагаются в географической близости и являются членами ЕАЭС.

Менеджерам российских предприятий следует качественно контролировать каждый этап процесса сотрудничества с поставщиками. Для этого необходимо активно внедрять и использовать современные digital инструменты, визуализирующие и прогнозирующие потенциальные риски в цепочке поставок. В будущем вероятно снижение себестоимости китайского производства в связи с разработкой и внедрением инноваций в сфере текстильной промышленности.

Список источников

1. Sethi A., Raudabaugh J., Suman V. The 2021 Kearney Global Services Location Index. Toward a Global Network of hubs, 2021. 11 p.
2. Итоги внешней торговли с основными странами. Январь – декабрь 2021. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 15.02.2022).
3. Стародубцева О.А. Отличительные особенности производственного аутсорсинга от производственного краудсорсинга // Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоградского ин-та бизнеса. 2017. № 2. С. 93–96.
4. Madane A., Rinnebach P., White T., Kishorepuria P. Accenture Global Sourcing Reference. Executive Summary. 2022.
5. World Integrated Trade Solution. Trade stats. Product Group. URL: https://wits.worldbank.org/Country_Profile/en/Country/RUS/Year/2018/TradeFlow/Import/Partner/all/Product/50-63_TextCloth (дата обращения: 12.12.2021).
6. Producer Prices for the Industrial Sector for December 2019. National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200110_1722193.html (дата обращения: 16.01.2022).
7. Producer Prices for the Industrial Sector for December 2021. National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202201/t20220113_1826287.html (дата обращения: 16.01.2022).
8. ЦБ РФ. Основные производные показатели динамики обменного курса рубля. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?CF.Search=%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> (дата обращения: 16.01.2022).
9. Central Bank of Bangladesh. URL: <https://www.bb.org.bd> (дата обращения: 16.01.2022).
10. General Statistics Office. URL: <https://www.gso.gov.vn> (дата обращения: 16.01.2022).
11. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 16.01.2022).
12. Producer price indices by groups of goods. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. URL: https://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/producer-price-index/producer-price-indices-by-groups-of-goods/ (дата обращения: 16.01.2022).
13. Producer Price Indices. OECD. URL: <https://data.oecd.org/price/producer-price-indices-ppi.htm> (дата обращения: 16.01.2022).
14. Гусаченко Н. За январь – август тарифы на грузовые перевозки выросли на 6,5 %. URL: <https://www.rzd-partner.ru/other/news/za-yanvar-avgust-tarify-na-gruzovye-perevozki-vyrosli-na-6-5/> (дата обращения: 16.01.2022).
15. В Китае опубликовали план развития индустрии больших данных на период до конца 2025 г. Министерство коммерции КНР. URL: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/202112/20211203223174.shtml> (дата обращения: 16.01.2022).

References

1. Sethi A., Raudabaugh J., Suman V. *The 2021 Kearney Global Services Location Index. Toward a Global Network of hubs*, 2021.
2. *Results of foreign trade with the main countries*. January-December, 2021. Available from: <https://customs.gov.ru/folder/511> [Accessed 15th February 2022]. (In Russ.).
3. Starodubtseva O.A. Distinctive features of manufacturing outsourcing from manufacturing crowdsourcing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestn. Volgogradskogo in-ta biznesa = Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Business Institute*. 2017;(2). (In Russ.).
4. Madane A., Rinnebach P., White T., Kishorepuria P. *Accenture Global Sourcing Reference*. Executive Summary. 2022.
5. *World Integrated Trade Solution*. Trade stats. Product group. Available from: https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2018/TradeFlow/Import/Partner/all/Product/50-63_TextCloth [Accessed 12th December 2021].
6. *Producer Prices for the Industrial Sector for December 2019*. National Bureau of Statistics of China. Available from: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202001/t20200110_1722193.html [Accessed 16th January 2022]. (In Russ.).
7. *Producer Prices for the Industrial Sector for December 2021*. National Bureau of Statistics of China. Available from: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202201/t20220113_1826287.html [Accessed 16th January 2022].
8. *Central Bank of the Russian Federation. The main derivative indicators of the dynamics of the ruble exchange rate*. Available from: <https://www.cbr.ru/statistics/?CF.Search=%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo=> [Accessed 16th January 2022]. (In Russ.).
9. *Central Bank of Bangladesh*. Available from: <https://www.bb.org.bd> [Accessed 16th January 2022].
10. *General Statistics Office*. Available from: <https://www.gso.gov.vn> [Accessed 16th January 2022].
11. *National Bureau of Statistics of China*. Available from: <http://www.stats.gov.cn/english> [Accessed 16th January 2022].
12. *Producer price indices by groups of goods*. National Statistical Committee of the Republic of Belarus. Available from: https://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/ssrd-nrvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyh/producer-price-index/producer-price-indices-by-groups-of-goods [Accessed 16th January 2022].
13. *Producer Price Indices*. OECD. Available from: <https://data.oecd.org/price/producer-price-indices-ppi.htm> [Accessed 16th January 2022].
14. Gusachenko N. *In January-August, freight rates increased by 6.5%*. Available from: <https://www.rzd-partner.ru/other/news/za-yanvar-avgust-tarif-na-gruzovye-perevozki-vyrosli-na-6-5/> [Accessed 16th January 2022]. (In Russ.).
15. China has published a plan for the development of the big data industry for the period until the end of 2025. *The Ministry of Commerce of the PRC*. Available from: <http://russian.mofcom.gov.cn/article/speechheader/202112/20211203223174.shtml> [Accessed 16th January 2022]. (In Russ.).

Информация об авторе

П.А. Морозова – аспирант, факультет управления.

Information about the author

P.A. Morozova – Postgraduate, Faculty of Management.

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 17.03.2022.

Научная статья

УДК 338.24

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-97-102

ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ирина Борисовна Фомина^{1✉}, Алексей Николаевич Табаков²

¹ Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, Ростов-на-Дону, Россия, fominamail@mail.ru[✉]

² Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, Волгоград, Россия, ale-tabakov@yandex.ru

Аннотация. Представлена взаимосвязь устойчивого развития на основе сочетания социальных и экологических аспектов жизнедеятельности общества с решением экономических проблем, объективно возникающих в связи с ростом отрицательного воздействия на биосферу. Проанализировано состояние решения задач, необходимых для достижения целей устойчивого развития, сформулированных ООН. Показаны направления перехода к устойчивому человеческому развитию на основе использования концепции циркулярной экономики и внедрения модели ее реализации, учитывающей особенности организации социо-эколого-экономической системы в каждой стране. Сформулированы наиболее актуальные направления перехода к циркулярной экономике.

Ключевые слова: устойчивое развитие, циркулярная экономика, социо-эколого-экономическая система, рециркуляция ресурсов

Для цитирования: Фомина И.Б., Табаков А.Н. Парадигма устойчивого развития в условиях перехода к циркулярной экономике // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 97–102.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE PARADIGM OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO A CIRCULAR ECONOMY

Irina B. Fomina^{1✉}, Alexey N. Tabakov²

¹ South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, fominamail@mail.ru[✉]

² Volgograd Institute of Management, Branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, ale-tabakov@yandex.ru

Abstract. The article presents the relationship of sustainable development based on a combination of social and environmental aspects of society with the solution of economic problems that objectively arise due to the growing negative impact on the biosphere. The state of solving the tasks necessary to achieve the Sustainable Development Goals formulated by the UN for the peri-

od up to 2020 in the Russian Federation is analyzed. The directions of transition to sustainable human development are shown based on the use of the concept of circular economy and the introduction of a model of its implementation, taking into account the peculiarities of the organization of the socio-ecological and economic system in each country. The most relevant areas of research on the problems of sustainable development and the transition to a circular economy are formulated.

Keywords: sustainable development, circular economy, socio-ecological-economic system, resource recycling

For citation: Fomina I.B., Tabakov A.N. The Paradigm of Sustainable Development in the Context of the Transition to a Circular Economy. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2022;(1):97-102. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Рост производства и потребления, произошедший в результате четвертой промышленной революции, вызвал резкое увеличение использования всех видов ресурсов: природных ископаемых – угля, нефти, газа, металлической руды; биоресурсов – водных, лесных, земельных угодий и др. Активизировалась и существенно трансформировалась эксплуатация человеческого труда. Транснациональное перемещение больших потоков сырья, продукции, рабочей силы, финансовых ресурсов привело к финансовым кризисам и усилению экономического неравенства. Одновременно в результате экспоненциального роста нагрузки на биосферу Земли, произошедшего в последние десятилетия, наблюдаются признаки возмущения состояния равновесия и биосферы в целом.

Возросла скорость экологических изменений, например среднемировая температура повысилась на 1,2 °C, что можно квалифицировать как наступление климатического кризиса. В 2021 г. произошло множество природных катаклизмов: пожары в разных регионах планеты, ливни и затопления в густонаселенных городах, высокая сейсмическая активность и извержения вулканов, и др.

Автономное решение экономических, экологических, социальных проблем в XXI в. практически стало нереальным. Мировое сообщество под эгидой ООН провозгласило основополагающие цели устойчивого развития (ЦУР) по 17 направлениям, в рамках которых были изначально определены 169 задач [1], затем их число возросло до 247. Была сформулирована Концепция устойчивого развития, основанная на принципе триединства экономики, общества и природы с учетом равнозначности и сбалансированности всех трех аспектов [2].

Достижение устойчивого развития стало ключевой проблемой на рубеже тысячелетий. Таким образом, решение задач обеспечения устойчивости экономической системы при сохранении биосферы требует комплексного подхода.

Понятие устойчивости основано на сохранении свойств и признаков, нарушение которых, как правило, приводит к кризису системы. Устойчивость экономической системы связывают с ее способностью оставаться в одном и том же состоянии в течение определенного периода, сохранять уравновешенность процессов внутри системы и с внешней средой. Фактором, определяющим устойчивость экономической системы, является степень воздействия экономической деятельности на внешнюю среду.

Для улучшения качества жизни и обеспечения условий устойчивого развития требуется использование все большего количества ресурсов, в том числе природных. У всех стран обострилась проблема рационального использования различных видов ресурсов, их рост ограничен, поскольку ресурсы конечны, при этом большая часть из них не возобновляемая. Кроме того, в результате развития производительных сил экономическая деятельность может привести к деградации экосистем биосферы.

В частности, применение действующих в настоящее время технологий обеспечения водными ресурсами промышленности и населения вызвало в ряде регионов Российской

Федерации дефицит водных ресурсов, снижение качества питьевой воды, несоответствие ее показателей нормативным требованиям [3]. Остро стоит проблема утилизации отходов промышленности и твердых коммунальных отходов, особенно токсичных, имеющих длительный срок существования и подлежащих повторной переработке.

По данным исследований зарубежных ученых, установлено, что около 80 % материалов, используемых при производстве товаров, попадают в отходы, так как не подлежат восстановлению [4]. Объем твердых коммунальных отходов в год в России составляет более 70 млн т, основная часть которых размещается на полигонах и свалках с большой площадью земельных участков [5].

Промышленный рост, основанный на экстенсивном использовании полезных ископаемых и топлива, вызывает глобальное загрязнение окружающей среды, при котором естественные механизмы биосферы не в состоянии полностью нейтрализовать результаты деятельности человечества, что связано с нарушением и деградацией природных экосистем, исчезновением отдельных биологических видов живой природы [6]. Хрупкое равновесие экосистемы и человека в любой момент может быть безвозвратно потеряно.

Под эгидой ООН с 90-х гг. XX в. начали проводиться научные исследования с целью изучения условий и факторов устойчивого развития как в глобальном, так и в региональном и страновом аспектах. В Докладе ООН 2020 г. об устойчивом человеческом развитии было сформулировано пять базовых направлений [7]:

1) для устойчивого развития необходимо обеспечить использование отходов и выбросов, образующихся в связи с человеческой деятельностью в тех регионах, где осуществлялось их потребление, регуляцию и поддержку экосистем;

2) реализовать сбалансированное взаимодействие экосистем и человека на основе применения распределительного подхода к устойчивости и принципа дифференциации потребностей людей к доступу к отдельным видам ресурсов и к производству отходов;

3) научные исследования в области человеческого развития и наращивания его потенциала должны быть направлены на реализацию разнообразных подходов с целью создания условий для реального человеческого развития как на глобальном, так и на субглобальных уровнях;

4) решение актуальных проблем неустойчивости, бедности, несправедливости должно основываться на анализе и постановке четких и сбалансированных целей, обеспечивающих устойчивость процессов достижения необходимого уровня человеческого развития в будущем;

5) планирование преобразований в сфере взаимодействия биосистем и человека следует осуществлять в форме постоянного адаптивного динамического управления, формирования системы институтов развития на страновом и межгосударственном уровне. Логическим шагом реализации устойчивого развития может стать переход к технологическому укладу, основанному на концепции циркулярной экономики.

В Докладе ООН 2021 г. о целях в области устойчивого развития были зафиксированы катастрофические социальные последствия. В период пандемии в 2020 г. количество людей, находящихся за гранью нищеты, увеличилось со 119 до 124 млн человек; число детей, не владеющих навыками чтения, выросло за один только 2020 г. более чем на 100 млн; усилилось гендерное неравенство и насилие в семье над женщинами и детьми [8]. В финансовой сфере на фоне сокращения прямых инвестиций и международной торговли проявились проблемы в ряде стран, у которых возросла долговая нагрузка до критического уровня.

Пандемия поставила под угрозу планы выполнения задач ЦУР. По большинству направлений снижены объемы и уровень предоставления социальной защиты, недостаточны объем и качество услуг в сфере здравоохранения, включая вакцинацию населения, продолжается деградация наземных экосистем, ухудшается состояние окружающей среды [9]. Для повышения уровня и качества жизни населения необходимо решать вопросы фискальной политики как для каждой конкретной страны, так в глобальном масштабе.

Логическим шагом по реализации устойчивого развития может стать переход к новому технологическому укладу и организации экономики, при которых в биосфере восстановится способность естественных механизмов экологической регуляции поддерживать устойчивость условий среды существования человечества. Одним из перспективных направлений развития является организация социально-экономической системы на принципах, обеспечивающих максимальную утилизацию отходов на базе внедрения технологий их повторной переработки. В настоящее время идея об устройстве экономической системы, обеспечивающей максимальную переработку, размещение и утилизацию отходов, может быть реализована на основании положений концепции циркулярной экономики, которая запускает механизм сохранения ресурсов, более длительного их использования за счет восстановления в конце срока полезного использования [10–13] и др. В циркулярной экономике становятся эффективными производства, которые обеспечивают выпуск экологически безопасных товаров, допускают их повторную переработку, а в случае утилизации не содержат вредных для биосферы веществ.

На наш взгляд, наиболее точно содержание циркулярной экономики отражено в определении Д. В. Валько, согласно которому «концепция циркулярной экономики предполагает построение экономической деятельности на принципах возобновления ресурсов и здоровьесбережения социо-эколого-экономической системы, что позволит обеспечивать эффективность во всех масштабах: от домохозяйств и малых предприятий до глобальной экономики» [12].

В модели циркулярной экономики выделяют внутренние и внешние циклы. Внутренние циклы при возврате материалов и ресурсов в повторное обращение более эффективны. При этом во внешних циклах при утилизации отходов выбросы парниковых газов увеличиваются, а ресурсы, соответственно, не могут быть повторно использованы. В экономической системе возрастают возможности рециркуляции ресурсов, обеспечивается повторное их использование, что в условиях снижения естественных природных ресурсов позволяет создать условия стабильного производства и потребления. Переход к циркулярной экономике предполагает перестройку хозяйственного механизма, в первую очередь его институциональной и технологической составляющих.

Переход на использование экологически нейтральных технологий возможен только в результате ухода от сырьевой модели экономики, структурной инновационной модернизации экономики России, внедрения новых методов управления технологическими инновациями, основанных на потреблении возобновляемых материальных ресурсов.

Для формирования эффективной политики по реализации принципов циркулярной экономики необходим системный подход к анализу факторов, оценке ресурсов и рисков инновационного развития. Решение стоящих задач возможно только при условии государственно-частного партнерства на основе формирования инновационных кластеров с вовлечением в их состав научно-производственных комплексов, научно-исследовательских и опытно-конструкторских организаций и институтов. Формирование общей цели, учитывающей интересы отдельных бизнес-структур, возникновение на этой основе устойчивых объединений в виде кластеров, способных решать производственные и коммерческие задачи, связанные с вовлечением потребителей в процессы утилизации и вторичной переработки бытовых отходов, а также эффективное использование финансовых, материальных, трудовых и информационных ресурсов [14]. Однако наличие только интересов бизнеса для создания тех или иных кластерных структур бывает недостаточно, поэтому включение необходимых рычагов и механизмов поддержки кластерных объединений обязательно должно идти со стороны органов соответствующего уровня управления регионом или государством.

Анализ потенциала модели циркулярной экономики дает основание полагать, что внедрение методов оптимизации экономических процессов с учетом экологических и социальных требований позволит обеспечить устойчивое развитие социо-эколого-экономической системы.

Список источников

1. Декларация тысячелетия ООН: принята Резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 08.09.2000 г. URL: <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 26.10.2021).
2. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: принята Резолюцией 70/1 Генеральной Ассамблеи от 25.09.2015 г. URL: <https://www.un.org/ru> (дата обращения: 26.10.2021).
3. Матвеева Л.Г. Инновационные бизнес-модели потребления водных ресурсов в промышленности: влияние циркулярной экономики // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 37 (5). С. 190–197. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-5-190-197>.
4. Nguyen H., Stuchtey M., Zils M. Remaking the Industrial Economy. McKinsey & Company, 2014. URL: <https://mckinsey.com/business-functions/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/remaking-the-industrial-economy> (дата обращения: 09.11.2021).
5. Задорожная Л.Е. Мировая и отечественная практика безотходного производства посредством перехода к циркулярной экономике // Экономический вестник ИЭТ РАН. 2020. № 1. С. 106–124. <https://doi.org/10.25728/econbull.2020.1.10-zadorozhnyaya>.
6. Табаков А.Н. Теоретические основы исследования устойчивости и самоорганизации экономических систем. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 172 с.
7. Human Development Report 2020: The Next Frontier is Human Development and the Anthropocene. URL: <https://repository.gheli.harvard.edu/repository/13106/> (дата обращения: 06.11.2021).
8. The Sustainable Development Goals Report 2021. URL: <https://unstats.un.org/sdqs/report/2021/view-from-the-pandemic/> (дата обращения: 06.12.2021).
9. Sustainable Development Report 2021. The Decade of Action for the Sustainable Development Goals. URL: <https://sdgindex.org/eng> (дата обращения: 06.12.2021).
10. Ghisellini P., Cialani C., Ulgiati S.A. Review on Circular Economy: The Expected Transition to a Balanced Interplay of Environmental and Economic Systems // Journal of Cleaner Production. 2016. Vol. 114. P. 11–32. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.09.007>.
11. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Ветрова М.А. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник СПбГУ. Экономика. 2017. Т. 33, № 2. С. 244–268. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.203>.
12. Валько Д.В. Циркулярная экономика: теоретическая модель и эффекты реализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14, № 8. С. 1415–1429. <https://doi.org/10.24891/ni.14.8.1415>.
13. Гребенкин А.В., Вегнер-Козлова Е.О. Теоретические и прикладные аспекты концепции циркулярной экономики // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 2. С. 399–411. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.13>.
14. Fomina I.B., Kushnarenko T.V., Tabakov A.N. Analysis of the Potential for the Formation of Innovative Territorial Clusters in the South of Russia // Proceedings of the Volgograd State University. International Scientific Conference “Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy” (CSSDRE 2019). Atlantis Press, 2019. P. 461–466. <https://doi.org/10.2991/cssdre-19.2019.90>.

References

1. The UN Millennium Declaration. Adopted by General Assembly resolution 55/2 of 08.09.2000. Available from: <https://www.un.org/ru> [Accessed 26th October 2021]. (In Russ.).
2. Transforming our world: The 2030 Agenda for Sustainable Development. Adopted by General Assembly Resolution 70/1 of 25.09.2015. Available from: <https://www.un.org/ru>. [Accessed 26th October 2021]. (In Russ.).
3. Matveeva L.G. Innovative business models of water consumption in industry: the impact of the circular economy. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Sciences and Humanities Research*. 2021;(37):190-197. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2021-5-190-197>. (In Russ.).

4. Nguyen H., Stuchtey M., Zils M. *Remaking the Industrial Economy*. McKinsey & Company, 2014. Available from: <http://mckinsey.com/business-functions/sustainability-and-resource-productivity/our-insights/remaking-the-industrial-economy> [Accessed 9th November 2021].
5. Zadorozhnyaya L.E. World and domestic practice of waste-free production through the transition to a circular economy. *Ekonomicheskii vestnik IPU RAN = Economic Bulletin of ICS RAS*. 2020;(1):106-124. <https://doi.org/10.25728/econbull.2020.1.10-zadorozhnyaya>. (In Russ.).
6. Tabakov A.N. *Theoretical foundations of the study of sustainability and self-organization of economic systems*. Volgograd: Volgograd branch of the RANEPa Press; 2012. 172 p. (In Russ.).
7. *Human Development Report 2020: The Next Frontier is Human Development and the Anthropocene*. Available from: <https://repository.gheli.harvard.edu/repository/13106/> [Accessed 6th November 2021].
8. *The Sustainable Development Goals Report 2021*. Available from: <https://unstats.un.org/sdqs/report/2021/view-from-the-pandemic/> [Accessed 6th December 2021].
9. *Sustainable Development Report 2021*. The Decade of Action for the Sustainable Development Goals. Available from: <https://sdgindex.org/eng> <https://unstats.un.org/sdqs/report/2021/view-from-the-pandemic/> [Accessed 6th December 2021].
10. Ghisellini P., Cialani C., Ulgiati S.A. Review on Circular Economy: The Expected Transition to a Balanced Interplay of Environmental and Economic Systems. *Journal of Cleaner Production*. 2016;114:11-32. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2015.09.007>.
11. Pakhomova N.V., Richter K.K., Vetrova M.A. Transition to a circular economy and closed supply chains as a factor of sustainable development. *Vestnik SPbGU. Ekonomika = St. Petersburg University Journal of Economic Studies*. 2017;33(2):244-268. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2017.203>. (In Russ.).
12. Valko D.V. Circular economy: theoretical model and implementation effects. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' = National Interests: Priorities and Security*. 2018;14(8):1415-1429. <https://doi.org/10.24891/ni.14.8.1415>. (In Russ.).
13. Grebenkin A.V., Wegner-Kozlova E.O. Theoretical and applied aspects of the concept of circular economy. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Journal of Economic Theory*. 2020;17(2):399-411. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.13>. (In Russ.).
14. Fomina I.B., Kushnarenko T.V., Tabakov A.N. Analysis of the Potential for the Formation of Innovative Territorial Clusters in the South of Russia. *Proceedings of the Volgograd State University International Scientific Conference "Competitive, Sustainable and Safe Development of the Regional Economy" (CSSDRE 2019)*. Atlantis Press. June 2019:461-466. <https://doi.org/10.2991/cssdre-19.2019.90>.

Информация об авторах

И.Б. Фомина – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики, финансов и природопользования.

А.Н. Табаков – кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры учета, анализа и аудита.

Information about the authors

I.B. Fomina – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics, Finance and Environmental Management.

A.N. Tabakov – Candidate of Science (Technical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022; одобрена после рецензирования 26.02.2022; принята к публикации 17.03.2022.
The article was submitted 17.02.2022; approved after reviewing 26.02.2022; accepted for publication 17.03.2022.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

OUR PERSONS

Персоналии

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-103-104

Геннадий Владимирович Драч (к 80-летию ученого)

Personalities

Gennady Vladimirovich Drach (to the 80th Anniversary of the Scientist)

5 февраля 2022 г. исполнилось 80 лет Геннадию Владимировичу Драчу – доктору философских наук (1990), профессору (1991), специалисту в области истории античной философии, теории и истории мировой культуры. Послужной список Геннадия Владимировича обширен. Он – научный руководитель Института философии и социально-политических наук ЮФУ, заведующий кафедрой «Теории культуры, этики и эстетики» РГУ (1990–2008 гг.), с 1998 по 2014 г. – декан факультета философии и культурологии Южного федерального университета (РГУ). Вице-президент Российского философского общества, член Президиума ФУМО по философии и религиоведению, член Научно-методического совета по культурологии Минобрнауки РФ, федеральный эксперт научно-технической сферы (2014–2020 гг.). Г.В. Драч является председа-

телем диссертационного совета по философским наукам при ЮФУ. Заместитель председателя Экспертного совета по философии, социологии и культурологии ВАК РФ (2008–2013 гг.). Входит в состав редколлегии журналов: «Вестник РФО»; «Личность. Культура. Общество»; «Научная мысль Кавказа»; «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Геннадий Владимирович в 1968 г. с отличием окончил истфак РГУ, аспирантуру по кафедре философии РГУ (1971), докторантуру по кафедре ИЗФ МГУ (1985). Диссертацию кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии защитил в РГУ в 1975 г. Диссертацию доктора философских наук по специальности 09.00.03 – история философии «Учение о человеке в раннегреческой философии» в Тбилиси, 1989 г. В своих работах Г. В. Драч обосновывает антропологическое прочтение античной философии, начиная с ранних (натурфилософских) этапов и связывая её историческое рассмотрение с культурными ценностями и установками греческого полиса. Им проводится широкая реконструкция античного осмысления человека в определённой культурной среде, что делает понимание культуры не простой декларацией, а методом исследования. Культура, как доказывает Г. В. Драч, открывается как предельное основание философских рефлексий. Теоретические экспликации проведенных историко-философских исследований Г. В. Драч распространяет на область теории и истории культуры.

Общее число научных публикаций (монографий, статей, учебных программ и т.д.) – более 350. Профессор Г.В. Драч подготовил 26 докторов философских наук и 38 кандидатов философских наук. Подавляющее большинство подготовленных докторов наук работают

заведующими кафедр философии и культурологии, проректорами вузов, кандидаты наук – преподавателями кафедр философии и культурологии. Г. В. Драч является лидером Ростовской философско-культурологической школы, организатором науки и руководителем авторских коллективов, автором и научным редактором 34 учебников и учебных пособий. Большинство из них имеют грифы Минобразования РФ и других организаций. Широко известны изданные под его редакцией учебники: «Культурология», «История мировой культуры», «Учебный курс по культурологии», «Культурология в вопросах и ответах». В 2003 г. «Культурология в вопросах и ответах» переведена на китайский язык. Созданные под его руководством учебники и учебные пособия изданы массовым тиражом, некоторые выдержали до 20 переизданий. По инициативе Г. В. Драча на философском ф-те РГУ было открыто отделение культурологии, аспирантура и Диссертационный совет по философским и культурологическим специальностям. Им проводилась большая работа по реорганизации ф-та в связи с созданием ЮФУ. В 2002 г. Г. В. Драч выступил инициатором и организатором III Российского философского конгресса.

Г.В. Драч – Заслуженный деятель науки РФ (2007), Заслуженный работник ВШ РФ (2002), Почетный работник ВПО РФ (2000), Заслуженный деятель науки Республики Ингушетия (2006), Заслуженный деятель науки Республики Адыгея (2012). Награжден нагрудным знаком имени академика П. Е. Ладана (ДонГАУ, 2012), почетными грамотами РФО, сертификатом Лучшая научная работа года (ЮФУ, 2012). Был награжден почетными грамотами Минобразования РФ и РФО за личный вклад в развитие отечественной философии.

Наиболее важные публикации: Культурология : учеб. пособие для студентов вузов. 17-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 1995–2010; Культурология : учеб. пособие для студентов вузов. 4-е изд. М.: Альфа-М, ИНФРА-М, 2009; История мировой культуры (мировых цивилизаций) : учеб. пособие для студентов вузов. 7-е изд. Ростов н/Д.: Феникс, 2008; «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // О. Шпенглер. Закат Европы. Ростов н/Д.: Феникс, 1998; Триумф и трагедия античного разума // Научная мысль Кавказа. 1999. № 3; Рождение античной философии и начало антропологической проблематики. М.: Гардарики, 2003; Западная цивилизация; Культура; Пайдея // Глобалистика : энциклопедия. М.: Радуга, 2003; Культура и разум: конвергенция или дивергенция? // Вопросы философии. 2003. № 8; Модернизация России: контекстуальность проблемы // Логос. 2004. № 5 (44); Наука о культуре в эпоху постмодерна // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 1 : Теория культуры. СПб., 2008; Драч Г.В. Философия Аристотеля как событие историко-культурного ряда // Вопросы философии. 2020. № 1; Драч Г.В. Г.В.Ф. Гегель о начале философии // Вопросы философии. 2021. № 12.

Редколлегия и редакция журнала поздравляют Геннадия Владимировича Драча с такой замечательной юбилейной датой и желают ему здоровья, счастья, творческих успехов, оптимизма, долгих лет жизни на благо просвещения, которому он служит на протяжении всей своей сознательной жизни!

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2022-1-105-109

Актуальное научное исследование и его объективная оценка

(Какагасанов Г.И. Массовые политические репрессии

20–40-х и нач. 50-х гг. XX в. в Дагестане и их последствия.

Историко-документальное исследование. Махачкала: Алеф, 2020. 234 с.)

Валерий Дударович Дзидзоев

Горский государственный аграрный университет, Владикавказ,

Республика Северная Осетия – Алания, Россия, dzidzoevv@mail.ru

Для цитирования: Дзидзоев В.Д. Актуальное научное исследование и его объективная оценка (Какагасанов Г.И. Массовые политические репрессии 20–40-х и нач. 50-х гг. XX в. в Дагестане и их последствия. Историко-документальное исследование. Махачкала: Алеф, 2020. 234 с.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2022. № 1. С. 105–109.

Book Review

Current Scientific Research and Its Objective Assessment

(Kakagasanov G.I. Mass political repressions of the 20-40s

and early 50s of the 20th century in Dagestan and their consequences.

Historical and documentary research. Makhachkala: Aleph Publ.; 2020. 234 p.)

Valery D. Dzidzoev

Gorsky State Agrarian University, Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania,

Russia, dzidzoevv@mail.ru

For citation: Dzidzoev V. D. Current Scientific Research and Its Objective Assessment (Kakagasanov G.I. Mass political repressions of the 20-40s and early 50s of the 20th century in Dagestan and their consequences. Historical and documentary research. Makhachkala: Aleph Publ.; 2020. 234 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2022;(1):105-109. (In Russ.).

Рецензируемая монография состоит из пяти глав, введения, заключения и примечаний. Автор исследования – многоопытный специалист высокой квалификации, известен публикациями сборников уникальных архивных документов, которые пользуются большим спросом не только в республиках Северного Кавказа, но и в целом Юга России [1–4].

Теперь же ученому сообществу предложена научная работа, в которой имеется глубокий анализ проблем повстанческого движения в Дагестане против советской власти в 20–30-е гг. XX в. Нет особой необходимости доказывать, что в эти трудные годы не только

в Дагестане, но и в некоторых других местах Северного Кавказа против советской власти сложилась серьезная и опасная оппозиция.

В нее входили не только мусульманское духовенство и часть интеллигенции коренных народов многонационального региона, но и некоторые представители трудового крестьянства. Кто-то открыто выступал против советской власти, особенно в 20-е гг., кто-то занимался саботажем, а другие – вредительством в ходе колхозного строительства уже в самом начале 30-х гг. Но пока этот период нашей общей истории еще полностью не исследован.

В рецензируемой работе анализируются многие стороны и специфические аспекты повстанческого движения в Нагорной части и в Южном Дагестане. Большое внимание уделено репрессиям против духовенства Дагестана. Ученый-исследователь приводит также убедительные данные, которые свидетельствуют о репрессиях против крестьян. Он рассматривает все периоды репрессий. Но самое большое внимание уделяет 1937–1938 гг. Списки лиц из числа интеллигенции Дагестана, осужденных в 20–50-е гг. различными судебными органами – военным трибуналом, Верховным судом или «тройкой» НКВД, – представляют особый интерес. *Во-первых*, многие из них впервые становятся достоянием и ученых-исследователей, и широкой общественности. *Во-вторых*, среди той части интеллигенции, о которой ведет речь автор, имеются и представители других народов не только Северного Кавказа, но в целом и бывшего СССР. Таким образом, усилиями Г.И. Какагасанова некоторые незаслуженно забытые имена как бы «воскресли», став достоянием не только научной, но и широкой читательской общественности.

В первой главе «*Повстанческие движения против советской власти 1921–1925 гг.*» рассматриваются антисоветские выступления в Дагестане и Чечне. Опираясь на достоверные архивные документы, автор максимально объективно показывает личности Нажмудина Гоцинского и Вали Довгоева – руководителей антисоветских восстаний в первой половине 20-х гг. XX в. Но если личность Н. Гоцинского стала известной из публикаций в постсоветской историографии [5–7], то личность В. Довгоева, руководителя восстания на Дидоевском участке Андийского округа Дагестана, до сих пор оставалась вообще неизвестной даже широкому кругу ученых. Привлекает в исследовании и то, что опытный дагестанский историк нигде не впадает в крайности, эмоциональные рассуждения, поверхностные выводы и обобщения. Он придерживается принципов объективности, научности, правдивости и т.д.

Автор приводит интересные данные о делегатах XII партийного съезда, приехавших в Москву в апреле 1923 г. Делегаты съезда обсуждали сложное и трудное положение на местах, осудили грубые, репрессивные меры антирелигиозной борьбы, которые не соответствовали программе большевистской партии. В резолюции съезда «О постановке антирелигиозной пропаганды и агитации» подчеркивалось, что «необходимо заботливо избегать всякое оскорбление чувств верующих... Грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [8].

В книге приводятся конкретные примеры, когда на местах, в том числе и в Дагестане, установки большевистской партии сознательно или в силу других причин игнорировались и не выполнялись.

Необходимо обратить внимание, что процесс социалистического строительства шел на основе коренной перестройки политической, экономической и духовной жизни народа, что ущемляло интересы миллионов людей разных национальностей. В такой сложной и противоречивой общественно-политической обстановке многие представители духовенства, а также остатки помещиков, капиталистов, зажиточных крестьян, которых называли «кулаками», не могли быть лояльными к той власти, которая организовывала на них гонения [9]. В рецензируемой книге этот аспект проблемы показан весьма убедительно, тем самым восстановлены некоторые неисследованные страницы истории не только Дагестана, но и всего Северного Кавказа.

Во второй главе «*Репрессии против духовенства республики. Трагедия семьи шейх-уль-ислама Дагестана Али-Хаджи-Акушинского*» автор сосредоточил внимание на известном мусульманском проповеднике Али-Хаджи-Акушинском, именем которого в постсоветские годы названа одна из самых больших улиц Махачкалы. Уважаемый и влиятельный высокопоставленный алим Дагестана пользовался авторитетом не только у себя на родине, но и среди мусульман всей Российской империи, а затем и Советского государства. К его мнению в самые сложные периоды истории, например в годы Гражданской войны, прислушивались не только мусульмане-дагестанцы, но и другие народы.

Именно поэтому представители советской власти в Дагестане прилагали все усилия, чтобы привлечь его на свою сторону. Уникальные документы из архивов, особенно закрытых в прежние времена, которые приводит дагестанский историк, позволяют посмотреть на исламского алима и его семью с других позиций. В Дагестане в период Гражданской войны было несколько мусульманских высокопоставленных алимов – Али-Хаджи-Акушинский, Нажмуддин Гоцинский, Узун-Хаджи-Салтинский, и др. Никто из них советскую власть не поддерживал. Однако не все они относились к ней одинаково враждебно, как, например, Н. Гоцинский, воевавший против новой власти в Дагестане и Чечне вплоть до августа 1925 г. Чтобы уничтожить массовое повстанческое движение под его руководством, понадобились огромные усилия молодой советской власти. Были задействованы части Красной Армии, которыми командовали наиболее авторитетные и знающие специалисты, во главе с командармом И.П. Уборевичем, расстрелянным как «враг народа» в период Большого террора.

По-другому складывалась жизнь, общественно-политическая и религиозная деятельность Али-Хаджи-Акушинского. Он не выступал с оружием в руках против советской власти. Но после ее установления основной целью его жизни было восстановление в Дагестане законов и норм шариата. В разгар Гражданской войны в октябре 1919 г. в с. Левашинского округа под его председательством был создан Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана. Этот государственно-религиозный орган в подробностях и до конца объективно до сих пор не исследован. Однако известно, что он был призван до образования новых органов государственной власти возглавить высшее государственное, политическое и религиозное руководство. Другими словами, Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана в период Гражданской войны должен был управлять Дагестаном как высший орган государственной власти.

В отличие от Н. Гоцинского, Акушинский не воевал против советской власти, не проливал кровь ни своих сторонников, ни большевиков. Он хотел и добивался не вражды с большевиками, а договоренностей о невмешательстве в исламскую религию и исламский образ жизни. Большевики прекрасно понимали, что без активной поддержки авторитетных и влиятельных алимов Дагестана невозможно установить советскую власть. Поэтому они часто прибегали не только к компромиссам с мусульманскими идеологами, но и к откровенному обману, лицемерию и даже лести. Конкретные факты, хранящиеся в архивах, приводит автор исследования.

Али-Хаджи-Акушинский, так же как и некоторые другие религиозные авторитеты Дагестана, переписывался с генералом А.И. Деникиным. В одном из этих писем от 16 июля 1919 г. он писал: «Дагестанский народ не приглашал частей Добровольческой армии в пределы своей территории. Он не давал никакого повода к вторжению и ко всем упомянутым агрессивным действиям. Поэтому дагестанский народ не признает никакого права за Добровольческой армией навязывать Дагестану свою волю в вопросе о форме общегосударственного управления, разрешение какового он ставит в зависимость от справедливо выраженной воле всех народов России...» [10, с. 160].

Таким образом, Али-Хаджи-Акушинский в письме к генералу Деникину показал себя не только авторитетным исламским алимом, но и дальновидным политиком. Во-первых, он выбрал правильную позицию, не признавая генерала А.И. Деникина. Во-вторых, в письме он несколько раз повторяет «о воле всех народов России», показывая тем самым, что Даге-

стан является составной частью России. *В-третьих*, выступает от имени мусульман всего Дагестана, коих было абсолютное большинство в Дагестанской области. *В-четвертых*, как мудрый и дальновидный религиозный деятель, четко отмечает, что «Дагестан признает полное право управлять собой и своими делами согласно своему быту и священному шариа-ту». Это так же, как и все остальные принципиальные позиции в деле государственного устройства Дагестана, вписывается в вековые традиции и образ жизни многонационального региона.

В период Гражданской войны два наиболее влиятельных алима Дагестана – Али-Хаджи-Акушинский и Узун-Хаджи-Салтинский, к которым присоединились и другие исламские авторитеты, потребовали в ультимативной форме от генерала А.И. Деникина: «1) очистить от частей Добровольческой армии г. Темир-Хан-Шуру (ныне г. Буйнакск. – *В.Д.*) и Дербент и вывести эти части за демаркационную линию Дагестана...; 2) отказаться от всякого вмешательства во внутренние дела Дагестана...; 3) отменить приказ о назначении “правителя Дагестана” (речь о генерал-майоре М. Халилове, которого назначил генерал А.И. Деникин. – *В.Д.*), а также отказаться от всякой поддержки офицерско-бекской сословной диктатуры над Дагестаном; 4) если условия дагестанского народа будут приняты, я как шейх-уль-ислам Дагестана обязуюсь не вести враждебных действий против Добровольческой армии, в противном случае дагестанский народ оставляет за собой свободу действий и ответственность за это будет возложена на Добровольческую армию» [10, с. 162].

Были и другие несомненные заслуги у авторитетного мусульманского деятеля Дагестана в установлении советской власти, которые приводятся в рецензируемой монографии. Что касается большевиков, особенно их лидеров, то они после установления советской власти в Дагестане в 1921 г. по мере укрепления своих позиций стали отходить от некоторых обещаний своим вчерашним оппонентам, которые давали в период ожесточенной Гражданской войны. Так, большевики заключали компромиссы в тяжелые годы борьбы против Добровольческой армии, других противников советской власти с влиятельными алимами Дагестана Али-Хаджи-Акушинским, Узун-Хаджи-Салтинским и другими, за которыми шли народные массы. Тогда это было единственным их спасением. По мере же укрепления советской власти в Дагестане большевики стали «забывать» о заслугах тех, кто не имел прямого отношения к советской власти, в том числе и Али-Хаджи Акушинском. В 1930 г. он умер, разочарованный в большевиках.

В других главах книги также содержится интересная информация и выводы, имеется много нового, ранее неисследованного и неопубликованного. Именно в этом состоит особая заслуга автора. В то же время не обошлось без некоторых недостатков и упущений. Так, третья глава «Массовые репрессии против крестьянства в 20–30-х гг. XX в.» как бы утверждает, что в 40–50-е гг. уже не было репрессивных мер против крестьянства. Хотя это далеко не так. Репрессии имели место вплоть до конца 50-х гг. XX в. Следовало также расширить 4 главу «Показательные судебные процессы в Дагестане в 1937 г. в отношении колхозного крестьянства и рабочих совхозов». В архивах Дагестана есть интересные документы, которые проливают свет на некоторые судебные процессы и после 1937 г. в отношении и крестьян, и рабочих. Более удачно сформулирована 5 глава «Политические репрессии против интеллигенции Дагестана в 20–50-е гг. и их последствия». Именно до конца 50-х гг. продолжались различные формы репрессий в нашей стране. Тем не менее монография Г.И. Кака-гасанова представляет большой интерес не только в научном плане, но и в учебном процессе вузов и других учебных заведений.

Список источников

1. Дагестанская областная организация ВЛКСМ. 1920–1987 : стат. справочник / сост. Г.И. Кака-гасанов, Р.И. Джамбулатова. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988.

2. Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918 гг.), Горская Республика (1918–1920 гг.): документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, А.Г.С. Гаджиев, С.Ч. Асильдаров, Л.Г. Каймаразова, И.М. Мусаев. Махачкала: ДНЦ РАН, 1994.
3. Дагестан в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, Ш.Г. Гасанов, Р.И. Джамбулатова. Махачкала: ИИЦ ДГУ, 1995.
4. Люди и судьбы: заявления и письма репрессированных в 30-е годы / сост. Г.И. Какагасанов, М.Д. Бутаев, В.Г. Гаджиев, Р.И. Джамбулатова. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1996.
5. Доного Х. Нажмуддин Гопинский. Махачкала, 2011.
6. Дзидзов В.Д. Национальные отношения на Кавказе. Владикавказ, 1995.
7. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Махачкала, 1997. С. 290–291.
8. XII съезд РКП(б). М., 1924. С. 226.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. 9-е изд. (1922–1925). М., 1984. С. 115.
10. Али-Хаджи-Акушинский-шейх-уль-ислам Дагестана, патриот и миротворец: документы и материалы / сост. Г.И. Какагасанов, А.С. Гаджиев и др. Махачкала: Юпитер, 1998. С. 162–167.

References

1. *Dagestan regional organization of the Komsomol. 1920-1987: stat. handbook*. Comp. by G.I. Kakagasanov, R.I. Dzhambulatov. Makhachkala: Dagknigoizdat Publ.; 1988. (In Russ.).
2. *The Union of the United Highlanders of the North Caucasus and Dagestan (1917-1918), the Mountain Republic (1918-1920): documents and materials*. Comp. by G.I. Kakagasanov, A.-G.S. Gadzhiev, S.Ch. Asildarov, L.G. Kaimarazova, I.M. Musaev. Makhachkala: DNTs RAN Press; 1994. (In Russ.).
3. *Dagestan during the Great Patriotic War (1941-1945)*. Comp. by G.I. Kakagasanov, M.D. Butaev, Sh.G. Gasanov, R.I. Dzhambulatov. Makhachkala: INC DSU Press; 1995. (In Russ.).
4. *People and destinies: statements and letters of the repressed in the 30s*. Comp. by G.I. Kakagasanov, M.D. Butaev, V.G. Gadzhiev, R.I. Dzhambulatov. Makhachkala: CPI DSU Press; 1996. (In Russ.).
5. Donogo H. *Nazhmuddin Gotsinsky*. Makhachkala, 2011. (In Russ.).
6. Dzidzoev V.D. *National relations in the Caucasus*. Vladikavkaz, 1995. (In Russ.).
7. *History of Dagestan from ancient times to the present day*. Makhachkala, 1997:290-291. (In Russ.).
8. *XII Congress of the RCP(b)*. Moscow, 1924. 226 p. (In Russ.).
9. *CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1922-1925)*. Vol. 3. 9th ed. Moscow, 1984. 115 p. (In Russ.).
10. *Ali-Khadzhi-Akushinsky-sheikh-ul-Islam of Dagestan, patriot and peacemaker: documents and materials*. Comp. by G.I. Kakagasanov, A.S. Gadzhiev [et al.]. Makhachkala: Yupiter Publ.; 1998:162-167. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Д. Дзидзов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета.

Information about the author

V.D. Dzidzoev - Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science, Faculty of Law.

Рекомендации по оформлению транслитерации (References)

Монографии, книги целиком

Neymark M.A. *Linear differential operators*. Moscow: Nauka Publ.; 1969. 526 p. (In Russ.).

Zozulin G.M., Fedyaeva V.V., eds. *Flora of the Lower Don*. Rostov-on-Don: Rostov University Press; 1984, ch. 1. (In Russ.).

Статьи в журналах

Pechentsov A.S. Boundary value problems for differential equations containing a parameter with multiple roots of the characteristic equation. *Differentsial'nye uravneniya = Differential Equations*. 1984;20(2):263-273. (In Russ.).

Диссертации, авторефераты

Saakian N.S. *Boundary value problems for differential equations of the fourth order in the case of multiple roots of the characteristic equation*. Dissertation Thesis. Baku, 1985. 135 p. (In Russ.).

Авторские свидетельства, патенты

Grezin V.S., Novosyadly V.A. *The software tool automatically determine the age of the participant social network Ageception*. Version 1.1. Certificate, No. 2014614425, 24th April 2013. (In Russ.).

Электронные источники, интернет-сайты

Available from: www.ecoternopil.gov.ua [Accessed 10th October 2014].

Ivanov S.E. *Marine industry and the global crisis - monitoring of codebroker*. Available from: http://www.korabel.ru/news/comments/morskaya_industriya_i_globalniy_krizis_-_nablyudeniya_sudobrokera.html [Accessed 10th October 2014]. (In Russ.).

Нормативные документы

On approval of the water quality standards fishery water bodies, including the maximum permissible concentrations of harmful substances in the waters of fishery water bodies: Order of the Rosrybolovstvo No. 20 at 10th October 2014. Moscow, 2010. (In Russ.).

GOST 10444.9-88. Food products. Method for determination of *Clostridium perfringens*. Moscow, 2010. (In Russ.).

Материалы конференций, семинаров, сборников

Nazarko O.V., Pavlov I.V., Chernov A.V. Deformation and deformed stochastic basis. *Mathematical methods in modern and classic models of economics and science*. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don: Antei Publ., 2012:37-54. (In Russ.).

Научный журнал
«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:

- «Заметки о книгах»;
- «Научная жизнь»;
- «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе Microsoft Office Word 2000, 2003, 2007, 2010, 2016 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman, размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках**.
4. Полное название организации **на русском и английском языках**.
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках** (8–10 слов).
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2022-1.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2022. № 1